

ISSN 2500-042X

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ

№ 1 (23)
2026

Международный научно-аналитический журнал
Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

№ 1 (23) • 2026

Санкт-Петербург

**УЧРЕДИТЕЛЬ
МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

191015, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 47
<https://iacis.ru>; kanz@iacis.ru, kia@iacis.ru
Телефон редакции: +7 (812) 404-57-05

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационное свидетельство ПИ №ФС 77-67178 от 16 сентября 2016 г.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

И. О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. А. Краснов, кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. И. Амбурцева, кандидат географических наук
Т. А. Баранова, кандидат педагогических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
Е. Ю. Владимирова, кандидат экономических наук
Р. Ю. Левин, кандидат экономических наук
О. В. Подкорытова, кандидат юридических наук, доцент
А. И. Сурыгин, доктор педагогических наук, профессор

© ДИАЛОГ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА, 2026

ВЫХОД В СВЕТ 30.03.2026. ФОРМАТ 60 × 90 1/8. ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 17.03.2026.
ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. БУМАГА ОФСЕТНАЯ. ГАРНИТУРА CHARIS SIL.
УСЛ. ПЕЧ. Л. 12,75. ТИРАЖ 1000 ЭКЗ. ЗАКАЗ № 72.

Отпечатано в ООО «Медиапапир».
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 28, лит. А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194.
Тел.: +7 (812) 987-75-26; mediapapir@gmail.com
www.mediapapir.com; www.mediapapir.ru

С О Д Е Р Ж А Н И Е

CONTENTS

От редакции	5
<hr/> <i>Минина О. Г., Минин И. В.</i> Подготовка педагогических кадров с учетом современных требований и международного опыта <i>Minina O. G., Minin I. V.</i> Training Teaching Staff in the Context of Modern Requirements and Due to International Experience	6
<hr/> <i>Монастырский Д. В., Дудко Д. Г.</i> К вопросу о формировании компетенций в области интеллектуальной собственности для высших учебных заведений <i>Monastyrskiy D. V., Dudko D. G.</i> On the Development of IP Competencies for Higher Education Institutions	14
<hr/> <i>Баранова Т. А.</i> Общая характеристика и тенденция развития образовательного законодательства в сфере цифровизации государств — участников Содружества Независимых Государств <i>Baranova T. A.</i> General Characteristics and Development Trend of Educational Legislation in the Field of Digitalization of the Member States of the Commonwealth of Independent States	28
<hr/> <i>Косарев С. Ю.</i> Коррупция в Московском государстве в XVI–XVII веках (историко-правовой обзор) <i>Kosarev S. Yu.</i> Corruption in the Moscow State in the 16 th and 17 th Centuries (Historical and Legal Review)	45
<hr/> <i>Хоршева Ю. О.</i> Актуальные вопросы правового регулирования добровольческих формирований территориальной обороны в странах СНГ <i>Khorsheva Yu. O.</i> Actual Issues of Legal Regulation of Voluntary Territorial Defense Forms in the CIS Countries	51
<hr/> <i>Агарков М. В.</i> Лингвистический и алгоритмический империализм. Судьба русского языка в эпоху искусственного интеллекта <i>Agarkov M. V.</i> Linguistic and Algorithmic Imperialism. The Fate of the Russian Language in the Era of Artificial Intelligence	58
<hr/> <i>Кузнецов А. И., Анфалова Л. В.</i> Об опыте работы центров открытого образования Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета <i>Kuznetsov A. I., Anfalova L. V.</i> About the Experience of Open Education Centers of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University	67

Каттаханова Д. С.
Теоретические и концептуальные подходы к политической активности женщин 72
Kattakhanova D. S.
Theoretical and Conceptual Approaches to Women's Political Participation

Нуркулов Б.
Социальный анализ политической социализации студенческой молодежи (на примере Узбекистана) 80
Nurkulov B.
Social Analysis of Student-Youth Political Socialization (Using the Example of Uzbekistan)

Яшина Т. В.
Сохранение биоразнообразия горных регионов в условиях климатических изменений: опыт разработки стратегии адаптации природоохранного сектора для Алтае-Саянского экорегиона 90
Yashina T. V.
Biodiversity Conservation in the Mountain Regions under Climate Change: Development of the Conservation Adaptation Strategy for the Altai-Sayan Ecoregion

От редакции

Основу этого выпуска составили доклады, представленные на международном научно-образовательном конгрессе государств — участников СНГ «Интеллектуальный код Содружества», организованном совместно Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Конгресс состоялся 30–31 октября 2025 г. в Санкт-Петербурге — в Таврическом дворце, штаб-квартире Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ.

С учетом высокого интереса со стороны научного и профессионального сообщества, организаторы приняли решение провести в октябре 2026 г. второй международный научно-образовательный конгресс государств — участников СНГ «Интеллектуальный код Содружества». Мероприятие вновь пройдет в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. Ключевая тема конгресса 2026 года: «Гуманитарные основы цифрового будущего». В фокусе обсуждения — воспитание лидера в цифровом мире, развитие сетевого образования как проводника межкультурного диалога, цифровое сохранение культурного достояния, грантовая поддержка технологического суверенитета.

В рамках конгресса планируется провести форум ректоров Содружества на тему «Университет — архитектор ценностей в эпоху цифровой трансформации». Целью организации форума является консолидация усилий лидеров высшего образования стран СНГ для выработки общих подходов к формированию университета будущего.

Официальный сайт конгресса:

<https://www.incode-cis.com/>

Контактное лицо от организационного комитета конгресса:
начальник отдела обеспечения модельного законотворчества
экспертно-аналитического управления Секретариата Совета МПА СНГ

Баранова Татьяна Анатольевна
+7 (921) 756-95-29, +7 (812) 404-57-65, bta@iacis.ru

Подготовка педагогических кадров с учетом современных требований и международного опыта

Минина О. Г.¹
Минин И. В.²

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников
Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Training Teaching Staff in the Context of Modern Requirements and Due to International Experience

Minina O. G.¹
Minin I. V.²

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, the Russian Federation

² Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of Member Nations
of the Commonwealth of Independent States, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подготовки и отбора профессиональных педагогических кадров в соответствии с требованиями федеральных стандартов. Делается акцент на новых функциях и качествах учителя. Проводится сопоставление российских требований с программами подготовки преподавателей высшей школы Великобритании и США на примере схемы аккредитации преподавателей SEDA и с требованиями Национального совета по аккредитации педагогического образования США. Делается вывод о необходимости методики количественного анализа эффективности деятельности вузов на основе рассмотренных в статье качественных критериев.

Ключевые слова: педагог нового поколения, функции учителя, программы подготовки преподавателей высшей школы, критерии аккредитации преподавателей.

Abstract. The article focuses on considering the issues of training and selection of professional teaching staff due to the tasks set in the national federal standards. The emphasis is made on the new functions and qualities of the teacher. The authors compare domestic requirements and training programs for university teachers in the UK and the USA using the example of the SEDA teacher accreditation scheme and the requirements of the National Council for Accreditation of Teacher Education in the USA. The article concludes with a call for a methodology to quantitatively analyze the effectiveness of universities, based on the qualitative criteria discussed throughout the article.

Keywords: new generation teacher, teacher functions, higher school teacher training programs, teacher accreditation criteria.

Об авторах:

Минина Ольга Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, sefl@mail.ru

Минин Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, советник отдела обеспечения модельного законодательства экспертно-аналитического управления Секретариата Совета МПА СНГ, miv15071971@mail.ru

About the authors:

Minina Olga Georgievna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of English for Professional Communication, the Herzen State Pedagogical University of Russia, sefl@mail.ru

Minin Igor Vladimirovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Advisor to the Model Lawmaking Department of the Expert and Analytical Department of the IPA CIS Council Secretariat, miv15071971@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.10.2025, принят к публикации 09.12.2025
Article received by the editorial office on 28.10.2025, accepted for publication on 09.12.2025

Введение

В Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года поставлена задача вхождения Российской Федерации в число 10 лучших стран мира по качеству общего образования [1]. В документе в соответствии с национальными целями и задачами развития страны, с учетом актуальной исследовательской повестки в сфере образования сформулированы цели, задачи, принципы, этапы и мероприятия, а также ожидаемые результаты этих мероприятий к концу 2030 г. Однако для понимания целей и содержания указанных мероприятий необходимо предметно рассмотреть изменившуюся концепцию педагога в России на современном этапе.

Современные тенденции образования таковы, что учитель оказывается не единственным источником информации, а своего рода проводником и наставником в мире образовательных сред — как онлайн, так и офлайн. Функцией учителя становится организация процесса обучения с использованием открытых ресурсов, их отбор, систематизация и выстраивание в определенную последовательность для достижения наилучшего результата обучения [2]. Педагог превращается в проектировщика инвариантных и индивидуальных траекторий обучения для своих студентов, тьютора и консультанта-эксперта. Соответственно, новые качества, необходимые современному педагогу, — профессиональная экспертность, критический анализ источников, умение найти и выделить первоисточник информации и оценить его по критерию «истинно — ложно». Требования к современному студенту тоже меняются: он должен осуществлять также рефлексию своего развития, уметь планировать свое время, организовывать пространство обучения и обладать собственной волей и мотивацией к обучению, поскольку эти функции преподавателя отчасти переходят к студенту, являясь следствием его автономизации.

Надо признать, что данные компетенции у современных педагогов встречаются не часто. Не только потому, что произошла перестройка системы отечественного образования, но и вследствие существенного переосмысления системы подготовки и самой миссии педагога.

Экзистенциально меняется формат образования в принципе, и общество не успевает к нему адаптироваться. Это приводит к сложной ситуации: педагоги не успевают осмыслить и оценить требования реальной жизни и обоснованно построить образовательный процесс как с учащимися, так и с будущими педагогами. Все это ведет к падению качества образования, отсутствию преемственности между поколениями педагогов и кардинальным различиям в подходах к получению знаний между педагогами и учащимися.

Существенным в связи с этим является определение самого понятия «знания». Что именно получают ученики: информацию или обработанный кем-то информационный продукт? Для того чтобы превратить информацию в знания, ученику необходимо получить ее из различных релевантных и надежных источников, отобрать существенное и сформировать собственную систему причинно-следственных и иерархических связей, соотнеся ее со своей предыдущей пресуппозицией. Если же он получает готовый информационный продукт, такой работы совершать не нужно: информация уже обработана, имеет встроенные логические связи и оценочные суждения. Современная система школьного и вузовского образования ориентирует и школьников, и студентов на первый вариант обучения — самостоятельное критическое мышление. А педагоги, как фасилитаторы образовательного процесса, должны уметь создавать корректный и объективный, но в то же время и авторский, информационный продукт. Поскольку в современном быстро меняющемся и насыщенном образовательном пространстве учащимся нужна помощь в обработке информации, происходит определенное зашаблонивание и структурирование.

Таким образом, перед педагогами стоит сложная, но увлекательная задача — совместить две встречные тенденции: обучение учащихся самостоятельному критическому мышлению и создание

для них современных авторских информационных продуктов. Это задача для педагога нового поколения, который в ближайшем будущем должен пройти путь от «единственного источника информации» через «фасилитатора образовательного процесса» к «создателю образовательных сред обучения». Под последними понимается не только совокупность отобранных и упорядоченных под задачу образовательных продуктов, но и морально-ценностная позиция педагога, а также встроенные метапредметные технологии обучения, в том числе и soft skills, лабильные траектории обучения, способные адаптироваться под каждого учащегося.

Данные задачи в подготовке будущих педагогов поставлены Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование», который утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 21 ноября 2014 г. № 1505, профессиональными стандартами «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)» и «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденными соответственно приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н и приказом Минтруда России от 8 сентября 2015 г. № 608н. Стандарта для педагога высшей школы в Российской Федерации пока не разработано.

Поскольку проблема подготовки и отбора профессиональных педагогических кадров является актуальной в большинстве стран мира, интерес представляет то, как в других странах решается вопрос «создания» педагога нового поколения. В частности, стоит обратиться к опыту Великобритании и США в сфере высшего образования. Рассмотрим его подробнее.

Университеты Великобритании предлагают программы подготовки преподавателей высшей школы, основанные на профессиональных стандартах, разработанных еще в 2006 г. Академией высшего образования (Higher Education Academy — HEA) или еще раньше, в ноябре 1990 г., Ассоциацией профессионального и образовательного развития (Staff and Educational Development Association — SEDA) [3].

Вопрос согласования профессиональных стандартов для персонала высшей школы поднимался на высшем уровне правительства, и было отмечено, что новые национальные профессиональные стандарты для преподавателей высшей школы устанавливаются как основа аттестации всего профессорско-преподавательского состава. В 2006 г. Академией высшего образования была введена в действие Национальная рамка профессиональных стандартов для преподавателей высшей школы (National Professional Standards Framework for Teaching and Supporting Learning in Higher Education) [4]. В центре этой системы — понимание особого характера преподавания в высшей школе, уважение к автономии вузов, принятие необходимости повышать качество обучения и преподавания в высшей школе. Ее задачами было обозначено: облегчить поддержку профессионального развития профессорско-преподавательского состава; выработать профессиональные подходы к обучению студентов путем креативного, инновационного и постоянного развития; демонстрировать студентам и другим членам общества профессионализм преподавателей высшей школы; поддерживать последовательность и качество обучения [4].

В документе выделялись пять сфер деятельности как основа для оценки преподавателей в процессе прохождения программ профессионального развития и оценивания:

- 1) разработка и планирование учебной деятельности и (или) программ;
- 2) преподавание и поддержка студентов;

3) оценка достижений студентов и обеспечения обратной связи;

4) создание и развитие среды эффективного обучения и системы управления и поддержки студентов;

5) интеграция научно-исследовательской работы с другими видами профессиональной деятельности, такими как преподавание и общественная работа [4].

SEDA предложила Схему аккредитации преподавателей (Teacher Accreditation Scheme), а затем разработала профессиональные стандарты, изложенные в Рамке профессионального развития (Professional Development Framework). Целью Схемы было признание общих стандартов для преподавателей высшей школы и определение ценностей и принципов профессиональной деятельности. С 2002 г. в силу вступила Рамка профессионального развития, которая включает три основных компонента:

1) ценности и принципы, обеспечивающие высокий уровень обучения и преподавания;

2) основные результаты профессионального развития;

3) специальные результаты, представляющие собой особые способности персонала высшей школы.

Ценности и принципы, предложенные SEDA, носят рекомендательный и общий характер и включают в себя следующее:

- понимание, как люди учатся;
- ученость, профессионализм и нравственная практика;
- работа в сообществах обучающихся и их развитие;
- умение работать с различными студентами;
- постоянная рефлексия профессиональной практики;
- постоянное профессиональное развитие и совершенствование процесса обучения [4].

Среди основных результатов профессионального развития были выделены следующие:

- способность определять цели, направления и приоритеты собственного профессионального развития;

— умение планировать свое профессиональное развитие;

— умение применять на практике соответствующие формы профессионального развития;

— способность анализировать свое профессиональное развитие и педагогическую практику и умение устанавливать связи между ними [3].

Данные рекомендации и принципы должны быть определяющими в организации педагогической и других видов деятельности преподавателя высшей школы.

Национальным советом по аккредитации педагогического образования США (National Council for Accreditation of Teacher Education) также были разработаны профессиональные стандарты для преподавателей высшей школы (Стандарт № 5) [5]. В стандартах описываются требования к квалификационному уровню, качеству преподавания, научно-исследовательской деятельности, общественной работе, сотрудничеству с коллегами, общей оценке профессио-

нальной деятельности, профессиональному развитию. Среди требований к педагогам указаны следующие:

— информационная грамотность;

— использование результатов исследований и понимание качественных и количественных методологий исследования;

— использование анализа данных и фактических сведений для создания благоприятной, разнообразной и инклюзивной обучающей среды;

— участие в совместной деятельности с коллегами, учителями, администраторами, общественными организациями и родителями;

— применение технологий, соответствующих сфере специализации;

— применение профессиональных навыков, этических кодексов и профессиональных стандартов, соответствующих сфере деятельности.

Данные рекомендации можно представить в виде таблицы, выделив семь критериев.

Критерии оценки деятельности вуза

Критерий	Недопустимо	Приемлемо	Желательно
1 Квалификационный уровень преподавательского состава	Большая часть преподавательского состава не имеет научной степени и достаточного профессионального опыта	Большинство преподавателей имеет научную степень и профессиональный опыт работы в высших учебных заведениях	Все преподаватели имеют научную степень и опыт работы в вузе
2 Модель преподавания	Преподаватели ограничены в понимании своей области. Используемые ими методы не отражают современных исследований по обучению и преподаванию. Очень редко используются информационные технологии. Преподаватели не помогают студентам развить свой профес-	Преподаватели демонстрируют глубокое понимание предмета, который преподают. Преподавание отражает концепции современных исследований и теорий в области педагогики. Наблюдается систематическое оценивание студентов. Стиль преподавания поощряет студентов к рефлексии, критиче-	Преподаватели демонстрируют углубленное понимание предмета, который преподают. Они сочетают в себе функции преподавателя и ученого, интегрируя эти два аспекта в своей профессиональной деятельности. Они демонстрируют интеллектуальную заинтересованность в проблемных вопросах. Используется широкий спектр методов и стратегий преподавания. В течение всего курса применяется индивидуальный подход к студентам.

Критерий	Недопустимо	Приемлемо	Желательно
	сиональный уровень. Не существует четкой системы оценки знаний, умений и навыков студентов. Не применяется рефлексия собственной педагогической деятельности	скому мышлению, решению проблем и формированию профессиональных склонностей. Преподаватели используют широкий спектр методов и стратегий преподавания. Они оценивают себя как педагогов	В процессе оценки студентов преподаватели стремятся улучшить уровень обучения, используют различные формы оценки. Большинство преподавателей признаны коллегами как выдающиеся ученые и педагоги
3 Модель научно-исследовательской работы	Незначительное количество преподавателей привлечены к научной работе, хотя она является обязательным условием работы в высшей школе	Преподаватели ведут научную работу в области своей специализации. Они привлечены к различным типам исследований	Преподаватели ведут научную работу, связанную с преподаванием, обучением и отраслью их специализации. Они активно вовлечены в различные типы исследований
4 Модель общественной работы	Мало преподавателей участвует в общественной деятельности. Почти никто из преподавательского состава не является членом профессиональной организации на местном, национальном или международном уровне	Преподаватели осуществляют общественную работу в университете, колледже, школе. Они активно вовлечены в профессиональное сотрудничество со школами, активно сотрудничают с профессиональными организациями различного уровня. Выполняют общественную работу, связанную с образованием на местном, национальном или международном уровне	Преподаватели активно привлекаются к различным видам общественной работы, связанной с образованием, в том числе и в сотрудничестве с коллегами из школ, административных органов и т.д. Они являются не только членами, но и лидерами профессиональных организаций различного уровня
5 Сотрудничество	Сотрудничество с коллегами из других высших учебных заведений почти не происходит или очень ограничено. Сотрудничество со школами сводится к руководству педагогической практикой студентов	Сотрудничество с преподавателями других вузов, школ и членами иных образовательных сообществ происходит регулярно и систематически. Цель этого сотрудничества — совершенствование преподавания	Преподаватели активно вовлечены в сотрудничество с коллегами согласно разработанной концепции взаимодействия различных учебных заведений. Разрабатываются совместные программы, проекты и т.п. с целью развития и совершенствования знаний, проведения исследований, создания презентаций, публикации учебно-методических и научных материалов и совершенствования всего процесса преподавания
6 Общая оценка профессиональной деятельности	Оценивание происходит нерегулярно и несистематически. Оценивание не используется для совершенствования педагогической деятельности	Оценивание проводится систематически и регулярно с целью улучшения профессиональных компетенций преподавателей. Оценивание используется для совершенствования	Система оценивания является всеобъемлющей, включает регулярный анализ преподавания, научной деятельности и общественной работы преподавателей в пределах профессионального сообщества и администрации учебного заведения

Критерий	Недопустимо	Приемлемо	Желательно
		преподавания, научной деятельности и общественной работы профессорско-преподавательского состава	
7 Профессиональное развитие	Профессиональное развитие не связано с оценкой преподавателей администрацией вуза. Учебное заведение не побуждает профессорско-преподавательский состав к профессиональному развитию	Учебное заведение обеспечивает возможность профессионального развития преподавателей. Цель профессионального развития — освоить новые знания, развить новые умения, связанные с педагогической деятельностью	В вузах существует политика и отработанная практика, которая побуждает профессорско-преподавательский состав к постоянному профессиональному развитию. Опытные преподаватели выступают в роли наставников своих молодых коллег, обеспечивая поддержку в развитии всех сфер деятельности

Заключение

Если провести анализ приоритетов развития российских педагогических вузов в соответствии с Концепцией подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года [1], можно убедиться, что многие из них совпадают с представленными в таблице. Такой сравнительно-сопоставительный анализ проводился российскими исследователями в течение последних 20 лет, однако работы подобного рода довольно немногочисленны [6–9], а некоторые из них уже утратили свою актуальность. В то же время с уверенностью можно сказать, что, наряду с существующими

и хорошо известными рейтингами педагогических вузов, необходима методика количественного анализа эффективности их деятельности, которая могла бы быть построена на основе представленных выше качественных критериев. Такие параметры, как модель преподавания, общественная работа, сотрудничество, рефлексия и оценка своей профессиональной деятельности, профессиональное развитие, очень важны для правильной оценки качества образования, они не могут быть проигнорированы, хотя и сложнее поддаются количественному описанию.

Библиографический список

1. О Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/?ysclid=mh7xj3nr7o18744067> (дата обращения: 25.10.2025).

2. Минина О. Г. Цифровой креолизованный образовательный текст и новые требования к участникам процесса обучения // Профессиональное образование в условиях глобальных

вызовов: сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск: РИПО, 2023. С. 399–405. EDN QDDLUVU.

3. SEDA professional development framework // SEDA. URL: <https://www.seda.ac.uk/professional-development-opportunities/seda-professional-development-framework-seda-pdf/> (дата обращения: 25.10.2025).

4. UK Professional Standards Framework. URL: <https://ukpsfguide.pbworks.com/w/page/62972374/UK%20Professional%20Standards%20Framework> (дата обращения: 15.01.2026).

5. CAEP Initial-Licensure Level Standards. Standard 5: Quality Assurance System and Continuous Improvement // CAEP. URL: <https://caepnet.org/caep-standards/#standard-5> (дата обращения: 15.01.2026).

6. Описание и анализ подходов к разработке образовательных стандартов высшего педагогического образования в системе образования Австралии и США // Научно-методическое обоснование единых подходов по разработке федерального государственного образовательного стандарта высшего педагогического образования следующего поколения. Анализ существующих подходов к разработке ФГОС высшего педагогического образования / А. А. Федоров, А. О. Бударина, К. Л. Полупан [и др.]. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2021. С. 77–115. EDN XMYFAU.

7. Щербак Е. Н. Зарубежные образцы системы управления высшим образованием (на примере образовательных стандартов Франции и США) // Образование и право. 2012. № 4 (32). С. 33–41. EDN PYYRJZ.

8. Сабирова Д. Р., Акмаева А. С. Подготовка учителя иностранного языка в условиях функционирования стандартов высшего языкового образования в США // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (часть 6). С. 1282–1285. EDN SFCEUF.

9. Minina O., Minin I. Designing a Russian — American Teachers' Training Program in the Field of Inclusion // *Man. Society. Communication* (Veliky Novgorod, April 23–24, 2020). Vol. 108. ISO LONDON LIMITED — European Publisher, 2021. Pp. 1554–1562. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.197. EDN KFXGYA.

References

1. On the Concept of Training Teachers for the Education System for the Period up to 2030. Order of the Government of the Russian Federation No. 1688-r dated June 24, 2022. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/?ysclid=mh7xj3nr7o18744067>. (In Russ.)

2. Minina O. G. Digital creolized educational text and new requirements for participants in the learning process. *Professional Education in the Face of Global Challenges: Proceedings of an International Scientific and Practical Conference*. Minsk: RIPO, 2023. Pp. 399–405. EDN QDDLUV. (In Russ.)

3. SEDA. Professional Development Framework. URL: <https://www.seda.ac.uk/about-seda/activities/>.

4. UK Professional Standards Framework. URL: <https://ukpsfguide.pbworks.com/w/page/62972374/UK%20Professional%20Standards%20Framework>. (Accessed: 15.01.2026).

5. CAEP Initial-Licensure Level Standards. Standard 5: Quality Assurance System and Continuous Improvement. CAEP. URL: <https://caepnet.org/caep-standards/#standard-5> (Accessed: 15.01.2026).

6. Description and analysis of approaches to developing educational standards for higher education in the Australian and US education systems.

Scientific and Methodological Substantiation of Unified Approaches to the Development of the Federal State Educational Standard for Higher Pedagogical Education of the Next Generation. Analysis of Existing Approaches to the Development of the Federal State Educational Standard for Higher Pedagogical Education (A. A. Fedorov, A. O. Budarina, K. L. Polupan and others). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2021. Pp. 77–115. EDN XMYFAU. (In Russ.)

7. Shherbak E. N. Foreign Models of Higher Education Management System (Based on the Educational Standards of France and the United States). *Education and Law*, 2012, no. 4(32), Pp. 33–41. EDN PYYRJZ. (In Russ.)

8. Sabirova D. R. Training a Foreign Language Teacher in the Context of Higher Language Education Standards in the United States (D. R. Sabirova, A. S. Akmaeva), *Fundamental'ny'e issledovaniya*, 2014, no. 6–6, pp. 1282–1285. EDN SFCEUF. (In Russ.)

9. Minina O., Minin I. Designing a Russian — American Teachers' Training Program In The Field Of Inclusion. *Man. Society. Communication*. Veliky Novgorod, April 23–24, 2020. Vol. 108. ISO LONDON LIMITED — European Publisher, 2021. Pp. 1554–1562. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.197. EDN KFXGYA.

К вопросу о формировании компетенций в области интеллектуальной собственности для высших учебных заведений

Монастырский Д. В.¹
Дудко Д. Г.¹

¹ Федеральный институт промышленной собственности,
Москва, Российская Федерация

On the Development of IP Competencies for Higher Education Institutions

Monastyrskiy D. V.¹
Dudko D. G.¹

¹ Federal Institute of Industrial Property, Moscow, the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена актуальной задаче современного образования в области интеллектуальной собственности — формированию комплекса компетенций для высших учебных заведений (университетов). Рассмотрены основные подходы к структурированию компетенций, выделены базовые требования к знаниям, навыкам и умениям, необходимым будущим специалистам по инновациям и интеллектуальной собственности. Ключевыми элементами комплекса компетенций обозначены профессиональные компетенции, соответствующие пяти этапам жизненного цикла результата интеллектуальной деятельности (ЖЦ РИД): планирование РИД; создание РИД; получение правовой охраны РИД; учет и использование прав на объект интеллектуальной собственности; коммерциализация прав на объект интеллектуальной собственности. Приведен разработанный авторами комплекс компетенций, состоящий из четырех компонентов: универсальные компетенции, общепрофессиональные компетенции, профессиональные компетенции по этапам ЖЦ РИД и практические навыки и умения; комплекс компетенций ориентирован на эффективное взаимодействие различных дисциплин и формирует фундаментальную методическую основу для последующей разработки преподавателями вузов учебных программ (модулей) и курсов, предназначенных для подготовки квалифицированных специалистов в сфере интеллектуальной собственности в системе высшего образования.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, комплекс компетенций, обоснование разработки комплекса компетенций, знания, умения, навыки, жизненный цикл результата интеллектуальной деятельности, подготовка профессионалов нового поколения.

Abstract. The present article addresses an urgent issue in modern intellectual property education: developing a set of IP competencies for higher education institutions (universities). The authors examined main approaches aimed at structuring competencies and outlined the basic requirements for the knowledge, skills, and abilities needed by future professionals in innovation and intellectual property. The key elements of this set are professional competencies that cover five stages of the intellectual property life cycle (IPL): planning an IP; creating an IP; obtaining legal protection for an IP; the registration and using of an IP object; and its commercialization. The set

of IP-competencies developed by the authors and presented here consists of four components: a universal competency framework, general professional competencies, professional competencies related to the stages of the IPL, practical skills and abilities. This set is focused on the effective interaction of multiple disciplines and forms a fundamental methodological basis for the subsequent development by university faculty of curricula and courses (tutorials) designed to train qualified IP specialists in higher education.

Keywords: intellectual property, a set of competencies, justification for the development of a set of competencies, knowledge, skills, abilities, intellectual property life cycle, training of professionals of a new generation.

Об авторах:

Монастырский Денис Викторович — кандидат педагогических наук, начальник Научно-образовательного центра Федерального института промышленной собственности, Москва, Российская Федерация, direct19@rupto.ru

Дудко Дмитрий Георгиевич — кандидат экономических наук, начальник научно-исследовательского сектора Научно-образовательного центра Федерального института промышленной собственности, Москва, Российская Федерация, dmitrii.dudko@rupto.ru

About the authors:

Monastyrskiy Denis Viktorovich — PhD in Pedagogical Sciences, Head of the Scientific and Educational Center of the Federal Institute of Industrial Property, Moscow, the Russian Federation, direct19@rupto.ru

Dudko Dmitry Georgievich — PhD in Economics, Head of the Research Sector at the Federal Institute of Industrial Property, Moscow, the Russian Federation, dmitrii.dudko@rupto.ru

Материал поступил в редакцию 29.10.2025, принят к публикации 23.12.2025
Article received by the editorial office on 29.10.2025, accepted for publication on 23.12.2025

Авторы выражают признательность руководству Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) и Федерального института промышленной собственности (ФИПС) за создание благоприятных условий для учебного процесса, а также благодарность коллективу Научно-образовательного центра ФИПС, усилиями которого с 2017 г. по программам повышения квалификации и переподготовки подготовлено свыше 30 тыс. специалистов в области интеллектуальной собственности.

The authors express their gratitude to the top management of both the Federal Service of Intellectual Property (Rospatent) and the Federal Institute of Industrial Property (FIPS) for creating favorable conditions for education. They also owe their special thanks to the staff of the FIPS Scientific and Educational Center, whose efforts have enabled the training of over 30 000 IP professionals since 2017 through advanced training and retraining programs.

Постановка проблемы

В свете стоящих перед российской экономикой целей по продолжению устойчивого инновационного развития и обеспечению технологического лидерства одним из возможных способов

их достижения видится значительное увеличение патентной активности отечественных изобретателей. При этом указанную задачу будет невозможно решить без создания эффективной

образовательной инфраструктуры для подготовки кадров — квалифицированных специалистов в области интеллектуальной собственности (далее — ИС). Развитие доступного и качественного образования в сфере ИС традиционно входит в число основных приоритетов Роспатента.

В целях организации образовательной деятельности и проведения научных исследований в декабре 2016 г. в структуре Федерального института промышленной собственности был создан Научно-образовательный центр (далее — НОЦ, НОЦ ФИПС). Формирование НОЦ ФИПС в качестве центра дополнительного профессионального образования в системе Роспатента открыло новые возможности для получения уникальных знаний и компетенций в области ИС.

С опорой на высокий уровень проводимой в ФИПС патентной экспертизы преподавателями-практиками, отраслевыми экспертами и специалистами НОЦ разработана и постоянно совершенствуется линейка современных программ по повышению квалификации, профессиональной переподготовке, а также дополнительному профессиональному образованию в области ИС для широкой аудитории профессионалов, занятых в научно-технической сфере. В последнее десятилетие рынок ИС в России стремительно развивается, а потребность в специалистах, обладающих особыми компетенциями для работы с объектами ИС, изо дня в день растет.

Проведенные в НОЦ ФИПС научно-исследовательские работы (НИР «Проблемы обеспечения квалифицированными кадрами сферы интеллектуальной собственности и пути их решения», ФИПС, 2018–2019 гг. [1]; НИР «Совершенствование непрерывного образования в системе подготовки кадров в сфере интеллектуальной собственности на современном этапе», ФИПС, 2020–2021 гг. [2]) подтвердили острую потребность российской экономики в специалистах в сфере ИС. Так, по результатам научно-исследовательской работы, посвященной

проблемам обеспечения квалифицированными кадрами сферы интеллектуальной собственности, потребность экономики в IP-профессионалах составила 314 тыс. человек.

В соответствии с альтернативным исследованием, проведенным представителями Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности, существующая система подготовки кадров в области интеллектуальной собственности недостаточно эффективна [3]. Ежегодный выпуск специалистов по этому направлению крайне незначителен, вследствие чего в стране наблюдается постоянный дефицит профессиональных кадров. Кроме того, отмечается отсутствие единой методики преподавания и стандартов обучения, что приводит к разнице в уровне подготовки специалистов, которых, в свою очередь, готовит узкий круг учебных заведений.

Действительно, сейчас инфраструктура подготовки кадров в сфере ИС не отличается масштабностью: имеется всего одна программа высшего образования — магистратуры по направлению подготовки 27.04.08 «Управление интеллектуальной собственностью», которую реализуют в настоящее время всего шесть вузов в стране: три вуза в Москве (МГТУ имени Н. Э. Баумана, РГАИС, НИУ МИЭТ) и по одному вузу в Санкт-Петербурге (ИТМО), Великом Новгороде (НовГУ) и Саратове (Институт физики СГУ). К сожалению, наборы по данной программе малочисленны, что не позволяет удовлетворять всё возрастающие потребности рынка.

Одновременно незначительное число вузов реализует профили программ высшего образования, так или иначе связанных с интеллектуальной собственностью в рамках направлений «Юриспруденция» или «Менеджмент» (например, НГТУ, УрГУ и др.). Однако нередко данные о выпускниках упомянутых программ невозможно найти в официальной статистике, поскольку учет со стороны Росстата ведется по направлениям подготовки в целом.

Кроме того, в 2026 г. по ряду вышесказанных направлений вводятся

ограничения относительно количества принимаемых студентов на основании постановления Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2025 г. № 1830 «Об утверждении Правил определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического лица и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год» [4].

В качестве выхода из ситуации с дефицитом кадров возможны следующие шаги: 1) создание системы обучения ИС во всех вузах страны путем введения модуля (комплекса) ИС-компетенций в Федеральные государственные стандарты высшего образования (ФГОС) всех направлений и специальностей, в первую очередь инженерно-технического профиля, — разработка комплекса компетенций; 2) масштабирование образовательных и просветительских проектов, касающихся сферы интеллектуальной собственности, как для широкой аудитории, так и для целевых категорий (педагоги, сотрудники ОПК, студенты и др.), — продвижение ИС-всеобуча. При этом оба направления тесно связаны друг с другом, и на указанных треках ФИПС уже накоплен положительный опыт.

Так, в соответствии с федеральным проектом «Кадры для цифровой экономики» федеральной целевой программы «Цифровая экономика» (далее — Университет НТИ 20.35) в 2020 г. в стране проведено масштабное обучение компетенциям в области ИС во всех восьми федеральных округах (всего обучено 14 тыс. человек). В проекте, наряду с другими образовательными учреждениями, принял активное участие и НОЦ ФИПС.

В рамках договоров, заключенных с оператором федерального проекта — АНО «Университет НТИ 20.35», по программе повышения квалификации «Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: от заявки до внедрения», усилиями ФИПС было обучено 4586 человек в четырех федеральных

округах (Центральном — 1854, Северо-Западном — 1151, Сибирском — 799, Дальневосточном — 782), включая выездные очные программы обучения в городах Якутск, Улан-Удэ, Ярославль, Иваново, Курск, Воронеж и др.

В 2021 г. по инициативе Роспатента принято постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 998 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий на создание условий для подготовки кадров в области защиты и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности» (далее — Проект-998), в рамках которого было организовано обучение профессорско-преподавательского состава ряда российских вузов [5]. Во исполнение указанного постановления совместно ФИПС и РГАИС были обучены команды из 39 вузов (521 человек), отобранных Минобрнауки России для участия в проекте.

Обучение проводилось по углубленной программе, рассчитанной на более чем 200 академических часов. В ходе обучения представителями вузов были разработаны учебные модули в области ИС для программ высшего образования, которые затем апробировались в учебном процессе вузов-участников. Таким образом, 39 вузам была дана возможность стать центрами компетенций по подготовке кадров в сфере ИС.

Дальнейший мониторинг, проведенный после успешного завершения проекта, показал, что без дополнительных административных решений Минобрнауки России какие-либо действия по преподаванию ИС со стороны вузов-участников прекратились. К сожалению, в подавляющем большинстве российских вузов образовательный процесс по интеллектуальной собственности не ведется и по сей день.

Вместе с тем для существенного увеличения числа специалистов, вовлекаемых в сферу интеллектуальной собственности, необходимы общие усилия по дальнейшему развитию системы ИС-образования — как со стороны Рос-

патента и его подведомственных организаций, так и с участием Минобрнауки России, вузов (университетов), а также промышленников и предпринимателей. Только консолидированные усилия заинтересованных сторон способны изменить ситуацию к лучшему.

Таким образом, создание Научно-образовательного центра ФИПС, являющегося ныне флагманом дополнитель-

ного образования в области интеллектуальной собственности, послужило мощным стимулом к дальнейшему формированию системы подготовки специалистов в области ИС. Соответственно, роль Роспатента в деле продвижения профильного образования для широкого круга потенциальных потребителей образовательных услуг трудно переоценить.

IP-компетенции как объект исследования

В 2024–2025 гг. НОЦ ФИПС, как подразделение-соисполнитель, принял участие в ведомственной научно-исследовательской работе по теме «Выявление факторов, определяющих условия влияния IP-компетенций в научно-образовательной сфере на динамику создания РИД и их коммерциализацию».

В техническом задании на первом этапе научно-исследовательской работы коллективу Научно-образовательного центра ставилась задача проанализировать результаты проведенного НОЦ ФИПС обучения научно-педагогических работников российских вузов в рамках двух масштабных федеральных проектов: Университет НТИ 20.35 и Проект-998,

и оценить влияние обучения на динамику IP-компетенций выпускников двух указанных проектов за пятилетний период (2019–2023 гг.).

После успешно проведенного анализа опыта обучения работников вузов на втором этапе НИР сотрудникам НОЦ предстояло разработать модуль рабочей программы дисциплины, которая будет формировать у студентов вузов набор (комплекс) необходимых компетенций в сфере ИС. Для решения поставленных задач (разработки РПД и формулирования комплекса компетенций) исполнители НИР исходили из ряда принципов, нацеленных на формирование компетенций в области ИС у студентов высших учебных заведений.

Основные принципы формирования компетенций

Основными принципами формирования компетенций профессионалов в сфере интеллектуальной собственности, по замыслу авторов настоящей статьи, будут следующие: 1) принцип ориентации на потребности рынка; 2) принцип интеграции теории и практики; 3) принцип актуальности содержания образовательных программ.

Первым и главным принципом формирования компетенций является учет текущих и прогнозируемых потребностей рынка труда, постоянно подстраивающегося под нужды реального бизнеса. Это означает, что комплекс компетенций должен включать те знания и умения,

которые необходимы специалистам для успешной работы в реальных условиях.

Так, по мнению экспертов ФИПС, к основным задачам подготовки специалистов в области ИС относятся: анализ и выявление существенных проблем управления интеллектуальной собственностью; формулировка задач и обоснование путей и методов их решения; овладение методами правовой охраны и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Эти задачи отражают необходимость комплексного подхода к обучению, который охватывает как теоретические основы, так и практические навыки и умения.

Вторым важнейшим принципом является интеграция теоретических знаний и практических навыков. Студенты должны не только изучать теорию, но и иметь возможность применить полученные знания на практике. Одним из способов достижения такого баланса служит введение обязательных практикумов и стажировок в организациях, работающих с объектами ИС. Эти меры позволят студентам получить реальный опыт работы и лучше понять специфику будущей профессии.

И, наконец, третий — принцип актуальности содержания образовательных программ, согласно которому образование должно соответствовать вызовам времени. Это означает, что образователь-

ные программы нужно регулярно обновлять, учитывая последние изменения в законодательстве, новейшие тренды в технике и технологиях, а также лучшие отраслевые практики.

В качестве примера такого подхода выступает деятельность НОЦ ФИПС, который проводит многовариантную образовательную политику, реализуя программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки как в традиционном очном формате, так и в удобном дистанционном режиме [6]. Предлагаемые НОЦ ФИПС программы позволяют специалистам постоянно повышать свою квалификацию и оставаться конкурентоспособными на рынке труда.

Комплекс компетенций по ИС

В соответствии с вышеуказанными принципами в ходе второго этапа НИР был разработан комплекс компетенций, предлагаемых к включению в образовательные программы вузов (университетов).

Комплекс компетенций составлен на основе положений федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 27.04.08 «Управление интеллектуальной собственностью», утвержденного приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 августа 2020 г. № 949, двух профессиональных стандартов: профессионального стандарта «Специалист по патентоведению», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21 октября 2021 г. № 748н, и профессионального стандарта «Специалист по управлению интеллектуальной собственностью и трансферу технологий», утвержденного приказом Минтруда России от 7 сентября 2020 г. № 577н, а также образовательной программы (модуля) и аналитических работ в отношении профессиональных компетенций, структурированных по этапам жизненного

цикла результата интеллектуальной деятельности (ЖЦ РИД).

Предлагаемый комплекс компетенций предназначен для использования вузами при дальнейшей разработке программ обучения в сфере интеллектуальной собственности в зависимости от конкретных требований вузовских программ подготовки бакалавров и магистров. Пунктом 1.4 положенного в его основу ФГОС ВО по направлению подготовки 27.04.08 «Управление интеллектуальной собственностью» (уровень магистратуры) в качестве требований к результатам освоения программы магистратуры определены компетенции выпускников, включающие универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции [7].

Структурно предлагаемый авторами комплекс компетенций включает в себя четыре основных блока: 1) универсальные компетенции (УК); 2) общепрофессиональные компетенции (ОПК); 3) профессиональные компетенции по жизненному циклу результатов интеллектуальной деятельности (ПК по ЖЦ РИД); 4) практические навыки и умения (ПН).

Перейдем к более детальному рассмотрению указанных четырех блоков компетенций (таблица).

Комплекс компетенций (КК) в области интеллектуальной собственности

Блок	Наименование компетенций	Краткое описание требований к компетенциям	Примеры
1	Универсальные компетенции (УК)		
1.1	Системное и критическое мышление	УК-1. Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий	<i>Анализ ситуации с нарушением патентных прав на машинотехнические товары предприятия и разработка стратегии защиты прав, включая подачу иска в суд и переговоры с нарушителем</i>
1.2	Разработка и реализация проектов	УК-2. Способен управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла	<i>Ролевая игра: менеджер проекта по разработке нового программного продукта организует процесс государственной регистрации ПЭВМ, контролирует сроки подачи заявки и обеспечивает соблюдение всех требований законодательства</i>
1.3	Командная работа и лидерство	УК-3. Способен организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели	<i>Моделирование проведения переговоров в рамках команды патентоведов, юристов, финансистов и инвесторов для реализации проекта по успешной коммерциализации РИД</i>
1.4	Коммуникация	УК-4. Способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия	<i>Использование онлайн-платформ для научной коммуникации и обмена опытом с коллегами и студентами</i>
1.5	Межкультурное взаимодействие	УК-5. Способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия	<i>Организация совместного проекта с вузами из разных стран по изучению патентной информации и патентного дела</i>
1.6	Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	УК-6. Способен определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способности ее совершенствования на основе самооценки	<i>Изучение изменений в патентном праве и адаптация работы к новым требованиям для выполнения поставленных задач по управлению РИД в организации</i>
2	Общепрофессиональные компетенции (ОПК)		
2.1	Анализ задач управления	ОПК-1. Способен анализировать и выявлять естественно-научную сущность проблем управления интеллектуальной собственностью на основе приобретенных знаний	<i>Анализ ситуации с нарушением авторских прав на программу для ЭВМ и разработка стратегии защиты прав, включая подачу иска в суд и переговоры с нарушителем</i>
2.2	Формулирование задач и обоснование методов решения	ОПК-2. Способен формулировать научные и прикладные задачи управления интеллектуальной собственностью в технических системах и обосновывать методы их решения	<i>Разработка алгоритмов охраны и защиты имеющейся в компании интеллектуальной собственности с учетом специфики отрасли и условий на рынке</i>

Блок	Наименование компетенций	Краткое описание требований к компетенциям	Примеры
2.3	Совершенствование профессиональной деятельности	ОПК-3. Способен самостоятельно решать задачи управления интеллектуальной собственностью на базе последних достижений науки и техники	<i>Ознакомление с реестрами, базами данных и документами, связанными с управлением правами на РИД, обеспечение прозрачности и эффективности управленческих решений</i>
2.4	Оценка эффективности результатов профессиональной деятельности	ОПК-4. Способен осуществлять оценку эффективности результатов разработки систем управления интеллектуальной собственностью на основе математических методов	<i>Ознакомление с современными методами управления проектами, такими как Agile и Scrum</i>
2.5	Интеллектуальная собственность	ОПК-5. Способен проводить патентные исследования, определять формы и методы правовой охраны и защиты прав на результат интеллектуальной деятельности, распоряжаться правами на них для решения задач в области развития науки, техники и технологии	<i>Изучение положений ГОСТ Р 15.011–2024 «Интеллектуальная собственность. Патентные исследования. Содержание и порядок проведения» и проведение патентных исследований в зависимости от задачи (ПИ на технический уровень или на патентоспособность РИД)</i>
2.6	Проведение научных исследований	ОПК-6. Способен разрабатывать решения научно-технических вопросов, возникающих в ходе создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, применяя физико-математические и инженерно-технические способы исследований, вычислительные методы и компьютерные технологии	<i>Пользование патентно-информационными базами и методами патентной аналитики для поиска патентов-аналогов и анализа компаний-конкурентов на рынке</i>
2.7	Систематизация профессиональной деятельности	ОПК-7. Способен выбирать методы и разрабатывать алгоритмы управления интеллектуальной собственностью	<i>Выбор оптимального режима правовой охраны для новейшей ИТ-разработки с учетом последних изменений в российском законодательстве в отношении патентования ИТ-решений</i>
2.8	Оценка результатов решения задач	ОПК-8. Способен осуществлять сбор и проводить анализ научно-технической информации, интерпретировать и представлять результаты, полученные в ходе решения задач управления интеллектуальной собственностью	<i>Проведение семинара по методам патентного поиска и анализа патентной информации</i>
3	Профессиональные компетенции (ПК) по жизненному циклу РИД		
3.1	Планирование получения результатов интеллектуальной деятельности	ПК-1. Способен исследовать тенденции развития отрасли и уровня техники в ходе НИОКР, разрабатывать план мероприятий по созданию и регистрации РИД, оценивать перспективы дальнейшего использования РИД и их коммерциализации	<i>Разработка концепции биотехнологического продукта с перспективой его дальнейшего патентования</i>

Блок	Наименование компетенций	Краткое описание требований к компетенциям	Примеры
3.2	Процесс создания РИД	ПК-2. Способен применять методы проектирования, конструирования и проведения испытаний объектов, подлежащих правовой охране, проводить исследования патентоспособности и патентной чистоты РИД, а также применять способы документирования процессов создания РИД	<i>Проведение технической экспертизы созданного устройства перед подачей заявки на патентование</i>
3.3	Получение правовой охраны РИД	ПК-3. Способен проводить патентные поиски, выбирать оптимальный режим правовой охраны РИД, оформлять заявочную документацию, готовить необходимые материалы для получения охраняемых документов (патентов, свидетельств и др.)	<i>Оформление пакета необходимых документов для подачи заявки на патентование полезной модели (или на государственную регистрацию топологии интегральной микросхемы)</i>
3.4	Учет и использование объектов интеллектуальной собственности	ПК-4. Способен освоить принципы бухгалтерского учета нематериальных активов и управлять правами на охраняемые РИД, вести базы данных, составлять акты об использовании, владеть механизмами передачи прав на объекты интеллектуальной собственности	<i>Участие в разработке договора о передаче исключительных прав на программное обеспечение (на программу для ЭВМ) другому юридическому лицу</i>
3.5	Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности	ПК-5. Способен проводить рыночную оценку объектов интеллектуальной собственности, владеть механизмами коммерциализации прав на охраняемые РИД, вести переговоры и заключать договоры на лицензирование и отчуждение (передачу) прав	<i>Оценка потенциала продажи лицензии на технологию телекоммуникационной компании</i>
3.6	Анализ и оценка эффективности инновационного проекта	ПК-6. Способен осуществлять технико-экономическое обоснование (ТЭО) инновационного проекта, провести расчет показателей эффективности проекта и построить его финансовую модель	<i>Оценка стоимости патента, проведение расчета эффективности проекта по разработке нового продукта, анализ рисков и прогноз доходов от его коммерциализации</i>
4	Требования к практическим навыкам и умениям (ПН)		
4.1	Использование специализированного ПО для патентных поисков и анализа рынка	ПН-1. Способен использовать специализированное программное обеспечение и прикладные информационные системы для патентных поисков и анализа рынка интеллектуальной собственности	<i>Использование программ для патентного поиска (PatSearch) и патентной аналитики (LexisNexis)</i>
4.2	Владение инструментами электронных библиотек	ПН-2. Способен использовать инструменты и сервисы электронных библиотек, пользоваться фондами электронной библио-	<i>Пользование электронными фондами научно-технических и патентных библиотек, применение электронных сервисов ВПТБ</i>

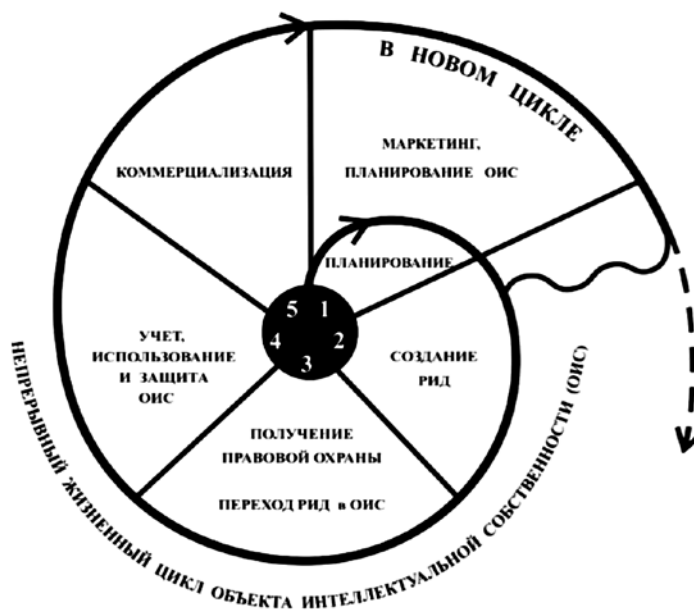
Блок	Наименование компетенций	Краткое описание требований к компетенциям	Примеры
		теки ВПТБ и аналогичными сервисами зарубежных патентных ведомств	
4.3	Участие в деловых играх и практических кейсах	ПН-3. Способен участвовать в деловых играх и практических кейсах, имитирующих реальные ситуации по управлению правами на РИД	<i>Деловая игра: участие в переговорах о передаче прав на объект ИС. Кейс: построение патентного ландшафта</i>
4.4	Подготовка и подача заявок на регистрацию охраняемых документов	ПН-4. Способен готовить и подавать заявочные и иные материалы на получение патентов и других охраняемых документов	<i>Электронная подача заявки на получение товарного знака</i>

Полагаем, что ключевой составляющей указанного комплекса компетенций являются профессиональные компетенции по пяти этапам жизненного цикла РИД (планирование РИД; создание РИД; получение правовой охраны; учет и использование интеллектуальной собственности (ОИС); коммерциализация ОИС) [8, с. 17].

По убеждению О. Е. Котеневой и А. С. Николаева [8, с. 18], чтобы сделать процесс создания РИД непрерывным и циклическим, завершающий этап (этап коммерциализации ОИС) должен

перетекать в предваряющий этап создания последующего результата интеллектуальной деятельности, созданного как на базе ранее полученного РИД, так и в результате нового НИОКР, то есть давать начало жизненному циклу нового результата (рисунок).

Так как этапы управления РИД соответствуют этапам его жизненного цикла, профессиональные компетенции в области интеллектуальной собственности были разработаны с учетом вышеуказанных этапов жизненного цикла РИД.

Спиральный график смены этапов жизненного цикла интеллектуальной собственности

Исходя из действующей конфигурации компетенций, регламентированных ФГОС третьего поколения (ФГОС ВО — магистратура по направлению подготовки 27.04.08 «Управление интеллектуальной собственностью» и ФГОС ВО — магистратура по направлению подготовки 27.04.05 «Инноватика»), предложенные авторами компетенции по интеллектуальной собственности на базе профессиональных компетенций по жизненному циклу результатов интеллектуальной деятельности (ПК по ЖЦ РИД) представляются оптимальным вариантом. Этот подход отражает вариант 3 (из группы текущих решений по внедрению IP-компетенций в существующие образовательные программы), подробно описанный в статье О. П. Неретина и Н. В. Лопатиной «IP-компетенции в структуре современ-

ных программ высшего образования» [9, с. 197].

Представляется, что предлагаемые компетенции послужат основой для формирования содержания соответствующих учебных курсов и практикумов в вузах. Они позволят обеспечить всесторонний подход к подготовке специалистов, которые смогут решать разнообразные задачи в области создания, охраны и коммерциализации интеллектуальной собственности.

В связи с этим необходимо отметить, что преподавание программ по ИС должно сопровождаться регулярным обновлением учебных планов, учитывающим изменения в законодательстве Российской Федерации, передовые тренды в технике и технологиях, а также в практике международного сотрудничества в области интеллектуальной собственности.

Опыт российских университетов

Российский опыт высшего образования подтверждает, что многие вузы и особенно ведущие университеты уже внедряют подобные подходы к формированию компетенций в области ИС.

Так, например, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина предлагает онлайн-курс «Управление интеллектуальной собственностью» и набор проектных модулей по интеллектуальной собственности [10].

Этот дистанционный курс предусматривает формирование у слушателей компетенций, направленных на решение практических задач в области управления инновационными проектами, в том числе: подготовку предложений по патентной стратегии и патентному портфелю инновационного проекта; проведение патентных исследований для определения патентоспособности изобретения и оценки патентной чистоты объекта техники; использование инструментов патентных исследований при осуществлении конкурентной технологической

разведки и анализе технологических трендов; проведение экспресс-оценки стоимости интеллектуальных прав.

Вместе с тем упомянутый онлайн-курс носит преимущественно теоретический характер. Что касается проектных модулей, то они затрагивают такие темы, как «Разработка патентной стратегии инновационного проекта», «Отражение патентной атаки», «Использование патентных ландшафтов в конкурентной разведке», и своей целью имеют применение (апробацию) знаний, полученных на базовом онлайн-курсе «Управление интеллектуальной собственностью», то есть носят в целом практико-ориентированную направленность.

Другой пример — Высшая школа экономики, которая на базе своего Санкт-Петербургского филиала предлагает программу «Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху», направленную на углубленное изучение права интеллектуальной собственности в сочетании с вопросами правового регулирования использования информа-

ционных технологий, что, по мнению ее разработчиков, обеспечит равномерный баланс между двумя тематическими составляющими и позволит выпускникам приобрести целостные, системные и взаимодополняющие компетенции в обеих областях правового регулирования [11].

В Москве НИУ ВШЭ предлагает майнор «Управление интеллектуальной соб-

ственностью в условиях цифровой экономики». Этот курс нацелен на подготовку специалистов, способных эффективно управлять объектами ИС в условиях быстро меняющейся цифровой среды, включая регулирование, защиту и коммерциализацию интеллектуальных активов [12].

Зарубежный опыт

Зарубежный опыт также отражает важность формирования компетенций в области ИС. Во многих иностранных университетах существуют специализированные программы, направленные на подготовку профессионалов в данной области.

Так, например, Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO) в партнерстве с Туринским университетом (Италия) реализует престижную магистерскую программу LL.M. in Intellectual Property [13]. Программа охватывает не только правовые аспекты, но и экономический анализ ИС,

трансфер технологий, коммерциализацию инноваций и стратегии для малого и среднего бизнеса. Несмотря на то что формально это «Магистр права» (LL.M.), с 2022 г. курс был обновлен с акцентом на бизнес-менеджмент и предпринимательство.

В США и Европе широко распространены программы MBA со специализацией на управлении интеллектуальной собственностью. Эти программы готовят специалистов, способных решать сложные задачи в области ИС, связанные с глобализацией бизнеса и научно-технологическим прогрессом.

Выводы и рекомендации

Подводя итоги, полагаем целесообразным в качестве решения кадрового вопроса в сфере ИС предложить два взаимосвязанных пути: во-первых, создание базовой системы обучения ИС в вузах страны путем внедрения модуля РПД и комплекса ИС-компетенций в учебные программы вузов всех направлений и специальностей, прежде всего инженерно-технического профиля; во-вторых, продвижение ИС-всеобуча в виде масштабирования образовательных и просветительских проектов, касающихся сферы интеллектуальной собственности, как для широкой аудитории, так и для более узкой категории обучаемых.

Вузы (университеты) в своей деятельности должны учитывать современные тенденции и потребности рынка, интег-

рируя теорию и практику, обеспечивая актуальность содержания образовательных программ и формируя особые ИС-компетенции, востребованные на рынке.

В качестве рекомендаций представителям высшей школы предлагается регулярно пересматривать и обновлять образовательные программы на предмет их соответствия актуальным запросам рынка; включать в них больше практических занятий и стажировок с тем, чтобы студенты получали реальный опыт работы; использовать современные информационные технологии и ресурсы для улучшения качества обучения; проводить регулярную оценку эффективности образовательных курсов, чтобы своевременно вносить в них соответствующие коррективы.

В заключение считаем важным подчеркнуть, что формирование комплекса компетенций в области ИС является основополагающим условием для подготовки профессионалов новой генера-

ции — высококлассных специалистов, способных успешно работать в динамично меняющихся условиях инновационной экономики, в том числе в стадии ее цифровизации.

Библиографический список

1. Проблемы обеспечения квалифицированными кадрами сферы интеллектуальной собственности и пути их решения: отчет о НИР (заключительный) / Федеральный институт промышленной собственности; рук. О. П. Неретин. Москва, 2019. НИР 1-ОД-2018. 134 с.
2. Совершенствование непрерывного образования в системе подготовки кадров в сфере интеллектуальной собственности на современном этапе: отчет о НИР (заключительный) / Федеральный институт промышленной собственности; рук. О. П. Неретин. Москва, 2021. НИР 1-ОД-2020. 293 с.
3. Голобокова Г. М. Цифровая трансформация подготовки кадров для рынка интеллектуальной собственности // Модернизационный потенциал образования и науки как социальных институтов: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (Белгород, 11 ноября 2020 г.). Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2020. С. 67–73. URL: <https://apni.ru/article/1361-tsfrovaya-transformatsiya-podgotovki-kadrov> (дата обращения: 14.10.2025).
4. Об утверждении Правил определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического лица и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год: постановление Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2025 г. № 1830 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511210012?ysclid=ml97b6npqr720449434&index=1> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий на создание условий для подготовки кадров в области защиты и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 998 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325816/?ysclid=mlahsuv8tq655421068> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Приглашение к знаниям: новые и лучшие программы повышения квалификации // Федеральный институт промышленной собственности. URL: <https://www.fips.ru/news/povyshenie-kvalifikatsii-042022> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 27.04.08 Управление интеллектуальной собственностью: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 августа 2020 г. № 949 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/74541561/?ysclid=mjl326j4cd670275013> (дата обращения: 20.10.2025).
8. Котенева О. Е., Николаев А. С. Методы управления интеллектуальной собственностью: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2020. 108 с. URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/2614.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Неретин О. П., Лопатина Н. В. IP-компетенции в структуре современных программ высшего образования // Вестник ФИПС. 2025. Т. 4. № 3 (13). С. 192–203.
10. Летавин Д. А., Фомин Н. И., Шульгин Д. Б. Инструменты формирования компетенций в сфере интеллектуальной собственности (опыт Уральского федерального университета) // Электронный научный архив УрФУ. URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/129998/1/978-5-7996-3759-0_011.pdf (дата обращения: 21.10.2025).
11. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: магистерская программа // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://spb>

hse.ru/en/ma/iplaw/passport (дата обращения: 22.10.2025).

12. Управление интеллектуальной собственностью в условиях цифровой экономики: майнор // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL:

https://electives.hse.ru/minor_ip-management (дата обращения: 22.10.2025).

13. Master of Laws in Intellectual Property (LL.M. in IP) // Turin School of Development. URL: <https://www.turin-ip.com> (дата обращения: 21.10.2025).

References

1. Research Paper: Problems of Providing Qualified Personnel in the Sphere of Intellectual Property and Ways to Solve Them: Research Report (Final). *Federal Institute of Industrial Property* (Head of Research O. P. Neretin). Moscow, 2019. Research Report 1-OD-2018. 134 p. (In Russ.)

2. Research Paper: Improving Continuous Education in the System of Training Personnel in the Sphere of Intellectual Property at the Current Stage: Research Report (Final). *Federal Institute of Industrial Property* (Head of Research O. P. Neretin). Moscow, 2021. Research Report 1-OD-2020. 293 p. (In Russ.)

3. Golobokova G. M. Digital transformation of staff training for the intellectual property market. *Modernization potential of education and science as social institutions: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference (Belgorod, 11.11.2020)*. Belgorod, Agency for Advanced Scientific Research (APNI), 2020. Pp. 67–73. URL: <https://apni.ru/article/1361-tsifrovaya-transformatsiya-podgotovki-kadrov> (Accessed: 14.10.2025). (In Russ.)

4. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 19, 2025 No. 1830 «On approval of the Rules for determining the maximum number of places for admission to higher education programs under education contracts concluded upon admission to study at the expense of an individual and (or) a legal entity, for the 2026/27 academic year». *Collected Legislation of the Russian Federation*, November 24, 2025, No. 47, Art. 7174.

5. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 25, 2021 No. 998 (as amended on March 5, 2022) «On Approval of the Rules for the Provision of Grants from the Federal Budget in the Form of Subsidies for the Creation of Conditions for the Training of Personnel in the Field of Protection and Commercialization of the Results of Intellectual Activity». *Collected Legislation of the Russian Federation*, July 12, 2021, no. 28 (Part I), Art. 5499.

6. Invitation to Knowledge: New and Better Advanced Training Programs. *Federal Institute of Industrial Property website*. URL: <https://www.fips.ru/news/povyshenie-kvalifikatsii-042022> (Accessed: 20.10.2025). (In Russ.)

7. On approval of the federal state educational standard of higher education — master’s degree in the field of training 27.04.08 Intellectual Property Management: Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 11, 2020, no. 949. URL: <https://base.garant.ru/74541561/?ysclid=mjl-326j4cd670275013> (Accessed: 20.10.2025). (In Russ.)

8. Koteneva O. E., Nikolaev A. S. *Methods of Intellectual Property Management: A Study Guide*. ITMO University, St. Petersburg, Russia, 2020. URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/2614.pdf> (Accessed: 20.10.2025). (In Russ.)

9. Neretin O. P., Lopatina N. V. IP competencies in the structure of modern higher education programs. *Bulletin of Federal Institute of Industrial Property*, Moscow, 2025. Vol. 4, no. 3 (13). Pp. 192–203.

10. Letavin D. A., Fomin N. I., Shulgin D. B. Instruments for Developing Competencies in Intellectual Property (the Experience of Ural Federal University). *UrFU Electronic Scientific Archive*. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/129998/1/978-5-7996-3759-0_011.pdf (Accessed: 21.10.2025). (In Russ.)

11. Master’s Program «Intellectual Property Law in the Digital Age». *HSE University website*. URL: <https://spb.hse.ru/en/ma/iplaw/passport> (Accessed: 22.10.2025). (In Russ.)

12. Minor «Intellectual Property Management in the Digital Economy». National Research University Higher School of Economics. (2025). *HSE University website*. https://electives.hse.ru/minor_ip-management (Accessed: 22.10.2025). (In Russ.)

13. Website of the LL.M. in Intellectual Property Master’s Program. *Turin School of Development*. (Accessed: 21.10.2025). URL: <https://www.turin-ip.com> (In Engl.)

Общая характеристика и тенденция развития образовательного законодательства в сфере цифровизации государств — участников Содружества Независимых Государств

Баранова Т. А.¹

¹ Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств

General Characteristics and Development Trend of Educational Legislation in the Field of Digitalization of the Member States of the Commonwealth of Independent States

Baranova T. A.¹

¹ Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции и нормативно-правовые основы цифровизации образования в государствах — участниках Содружества Независимых Государств. Исследование охватывает период с 2008 по 2024 г. с целью определения ключевых аспектов развития образовательного законодательства в сфере цифровизации, включая внедрение дистанционных технологий, использование искусственного интеллекта, обеспечение качества образования.

Ключевые слова: образовательное законодательство, цифровизация образования, цифровая образовательная среда, цифровые технологии, искусственный интеллект.

Abstract. The article analyzes current trends and regulatory frameworks for digitalization of education in the CIS member states. The study covers the period from 2008 to 2024 in order to identify key aspects of the development of educational legislation, including the introduction of distance technologies, the use of artificial intelligence, and ensuring the quality of education.

Keywords: educational law, digitalization of education, digital educational environment, digital technologies, artificial intelligence.

Об авторе:

Баранова Татьяна Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела обеспечения модельного законотворчества Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, baranova_ta@inbox.ru

About the author:

Baranova Tatyana Anatolyevna — PhD, head of the department for ensuring model lawmaking of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States Council Secretariat, baranova_ta@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 16.01.2026, принят к публикации 24.02.2026
Article received by the editorial on 16.01.2026, accepted for publication on 24.02.2026

Введение

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным влиянием цифровых технологий на все сферы общественной жизни, и образование не является исключением. Цифровая трансформация образовательного процесса, становление цифровой образовательной среды и внедрение инновационных педагогических инструментов диктуют необходимость глубокого реформирования нормативно-правовой базы, регулирующей данную область. Особый интерес в этом контексте представляет уникальное пространство Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), государства-участники которого имеют общее историко-культурное наследие советской образовательной системы, сталкиваются со сходными вызовами постсоветского периода и одновременно создают разнонаправленные траектории социально-экономического и технологического развития, а также формируют национальные приоритеты в цифровой сфере.

Анализ национального образовательного законодательства в аспекте его цифровизации приобретает особую актуальность. С одной стороны, государства Содружества сталкиваются с общими глобальными вызовами: потребностью в обеспечении равного доступа к качественному цифровому образованию, адап-

тацией к требованиям цифровой экономики, необходимостью защиты данных обучающихся и регулирования новых образовательных форматов (онлайн-курсы, смешанное обучение, использование ИИ). С другой стороны, различия в уровне технологической инфраструктуры, экономических возможностях, правовых традициях и политической воле к реформам приводят к существенной дифференциации подходов и темпов развития законодательства в этой сфере.

Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2030 года в качестве магистральных направлений и межгосударственных приоритетов сотрудничества заявляет, в частности, технологии искусственного интеллекта и человеко-машинного взаимодействия, технологии беспроводной связи, нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности [1].

Целью данного исследования является проведение комплексного анализа и выявление общей характеристики образовательного законодательства государств — участников СНГ, ориентированного на регулирование процессов цифровизации образования, а также определение актуальных направлений модельного законодательства МПА СНГ в указанной сфере.

Обзор нормативных документов государств — участников СНГ

Азербайджанская Республика

В 2008 г. с целью создания в Азербайджане единой общенациональной образовательной среды путем широкого внедрения современных информационных и коммуникационных технологий

и обеспечения всем слоям населения возможности получения качественного образования была утверждена Государственная программа по информатизации системы образования в Азербайджанской Республике в 2008–2012 годах [2].

В 2012 г. Президент Азербайджанской Республики утвердил Концепцию развития «Азербайджан — 2020: взгляд в будущее» [3], которая охватывает основные стратегические цели политики развития во всех сферах жизни страны и будет реализована посредством целевых государственных программ. Указанная Концепция содержит раздел, относящийся к образованию, который включает в себя аспекты формирования современной системы образования и опирается на открытые ресурсы обучения, а также на единую образовательную сеть Азербайджанской Республики. Для выполнения поставленных задач предполагается развитие таких институтов, как электронная школа и библиотека, центр дистанционного образования, единая информационная система образования.

В 2014 г. для достижения поставленных целей Концепции и системного осуществления намеченной работы была подготовлена Национальная стратегия по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы [4].

В статье 4 принятого 29 марта 2019 г. Закона Азербайджанской Республики № 1532-VQ «Об общем образовании» [5] среди задач государства обозначается создание Централизованной информационно-образовательной системы (ЦИОС) и интеграция в нее электронных баз образовательных учреждений, а также создание условий для внедрения в учебно-воспитательный процесс современных образовательных технологий и инноваций.

В 2022 г. Законом Азербайджанской Республики от 18 декабря 2020 г. № 219-VIQD внесены изменения в Закон Азербайджанской Республики «О профессиональном образовании» и Закон Азербайджанской Республики «Об общем образовании» [6] в части добавления положения о выдаче государственного документа о соответствующем образовании (для среднего и среднего профессионального образования) в виде аттестата в формате электронного документа

в Централизованной информационно-образовательной системе (ЦИОС).

В 2025 г. Президентом утверждена Стратегия искусственного интеллекта Азербайджанской Республики на 2025–2028 годы в целях ускорения развития искусственного интеллекта в Азербайджанской Республике, поощрения исследований в этой сфере, совершенствования информационных технологий в области искусственного интеллекта и механизмов управления ими, обеспечения доступности его инфраструктуры, а также усиления потенциала квалифицированных кадров [7].

Таким образом, в Азербайджанской Республике активно формируется комплексная нормативная экосистема для цифровизации образования, в которой сочетаются жесткие стандарты, стратегическое планирование и инфраструктурные решения.

Республика Армения

В целях полномасштабной цифровой трансформации государственного управления Республики Армения в 2018 г. был представлен документ стратегического развития «Повестка дня цифровой трансформации Армении на 2018–2030 гг.» [8], разработанный фондом «Цифровая Армения» и Центром стратегических инициатив. В документе определены шесть ключевых направлений цифрового развития Армении: цифровое правительство, цифровые навыки, инфраструктура, кибербезопасность, частный сектор и институциональные основы.

В 2019 г. создается Совет по цифровизации (решение Премьер-министра Республики Армения от 1 августа 2019 г. № 1026-A «О создании Совета по цифровизации, об утверждении его личного состава и регламента работы»), одной из задач которого является обеспечение нормативного регулирования вопросов цифровизации в образовании Республики Армения.

Законом Республики Армения от 18 марта 2020 г. № ЗР-101 «О внесении

дополнений и изменений в Закон «Об общем образовании»» внесены изменения в Закон Республики Армения от 20 июля 2009 г. № ЗР-160 «Об общем образовании» [9] в части введения понятия дистанционного обучения и добавления к полномочиям правительства установления порядка организации дистанционного образования.

В 2021 г. процесс цифровизации в Республике Армения в контексте государственного управления причислен к стратегическим, в связи с чем появляется решение Правительства Республики Армения от 11 февраля 2021 г. № 183-Л «Об одобрении стратегии цифровизации Армении, программы стратегических мероприятий и показателей результатов», которая «сделала инициативы по цифровизации неотъемлемой частью национальных среднесрочных и долгосрочных политических приоритетов» [Там же].

В 2023 г. Законом Республики Армения от 29 мая 2023 г. № ЗР-155 «О внесении дополнений и изменений в Закон «О научной и научно-технической деятельности»» внесены изменения в Закон Республики Армения от 5 декабря 2000 г. № ЗР-119 «О научной и научно-технической деятельности» [Там же]. К основным понятиям добавляется понятие «единая информационная система управления в сфере науки», к полномочиям Комитета высшего образования и науки — утверждение порядка ведения единой информационной системы в сфере науки, анализ ее данных и ведение полной системы учета.

Таким образом, в Республике Армения демонстрируется динамичная трансформация образовательного законодательства, ориентированная на цифровую эпоху, посредством использования стратегического планирования, законодательного обновления и международной интеграции.

Республика Беларусь

В 2017 г. Президент Республики Беларусь в целях создания благоприят-

ных условий для развития IT-отрасли и экспорта информационных технологий подписывает Декрет «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8 [10].

В 2018 г., согласно Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» (постановление Президиума Национальной академии наук Беларуси 26 февраля 2018 г. № 17), осуществляется внедрение модели формирования цифровых компетенций участников образовательного процесса [11].

В 2021 г. в государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы (постановление Совета министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 57) дистанционная форма обучения определяется как способ расширения целевой аудитории образования, включая дополнительное образование, организацию образовательного процесса на основе современных образовательных и информационных и дистанционных технологий [12].

Нормативно определенные ориентиры и перспективы развития цифровой образовательной среды перечислены в государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, в которой предусматривается создание цифровой образовательной платформы с электронными сервисами и аналитическими инструментами для взаимодействия обучающихся; внедрение сервисов, фиксирующих, накапливающих и анализирующих данные об активности обучающегося для выявления его образовательных потребностей и формирования индивидуальной образовательной траектории; интеграция такой платформы с государственными цифровыми платформами [13].

Следует отметить еще несколько нормативных документов, регулирующих вопросы образования в аспекте цифровой экономики: Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., одобренная постановлением коллегии Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 30 сентября 2015 г. № 35;

Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы» и приказ Министерства образования Республики Беларусь от 24 июля 2020 г. № 565 «Об экспериментальной и инновационной деятельности в 2020/2021 учебном году», предписывающий трансформацию образовательной сферы на основе цифровой модульной системы формирования компетенций граждан на протяжении всей жизни: внедрение модели дистанционного обучения лиц с особенностями психофизического развития в системе дополнительного образования детей и молодежи (2018–2021); цифровую трансформацию деятельности учреждения высшего образования («Цифровой университет») (2019–2024); внедрение комплекса цифровых ресурсов непрерывного профессионального развития воспитателей дошкольного образования в условиях взаимодействия учреждений образования (2020–2023) [14].

Таким образом, в Республике Беларусь внедрен системный подход к цифровизации образования, в котором сочетаются стратегическое планирование, законодательные новации и инфраструктурная интеграция.

Республика Казахстан

С 2017 г. в Республике Казахстан реализуется государственная комплексная программа «Цифровой Казахстан» (постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»»), которая ориентирована на повышение уровня жизни каждого жителя страны за счет использования цифровых технологий. Основными целями программы стали ускорение темпов развития экономики Республики Казахстан и улучшение качества жизни населения, а также создание условий для перехода экономики на принципиально новую траекторию —

цифровую экономику будущего. Одно из направлений программы «Цифровой Казахстан» — развитие человеческого капитала. В рамках направления предусмотрено формирование новых компетенций и цифровой грамотности населения за счет инноваций в образовании [15].

В 2020 г. Законом Республики Казахстан от 25 июня 2020 г. № 347-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» внесены изменения в Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. № 319-III «Об образовании», а именно: к функциям уполномоченного государственного органа добавлен образовательный мониторинг и утверждены правила организации и функционирования объектов информатизации в области образования [14].

В 2022 г. приказом Министра просвещения Республики Казахстан от 14 ноября 2022 г. № 456 «Об утверждении минимальных требований к объектам информатизации в области образования» установлены минимальные требования к объектам информатизации в области образования: по функционалу, по масштабируемости, требования к конфиденциальности и т. п. [14].

Приказом Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 7 августа 2023 г. № 397 «О внесении изменений в приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 20 марта 2015 года № 137 “Об утверждении требований к организациям образования по предоставлению дистанционного обучения и правил организации учебного процесса по дистанционному обучению и в форме онлайн-обучения по образовательным программам высшего и (или) послевузовского образования”» введены новые требования к организациям образования по предоставлению дистанционного обучения (приложение 1) и Правила организации учебного процесса по дистанционному обучению и в форме онлайн-обучения по образовательным программам высшего и (или)

послевузовского образования (приложение 2) [16].

В том же году утверждается Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы (постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269), которая предусматривает, в частности, развитие образования в IT-отрасли, проекта «Цифровая экономика» по направлению образования, а также взаимодействия между стартапами, НИОКР и образовательными учреждениями [14].

В принятом 1 июля 2024 г. Законе Республики Казахстан № 103-VIII ЗРК «О науке и технологической политике» определяются основные принципы и механизмы функционирования и развития национальной научной системы, в том числе документ содержит положения о единой информационной системе «Казахстанская наука» [14].

Таким образом, в Республике Казахстан создается комплексная нормативная база для цифровизации образования с применением стратегического планирования, инфраструктурных решений и инновационных экспериментов.

Кыргызская Республика

Стратегия развития образования Кыргызской Республики на 2021–2040 годы нацелена на адаптацию действующей образовательной системы под стандарты цифрового образования, обеспечение формирования компетенций граждан на протяжении всей жизни, медийно-информационной и цифровой грамотности участников образовательного процесса, изменение содержания образования и внедрение инновационных технологий преподавания, в том числе с использованием электронных средств обучения.

Национальная Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023» [17], «Дорожная карта» по реализации Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–

2023» были ориентированы на формирование открытого цифрового общества, переход на цифровое управление, обеспечение цифровых условий гражданам при взаимодействии с государственными органами и органами местного самоуправления.

В Законе Кыргызской Республики от 8 августа 2023 г. № 170 «О науке» закреплены правовые, организационные, экономические основы осуществления научной и научно-технической деятельности, основы функционирования системы научно-технической информации, а именно положения о создании и работе баз учета [18].

Принятый 11 февраля 2023 г. Закон Кыргызской Республики № 179 «Об образовании» включает в себя положения о принципах образования, в частности о развитии цифровизации образования «для обеспечения прозрачности и доступности образовательных ресурсов для всех обучающихся», а также положения об информационном обеспечении, создании цифровых учебных материалов. Статья 15 посвящена функционированию информационной системы, дается определение дистанционного образования [14].

Таким образом, в Кыргызской Республике планомерно формируется системная основа для цифровизации образования через законы, инфраструктурные проекты и образовательные платформы.

Российская Федерация

В Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (статья 3) закреплены принципы государственной политики, которые имеют значение для развития цифровизации в области образования. К их числу можно отнести: обеспечение права каждого человека на образование, единство образовательного пространства, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, обеспе-

чение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека [19].

В статье 13 закона определено, что при реализации образовательных программ используются различные образовательные технологии, в том числе дистанционные образовательные технологии, электронное обучение, которые должны применяться в порядке, установленном Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Министерством просвещения Российской Федерации [19].

В целях информационного обеспечения управления в системе образования и государственной регламентации образовательной деятельности уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации создаются, формируются и ведутся государственные информационные системы, обеспечивающие совместимость и взаимодействие этих информационных систем с иными государственными информационными системами и информационно-телекоммуникационными сетями, включая информационно-технологическую и коммуникационную инфраструктуры, используемые для предоставления государственных и муниципальных услуг (ст. 98) [19].

Обеспечивается информационная открытость образовательной организации (ст. 29) за счет формирования ею открытых и общедоступных информационных ресурсов, содержащих информацию об их деятельности, и обеспечивающих доступ к ресурсам посредством размещения их в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на официальном сайте образовательной организации в сети Интернет [19].

Определено, что лицензионные требования и условия лицензирования образовательной деятельности долж-

ны учитывать особенности осуществления образовательной деятельности при реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий.

В 2016 г. стартовал федеральный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», утвержденный Правительством Российской Федерации в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 гг. В рамках этого проекта предполагалось «модернизировать систему образования и профессиональной подготовки, привести образовательные программы в соответствие с нуждами цифровой экономики, широко внедрить цифровые инструменты учебной деятельности и целостно включить их в информационную среду, обеспечить возможность обучения граждан по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни — в любое время и в любом месте» [20].

В 2017 г. начинается реализация программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.), нацеленной на создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективно взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан; создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках; повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отрас-

лей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом [21].

В 2019 г. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части «создания современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней» был конкретизирован в национальном проекте «Образование» (федеральном проекте «Цифровая образовательная среда») [22].

В настоящее время в России в рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Цифровая образовательная среда», действует Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Принято постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе “Современная цифровая образовательная среда”», обеспечивающей доступ по принципу «одного окна» к онлайн-курсам, действующей по адресу online.edu.ru и интегрированной с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА).

В соответствии с распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № Р-48 проводится профессиональная переподготовка руководителей образовательных организаций и органов исполнительной власти субъектов Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, по внедрению и функционированию в образовательных организациях целевой модели цифровой образовательной среды.

Принят Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства Российской Федерации 23 сентября 2020 г.), в раздел 6.3 «Цифровая образовательная

среда» которого включены следующие действия: реализация программы финансовой и методической поддержки цифровизации образовательных организаций высшего образования; разработка и внедрение «Цифровой образовательной среды»; определение порядка свободного использования произведений в образовательных и научных целях в электронной форме, хранящихся в библиотеках, в том числе без необходимости физического присутствия в помещении библиотеки [23].

В 2021 г. Федеральным законом от 26 мая 2021 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» в указанный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ вносятся изменения в части применения образовательными организациями дистанционных методов обучения и аккредитации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р утверждена обновленная стратегия цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 г., ключевыми направлениями которой признаны реестровая модель госуслуг, импортозамещение ПО и формирование национальных баз данных [24].

Таким образом, в Российской Федерации образуется регулируемая экосистема цифровизации образования с акцентом на импортозамещение, централизацию и практико-ориентированные реформы.

Республика Таджикистан

В 2016 г. в Таджикистане утверждена Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. № 636), в которой было заявлено одно из приоритетных направлений в сфере общего образования — «обеспечение сетевого контента по большинству учебных предметов и широкое внедрение интерактивных форматов обучения с использованием

информационно-телекоммуникационных технологий» [25].

Пункт 4.1 указанной стратегии посвящен сферам образования и науки. В приоритетах и основных направлениях действий цифровая повестка не отражена. Единственным исключением является следующее положение, применяемое к сфере общего образования: обеспечение всех учреждений школьного образования широкополосным доступом к сети Интернет и повышение оснащенности учебных классов компьютерной техникой; обеспечение сетевого контента по большинству учебных предметов и широкое внедрение интерактивных форматов обучения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [25].

В 2019 г. была утверждена Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан, которая основывается на Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года и представляет собой общее видение использования современных цифровых технологий для достижения цели долгосрочного развития Таджикистана, а именно повышения уровня жизни населения страны, скорейшего выхода на уровень жизни стран среднего достатка и значительного снижения бедности, а также достижения приоритетных целей экономического развития республики, таких как обеспечение энергетической независимости и продовольственной безопасности, выход страны из коммуникационного тупика и превращение ее в транзитный регион, ускоренная индустриализация страны и создание новых рабочих мест. В раздел, посвященный прорывным технологиям, включен параграф «Цифровое образование». Для достижения целей Концепции предусмотрены проведение различных мероприятий, модернизация учебных планов, формирование базовых цифровых навыков у населения и представителей бизнеса. Механизм реализации Концепции обеспечивает вовлеченность представителей научно-

образовательного сообщества (п. 130 Концепции) [26].

В 2022 г. постановлением Правительства Республики Таджикистан была утверждена Концепция перехода на цифровое образование на период до 2042 года, цель которой заключается в достижении нового качества образования через внедрение информационно-коммуникационных технологий, обеспечение мобильности образовательных услуг и повышение экспорта образования [27].

Таким образом, в Республике Таджикистан формируется долгосрочная стратегия цифровизации образования через Концепцию — 2042, интеграцию с цифровой экономикой и создание инфраструктуры.

Республика Узбекистан

В Стратегии «Цифровой Узбекистан — 2030», утвержденной Указом Президента Республики Узбекистан от 5 октября 2020 г. № УП-6079, подчеркивается ценность экспериментальной и инновационной деятельности в образовании, которая может осуществляться в том числе путем использования технологий дистанционного обучения; вводится понятие дистанционной формы обучения, предполагающей использование информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет. В рамках реализации стратегии запланированы свыше 220 приоритетных проектов, предусматривающих совершенствование системы электронного правительства, дальнейшее развитие отечественного рынка программных продуктов и информационных технологий, организацию во всех регионах республики IT-парков, обеспечение данной сферы квалифицированными кадрами [28].

В Законе Республики Узбекистан от 19 мая 2020 г. № ЗРУ-637 «Об образовании» дистанционное образование (ст. 16) признается образованием без отрыва от производства, наряду с заочным и вечерним (ст. 15). При этом

образовательные организации в процессе экспериментальной и инновационной деятельности вправе использовать технологии дистанционного образования (ст. 36). В процессе внедрения учебных планов и учебных программ должны применяться информационно-коммуникационные технологии (ст. 35). Педагогическим работникам вменяется в обязанность использование информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности (ст. 46) [29].

В соответствии со Стратегией «Цифровой Узбекистан — 2030» и в целях создания благоприятных условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта и их широкого применения в стране, обеспечения доступности и высокого качества цифровых данных, подготовки квалифицированных кадров в указанной сфере была утверждена Программа мер по изучению и внедрению технологий искусственного интеллекта в 2021–2022 годах, в качестве одного из приоритетных направлений которой обозначено обеспечение доступа отечественных предприятий и специалистов к информационным ресурсам и компетенциям в области искусственного интеллекта, а также развитие необходимой образовательной среды [30].

В 2020 г. в целях поднятия обучения информационным технологиям на качественно новый уровень, удовлетворения потребности рынка труда в квалифицированных IT-специалистах было принято постановление Президента Республики Узбекистан от 6 октября 2020 г. № ПП-4851 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования в области информационных технологий, развитию и интеграции научных исследований с IT-индустрией» [31].

В постановлении Президента Республики Узбекистан от 6 ноября 2020 г. № ПП-4884 «О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования и воспитания» обозначается запуск информационной

системы управления «Болалар богчаси» по мониторингу процессов развития и охвата детей дошкольным образованием с обеспечением прозрачности вносимых данных [32].

Указом Президента Республики Узбекистан от 29 октября 2020 г. № УП-6097 «Об утверждении концепции развития науки до 2030 года» определен план мер и задач для развития науки, в том числе приоритетные направления, включая создание национального научного портала, внедрения цифровых технологий [33].

Постановлением Президента Республики Узбекистан от 15 мая 2024 г. № ПП-178 «Об организации деятельности “IT-городков”, направленной на создание дополнительных условий для обучения молодежи цифровым технологиям и иностранным языкам в регионах» утверждается создание «IT-городков» как меры для формирования и развития навыков в сфере цифровизации у молодежи [34].

В том же году Указом Президента Республики Узбекистан от 2 июля 2024 г. № УП-98 «О мерах по совершенствованию системы государственного управления в сфере дошкольного и школьного образования» утверждены меры по совершенствованию образования, в частности на Министерство дошкольного и школьного образования возложена функция повышения качества дошкольных образовательных услуг путем применения в сфере современных информационных технологий, цифровизации процессов управления и сокращения документооборота [35].

В Законе Республики Узбекистан от 1 февраля 2024 г. № ЗРУ-901 «О статусе педагога» использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе (ст. 7) определяется как одна из обязанностей педагога [36].

Таким образом, в Республике Узбекистан наблюдается процесс формирования комплексного подхода к цифровому образованию посредством использования стратегического планирования и инфраструктурных инвестиций.

Методология

В исследовании использовался метод ретроспективного анализа применительно как к документам стратегического характера, так и к ключевым нормативным документам, регламентирующим цифровую трансформацию в сфере образования государств — участников СНГ в период с 2008 по 2024 г.

Для поиска нормативных документов в сфере цифровизации образования использовались автоматизированные информационно-поисковые базы данных законодательства государств — участников СНГ.

Результаты

Анализ законодательных документов свидетельствует, что все государства — участники СНГ осознают значимость информационно-коммуникационных технологий и нормативного регулирования образования в сфере цифровизации. Документы принимаются на различных уровнях государственной власти, как на уровне президента, так и на уровне правительства.

Для всех государств-участников характерно упоминание вопросов, касающихся цифровизации образования, в национальной стратегии. Наличие отраслевого органа и отраслевой программы демонстрируют также все государства.

Среди тенденций развития образовательного законодательства в сфере цифровизации в государствах СНГ в последние годы можно выделить несколько ключевых направлений:

— *интеграция цифровых технологий в образовательные стандарты.* Многие страны СНГ стремятся обновить свои образовательные стандарты, включая в них требования к использованию цифровых технологий, в том числе связанные с внедрением программ, направленных на развитие цифровых навыков у студентов и преподавателей;

— *разработка национальных стратегий цифровизации.* Государства разрабатывают и внедряют национальные стратегии цифровизации образования, в которых определяются приоритетные направления, цели и задачи. Эти стратегии часто предполагают создание инфра-

структуры для дистанционного обучения и развитие электронных образовательных ресурсов;

— *создание и поддержка электронных образовательных платформ.* В ряде стран СНГ активно развиваются онлайн-платформы для обучения, которые позволяют обеспечить доступ к образовательным ресурсам и курсам для широкого круга пользователей. Это особенно важно в условиях пандемии и перехода на дистанционное обучение;

— *поддержка и подготовка кадров.* Важной тенденцией является акцент на подготовку педагогов к использованию цифровых технологий. Разрабатываются программы повышения квалификации, которые помогают учителям осваивать новые инструменты и методы работы;

— *финансирование и инвестиции.* Государства — участники СНГ увеличивают финансирование образовательной сферы, направляя средства на модернизацию инфраструктуры, закупку оборудования и разработку цифровых ресурсов. Это позволяет улучшить качество образования и сделать его более доступным;

— *международное сотрудничество.* Государства — участники СНГ активно участвуют в международных проектах и инициативах, направленных на обмен опытом и лучшими практиками в области цифровизации образования. Это способствует адаптации успешных моделей и технологий к местным условиям;

— *регулирование и защита данных.* С увеличением использования цифровых

технологий возрастает необходимость в законодательном регулировании вопросов безопасности данных и защиты личной информации учащихся. Страны начинают разрабатывать соответствующие законы и нормы.

Вместе с тем в рамках данного исследования выявлены следующие существенные пробелы в образовательном законодательстве государств — участников СНГ:

— *отсутствие единого понятийного аппарата*. Данный факт приводит к разночтениям в правоприменительной практике и затрудняет формирование целостного восприятия образовательного процесса в контексте цифровизации;

— *недостаточное регулирование статуса участников цифрового образовательного процесса*. Не определен правовой статус субъектов, использующих онлайн-платформы, а также не регламентированы их права, обязанности и ответственность, что создает правовую неопределенность для образовательных организаций, педагогов и обучающихся;

— *отсутствие стандартов обеспечения качества цифрового образования*. Не установлены единые требования к материально-технической базе, программному обеспечению и цифровому контенту, что приводит к неравенству в доступе к качественному образованию;

— *неразвитость механизмов признания неформального и информального образования*. Не предусмотрены процедуры валидации компетенций, полученных через онлайн-курсы, тренинги и самостоятельное обучение, что ограничивает возможности непрерывного образования и профессионального роста;

— *недостаточная защита персональных данных и кибербезопасность*. Отсутствуют специализированные нормы, обеспечивающие безопасность данных обучающихся и педагогов в цифровой среде, а также меры противодействия киберпреступности в образовательном секторе;

— *слабое регулирование использования искусственного интеллекта в образовании*. Не определены этические и правовые рамки применения искусственного интеллекта, что создает риски достоверности данных, дискриминации и нарушения прав участников образовательного процесса;

— *отсутствие механизмов академической мобильности в цифровой среде*. Не разработаны нормы, регулирующие сетевые формы реализации образовательных программ и признание результатов обучения, полученных с использованием цифровых технологий в государствах — участниках СНГ.

Заключение

Текущее состояние образовательного законодательства государств — участников СНГ в сфере цифровизации характеризуется стадией активного формирования, что неизбежно порождает ряд правовых пробелов и коллизий. В связи с этим координирующая роль Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ приобретает существенное значение. Уже разработанные и планируемые к разработке модельные законодательные акты в сфере цифровизации образования призваны минимизировать выявленные пробелы, предлагая государствам-участникам согласованные,

научно-обоснованные и адаптированные к современным реалиям правовые решения.

Имплементация модельных законодательных актов в национальные правовые системы государств — участников СНГ не только обеспечивает нивелирование существующих проблем, но и может стать драйвером для опережающего развития, позволяя странам Содружества оперативно реагировать на требования цифровой эпохи, гарантируя доступность, качество и конкурентоспособность современного образования.

Библиографический список

1. Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2030 года // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3827/?ysclid=m6hn6z6wxe152617341> (дата обращения: 13.05.2025).
2. Об утверждении Государственной программы по информатизации системы образования в Азербайджанской Республике в 2008–2012 годах: распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 10 июня 2008 г. № 2856 // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=28135 (дата обращения: 12.06.2025).
3. Об утверждении Концепции развития «Азербайджан — 2020: взгляд в будущее»: Указ Президента Азербайджанской Республики от 29 декабря 2012 г. № 800 // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/articles/view/7022> (дата обращения: 12.06.2025).
4. Об утверждении Национальной стратегии по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы: распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 2 апреля 2014 г. № 359 // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/articles/view/11308> (дата обращения: 17.05.2025 г.).
5. Об общем образовании: Закон Азербайджанской Республики от 29 марта 2019 г. № 1532-VQ // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=120571 (дата обращения: 17.06.2025).
6. О внесении изменения в Законы Азербайджанской Республики «О физической культуре и спорте», «О профессиональном образовании» и «Об общем образовании»: Закон Азербайджанской Республики от 18 декабря 2020 г. № 219-VIQD // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=138557 (дата обращения: 17.06.2025).
7. В Азербайджане утверждена Стратегия ИИ на 2025–2028 годы // Оху.Аз. 2025. 19 марта. URL: <https://oxu.az/ru/politika/v-azerbajdzhane-utverzhdena-strategiya-ii-na-2025-2028-gody> (дата обращения: 25.06.2025).
8. Представлен проект рамочного документа «Повестка дня цифровой трансформации Армении на 2018–2030 гг.» // Правительство Республики Армения. 2018. 30 января. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9302/> (дата обращения: 25.06.2025).
9. Панова М. Особенности цифровой трансформации сферы образования в странах ЕАЭС: аналитический отчет // Центр искусственного интеллекта МГИМО. Москва, 2023.
10. О развитии цифровой экономики: Декрет от 21 декабря 2017 г. № 8 // Президент Республики Беларусь: официальный сайт. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716> (дата обращения: 25.06.2025).
11. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» // Национальная академия наук Беларуси. URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (дата обращения: 16.04.2025).
12. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100057> (дата обращения: 16.04.2025).
13. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoye-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody> (дата обращения: 16.04.2025).
14. Законодательство стран СНГ: база данных. URL: <https://base.spinform.ru/spisdoc.fwx> (дата обращения: 16.04.2025).
15. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан»: постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // Әділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 18.05.2025).
16. О внесении изменений в приказ Министерства образования и науки Республики Казахстан от 20 марта 2015 года № 137 «Об утверждении требований к организациям образования по предоставлению дистанционного обучения

и правил организации учебного процесса по дистанционному обучению и в форме онлайн-обучения по образовательным программам высшего и (или) послевузовского образования»: приказ Министра науки и высшего образования Республики Казахстан от 7 августа 2023 г. № 397 // Эділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033279> (дата обращения: 18.05.2025).

17. Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/216896/edition/1118030/ru> (дата обращения: 19.05.2025).

18. О науке: Закон Кыргызской Республики от 8 августа 2023 г. № 170 // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=153024 (дата обращения: 19.05.2025).

19. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.05.2025).

20. Паспорт проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYftVOAG.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).

21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 19.05.2025).

22. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 19.05.2025).

23. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/> (дата обращения: 19.05.2025).

24. О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412194202/> (дата обращения: 19.05.2025).

25. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года // Министерство энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан. URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

26. Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Concept%20of%20the%20Digital%20Economy%20in%20the%20Republic%20of%20Tajikistan%20%28RU%29.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).

27. О Концепции перехода на цифровое образование в Республике Таджикистан на период до 2042 года: постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2022 г. № 439 // Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: http://www.portalihuquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoviev.php?showdetail=&asosi_id=2648 (дата обращения: 19.05.2025).

28. Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030» // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5031048> (дата обращения: 19.05.2025).

29. Об образовании: Закон Республики Узбекистан от 23 сентября 2020 г. № ЗРУ-637 // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=127569 (дата обращения: 19.05.2025).

30. О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта: постановление Президента Республики Узбекистан от 17 февраля 2021 г. № ПП-4996 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5297051> (дата обращения: 19.05.2025).

31. О мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования в области информационных технологий, развитию и интеграции научных исследований с IT-индустрией: поста-

новление Президента Республики Узбекистан от 6 октября 2020 г. № ПП-4851 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5032131?ONDATE=07.10.2020%2000> (дата обращения: 19.05.2025).

32. О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования и воспитания: постановление Президента Республики Узбекистан от 6 ноября 2020 г. № ПП-4884 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5085895> (дата обращения: 19.05.2025).

33. Об утверждении Концепции развития науки до 2030 года: указ Президента Республики Узбекистан от 29 октября 2020 г. № УП-6097 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5073449> (дата обращения: 19.05.2025).

34. Об организации деятельности «IT-городков», направленной на создание дополни-

тельных условий для обучения молодежи цифровым технологиям и иностранным языкам в регионах: постановление Президента Республики Узбекистан от 15 мая 2024 г. № ПП-178 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/uz/docs/6927685> (дата обращения: 19.05.2025).

35. О мерах по совершенствованию системы государственного управления в сфере дошкольного и школьного образования: Указ Президента Республики Узбекистан от 2 июля 2024 г. № УП-98 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/6994142> (дата обращения: 19.05.2025).

36. О статусе педагога: Закон Республики Узбекистан от 1 февраля 2024 г. № ЗРУ-901 // LexUZ: национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6786403> (дата обращения: 19.05.2025).

References

1. Interstate Program of Innovative Cooperation of the CIS Member States for the Period up to 2030. *CIS Internet Portal*. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3827/?ysclid=m6hn6z6wxe152617341> (Accessed: 13.05.2025). (In Russ.)

2. On Approval of the State Program for the Informatization of the Education System in the Republic of Azerbaijan for the Period 2008–2012: Presidential Decree dated June 10, 2008, no. 2856. *Legislation of the CIS Countries: Database*. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=28135 (Accessed: 12.06.2025). (In Russ.)

3. On Approval of the Concept for the Development of Azerbaijan 2020: A Look into the Future: Presidential Decree dated December 29, 2012, no. 800. *Official Website of the President of the Republic of Azerbaijan*. URL: <https://president.az/ru/articles/view/7022> (Accessed: 12.06.2025). (In Russ.)

4. On Approval of the National Strategy for the Development of the Information Society in the Republic of Azerbaijan for the Period 2014–2020: Presidential Decree dated April 2, 2014, no. 359. *Official Website of the President of the Republic of Azerbaijan*. URL: <https://president.az/ru/articles/view/11308> (Accessed: 17.05.2025). (In Russ.)

5. On General Education: Law of the Republic of Azerbaijan dated March 29, 2019, no. 1532-VQ.

Legislation of the CIS Countries: Database. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=120571 (Accessed: 17.06.2025). (In Russ.)

6. On Amendments to the Laws of the Republic of Azerbaijan on Physical Culture and Sports, Vocational Education, and General Education: Law of the Republic of Azerbaijan dated December 18, 2020, no. 219-VIQD. *Legislation of the CIS Countries: Database*. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=138557 (Accessed: 17.06.2025). (In Russ.)

7. AI Strategy for 2025–2028 approved in Azerbaijan. *Oxu.Az*. 2025. March 19. URL: <https://oxu.az/ru/politika/v-azerbajdzhanе-utverzhdена-strategiya-ii-na-2025-2028-gody> (Accessed: 25.06.2025). (In Russ.)

8. Draft Framework Document «Digital Transformation Agenda of Armenia for 2018–2030» Presented. *Government of the Republic of Armenia*. 2018. January 30. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9302/> (Accessed: 25.06.2025). (In Russ.)

9. Panova M. Features of Digital Transformation of the Education Sector in the EAEU Countries: Analytical Report. *Center for Artificial Intelligence at MGIMO*. Moscow, 2023. (In Russ.)

10. On the Development of the Digital Economy: Decree dated December 21, 2017, no. 8. *President of the Republic of Belarus: Official Website*.

URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrija-2017-g-17716> (Accessed: 25.06.2025). (In Russ.)

11. Science and Technology Strategy: 2018–2040. *National Academy of Sciences of Belarus*. URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (Accessed: 16.04.2025). (In Russ.)

12. State Program «Education and Youth Policy» for 2021–2025. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100057> (Accessed: 16.04.2025). (In Russ.)

13. State Program «Digital Development of Belarus» for 2021–2025. *Ministry of Communications and Informatization of the Republic of Belarus*. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody> (Accessed: 16.04.2025). (In Russ.)

14. *Legislation of the CIS Countries: Database*. URL: <https://base.spininform.ru/spisdoc.fwx> (Accessed: 16.04.2025). (In Russ.)

15. On Approval of the State Program «Digital Kazakhstan»: Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017, no. 827. *Әділет: Information and Legal System of Normative Legal Acts of the Republic of Kazakhstan*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (Accessed: 18.05.2025). (In Russ.)

16. On Amendments to the Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2015, no. 137 «On Approval of Requirements for Educational Organizations to Provide Distance Learning and Rules for Organizing the Educational Process for Distance Learning and Online Learning in Higher and (or) Postgraduate Education Programs»: Order of the Minister of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan dated August 7, 2023, no. 397. *Әділет: Information and Legal System of Normative Legal Acts of the Republic of Kazakhstan*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033279> (Accessed: 18.05.2025). (In Russ.)

17. Digital Transformation Concept «Digital Kyrgyzstan 2019–2023». *Centralized Database of Legal Information of the Kyrgyz Republic*. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/216896/edition/1118030/ru> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

18. On Science: Law of the Kyrgyz Republic dated August 8, 2023, no. 170. *Legislation of the CIS Countries: Database*. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=153024 (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

19. On Education in the Russian Federation: Federal Law dated December 29, 2012, no. 273-FZ. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 20.05.2025). (In Russ.)

20. Project Passport «Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation». *Government of the Russian Federation: official website*. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

21. Order of the Government of the Russian Federation no. 1632-r dated July 28, 2017. *Garant.ru: Information and Legal Portal*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

22. On the National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018, no. 204. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

23. National Action Plan for Restoring Employment and Incomes, Growing the Economy, and Achieving Long-Term Structural Changes in the Economy. *Garant.ru: Information and Legal Portal*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

24. On the Strategic Direction for the Digital Transformation of the Science and Higher Education Sector until 2030: Government Order dated July 5, 2025, no. 1805-r. *Garant.ru: Information and Legal Portal*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412194202/> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

25. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the Period up to 2030. *Ministry of Energy and Water Resources of the Republic of Tajikistan*. URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

26. Concept of the Digital Economy in the Republic of Tajikistan. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Concept%20of%20the%20Digital%20Economy%20in%20the%20Republic%20of%20Tajikistan%20%28RU%29.pdf> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

27. On the Concept of Transition to Digital Education in the Republic of Tajikistan for the Period up to 2042 Government Decree dated August 30, 2022, no. 439. Ministry of Justice of the Republic of Tajikistan. URL: http://www.portalihuquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=2648 (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

28. Digital Uzbekistan 2030 Strategy. *LexUZ: National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/docs/5031048> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

29. On Education: Law of the Republic of Uzbekistan dated September 23, 2020, no. ZRU-637. *Legislation of the CIS Countries: Database*. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=127569 (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

30. On Measures to Create Conditions for the Accelerated Introduction of Artificial Intelligence Technologies: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 17, 2021, no. PP-4996. *LexUZ: National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/docs/5297051> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

31. On Measures to Further Improve the Education System in the Field of Information Technologies, Develop and Integrate Scientific Research with the IT Industry: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated October 6, 2020, no. PP-4851. *LexUZ: National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5032131?ONDATE=07.10.2020%2000> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

32. On Additional Measures to Further Improve the Education and Upbringing System: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated November 6, 2020, no. PP-4884. *LexUZ: National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5085895> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

33. On Approval of the Concept for the Development of Science until 2030: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated October 29, 2020, no. UP-6097. *LexUZ: national database of legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/docs/5073449> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

34. On the Organization of the Activities of IT Towns aimed at Creating Additional Conditions for Teaching Digital Technologies and Foreign Languages to Young People in the Regions: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 15, 2024, no. PP-178. *LexUZ: national database of legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/uz/docs/6927685> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

35. On Measures to Improve the System of Public Administration in the Field of Preschool and School Education: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated July 2, 2024, no. UP-98. *LexUZ: national database of legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/6994142> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

36. On the Status of Teachers: Law of the Republic of Uzbekistan dated February 1, 2024, no. ZRU-901. *LexUZ: national database of legislation of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6786403> (Accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

Коррупция в Московском государстве в XVI–XVII веках (историко-правовой обзор)

Косарев С. Ю.¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Corruption in the Moscow State in the 16th and 17th Centuries (Historical and Legal Review)

Kosarev S. Yu.¹

¹ Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. В статье рассказывается о том, что административные и судебные функции в Московском государстве на протяжении первой половины XVI в. выполняли наместники, получавшие вознаграждение от населения (система кормлений). Отмечается, что начало ограничению института кормлений положил Судебник 1550 г., однако искоренить традиции кормления не удалось, а с ростом управленческого аппарата коррупционные действия приобрели всеобъемлющий характер вследствие несовершенства системы управления, боязни обновления, поверхностности реформ, традиционализма феодальной системы общественных отношений. Период с середины XVI в. до конца XVII в. обозначается как время первоначального формирования антикоррупционного законодательства; тогда власть относительно серьезно осознала негативность коррупционных деяний.

Ключевые слова: коррупция, Московское государство, кормления, мздоимство, лихоимство, казнокрадство, должностные лица.

Abstract. Administrative and judicial functions in the Moscow State during the first half of the XVI century were performed by governors who received remuneration from the population (feeding system). The judicial code of 1550 marked the beginning of the restriction of the institution of feeding. However, it was not possible to eradicate the traditions of feeding, and with the growth of the administrative apparatus, corruption actions became comprehensive due to the imperfection of the management system, fear of renewal, superficiality of reforms, and traditionalism of the feudal system of public relations. But the period from the middle of the XVI century to the end of the XVII century became the time of the initial formation of anti-corruption legislation; at this time, the authorities are relatively seriously aware of the negativity of corruption.

Keywords: corruption, Moscow State, feeding, bribery, extortion, embezzlement, officials.

Об авторе:

Косарев Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, kos4-s-pb@mail.ru

About the author:

Kosarev Sergey Yurievich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, kos4-s-pb@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.10.2025, принят к публикации 12.12.2025
Article received by the editorial office on 25.10.2025, accepted for publication on 12.12.2025

Введение

В XV в. Московское княжество, главным образом силой оружия, присоединяло к себе другие русские земли. К началу XVI в. на окраине Европы появилось мощное государство с обширной территорией, оказывавшее большое влияние на международные дела.

Централизация государственного аппарата и недовольство народных масс злоупотреблениями должностных лиц на местах требовали упорядочивания и ограничения их прав. Из летописных источников известно, что церковь осуждала взяточничество наряду с пьянством и колдовством.

Коррупционные действия в процессе исторического развития претерпевали определенные изменения, облекались в различные формы. Незрелость товарно-денежных отношений обуславливала существование специфических форм содержания должностных лиц, в результате чего возникла своего рода «легальная» коррупция как система кормлений, аналогичная той, что была в Византии, с которой русские князья всегда находились в плотном контакте. Это были такие порядки, как, например, не принимать просителей без подношений, выбирать государева подрядчика только за подарок и т.п.

Институт кормления представлял собой направление князем своих пред-

ставителей (наместников, волостелей) на места без денежного содержания, они брали с местного населения «корм», причем размеры «корма» определялись официальными документами и обычаем. При подобной системе управления взятки в современном понимании не существовало, а «посул» воспринимался как злоупотребление в кормлении, как превышение норм, установленных для кормящихся. При системе кормлений должностные обязанности прямо предусматривали использование служебного положения для получения доходов с населения в пользу наместника или волостеля. Местное население на подарки не могло скупиться, поскольку другого выхода у него все равно не было. Наместники, волостели и другие представители князя получали «корм» обычно три раза в году — на Рождество, Пасху и Петров день. При вступлении кормленщика в должность население платило ему «въезжий корм». «Корм» давался натурой: хлебом, мясом, сыром и т.д.; для лошадей кормленщиков поставляли овес и сено. Кроме того, кормленщики собирали в свою пользу различные пошлины: судебные, за клеймение («пятнание») и продажу лошадей, «полавочное», «мыто» и др. За счет этих сборов они жили и содержали свою челядь.

Постепенно политический строй Московского государства развивался в сторону централизации, но достаточно оформленного государственного аппарата еще не было. Административно-территориальное деление оставалось

архаичным. По-прежнему власть на местах передавалась из Москвы в руки наместников и волостелей, которые получали в управление отдельные территории (уезды, волости). За выполнение административных и судебных функций они

получали в свое распоряжение судебные пошлины и часть налогов с населения, собранных сверх установленных податей в казну, то есть кормились.

Кормления, по сути, были вознаграждениями за прошлую военную службу, поэтому кормленщики старались получить с населения в свою пользу как можно больше доходов. К тому же подчиненные им органы управления состояли из их собственных слуг. Произвол со стороны кормленщиков и их слуг был обычным делом. Государство стремилось ограничить произвол и злоупотребления кормленщиков, несколько ослабить их власть, поскольку население страдало от поборов и жаловалось центральным властям. Также государство пыталось поставить деятельность кормленщиков под свой контроль как «снизу» — со стороны выборных представителей местного населения, так и «сверху» — со стороны государственных центральных органов. Однако установить действенный контроль над деятельностью кормленщиков не удавалось, поскольку сама система кормлений создавала благоприятную почву для коррупции. В 1555 г. Иваном IV Грозным система кормлений была отменена, хотя на практике она в той или иной форме продолжала существовать вплоть до XVIII в.

Собрав подношения (мзду), кормленщики возвращались в столицу, где излишки накопленного добра у них забирали в пользу государевой казны. Так формировалась круговая порука столичных и провинциальных взяточников.

В судебной сфере все более разрасталось письмоводство, запись различных «речей» (показаний) и т.д. Появились судные списки и правые грамоты, выдававшиеся на руки сторонам по их требованию и представлявшие по своему содержанию не что иное, как подробные протоколы всего судопроизводства. Фактически хозяевами судебного производства становились не высшие должностные лица, а не всегда чистые на руку дьяки и подьячие.

В результате к XVI в. коррупция в Московском государстве приобрела систем-

ный характер. Если должностное лицо выполняло за подношение какое-то действие в виде своих прямых обязанностей и не нарушало закон, то это называлось мздоимством и воспринималось как норма. Если же должностное лицо подкупали для совершения чего-то незаконного, что было возможно благодаря его должности, то это рассматривалось как лихоимство. С лихоимством пытались бороться.

Первое законодательное закрепление наказания судей за «посул», то есть взятку, было введено Иваном III в Судебнике 1497 г. До этого «посулы» рассматривались не столько как взятка, сколько как плата за проявленную судьей прилежность при рассмотрении дела. Официальная отмена «посула» и введение нормированных судебных пошлин стали первым шагом в создании судебного аппарата Московского государства.

По мере развития Московского государства формировались и укреплялись центральные органы власти, среди которых особое место занимали органы центрального управления — приказы, их роль постоянно возрастала. Во второй половине XVI в. в стране сложилась довольно разветвленная система приказов, каждый из которых выполнял не только управленческие функции, но и судебные.

Весьма благоприятно на развитии политической системы и на борьбе с коррупцией сказались реформы Избранной рады — правительственного круга лиц, сложившегося в конце 1540-х гг. при Иване IV. Избранная рада провела в период своего существования, то есть до конца 1550-х гг., ряд очень важных реформ, способствовавших политической централизации страны и в значительной мере ограничивавших злоупотребления лиц, наделенных властными полномочиями. В 1550 г. был издан новый Судебник, принятие которого фактически явилось следующим этапом борьбы с лихоимством [1, с. 9].

Судебник 1550 г. был составлен на основе Судебника Ивана III. В новом Судебнике нашли свое отражение изменения в политической организации

государства, а основное внимание в нем уделялось проблемам управления и суда. Согласно Судебнику 1550 г. усилилась роль центральных судебных органов, возросло значение царского суда. Впервые вводились наказания для бояр и дьяков, уличенных во взяточничестве. Судебник 1550 г. положил начало ограничению института кормлений. В соответствии с этим документом наместники и волостели, поставленные правительством, не могли судить без участия выборных от населения: дворского, старосты и лучших людей местной крестьянской общины. Реформы в определенной степени ограничивали и власть царя, но дальнейшее осуществление реформ было свернуто. Изменение криминальной ситуации было учтено в следующем Судебнике — 1589 г. Во-первых, устанавливалась обязательная служебная присяга выборных; во-вторых, был исключен порядок подачи исков (с исключением сроков давности) от потерпевших к выборным служащим, уличенным в коррупции. Неотвратимости ответственности коррупционеров из числа выборных способствовали подотчетность выборщикам деятельности выборных судей, разбирательство их деятельности и осуждение волостным миром.

С середины XVI в. система кормлений официально ликвидируется, а сборы на содержание кормленщиков превращаются в особый налог в пользу казны. Пожалуй, с этого времени можно говорить о развитии коррупции в современном смысле.

Избранная рада прекратила свое существование, а ведущие ее члены подверглись репрессиям. Иван Грозный стал проводить новую внутреннюю политику, направленную на безраздельное укрепление своей власти. Террористические методы его правления, опричнина, поражение в длительной Ливонской войне подорвали не только экономику страны, но и моральные устои общества, повсюду царили беззаконие и коррупция.

Вступление России в начале XVII в. в период Смутного времени еще более усугубило ситуацию, возникла реальная

угроза потери национальной государственности. Последствия этих событий довольно долго давали о себе знать.

Система местного самоуправления, сформировавшаяся в результате реформ Избранной рады, была ликвидирована, и, по сути, произошел возврат к системе кормлений. В XVII в. власть на местах сосредоточилась в руках воевод, назначаемых из Москвы. В основном это были бывшие военные; их служба не оплачивалась государством, воеводу содержало местное население. Контроль над деятельностью воевод был слабым, что создавало благоприятную почву для различных злоупотреблений.

Усилилась коррупция и в центральных органах власти, где складывался бюрократический аппарат. Разрастающаяся система приказов была весьма запутанной, приказы часто дублировали друг друга, поэтому одно и то же дело могло рассматриваться в разных приказах. Давало о себе знать и несовершенство судопроизводства и законодательства. К тому же государство стремилось сосредоточить именно в центре различные судебные дела, и поэтому по большинству судебных дел его участникам приходилось ехать в Москву. Воеводы на местах разрешали лишь самые незначительные случаи. Столичные приказы были завалены нерешенными судебными делами, их прохождение длилось очень долго, они «волочились». Служащие приказов, дьяки и подьячие, рассматривали в первую очередь дела тех, кто давал взятку. При осуществлении судебно-следственной деятельности торжествовали бюрократия и канцелярское засилье, что неминуемо вело к мздоимству, лихоимству, «ябедничеству». Как писал русский историк права Н. И. Ланге, слова «правда» и «справедливость» сделались пустым звуком. «Нравственной болезнью русского народа», наложившей отпечаток на все его дальнейшее развитие, назвал он это состояние [2, с. 74].

Преемникам Ивана Грозного и Бориса Годунова фактически пришлось восстанавливать не только разрушенную

экономику, но и государственность. Это восстановление шло по пути дальнейшей централизации страны. Московские цари предпринимали попытки ограничить взяточничество и казнокрадство, но преодолеть их так и не смогли.

К тому же утверждение династии Романовых после 1613 г. сопровождалось, в частности, и переходом в местном управлении от выборной администрации к должностным лицам, назначаемым царем. Во многом такой подход был оправдан, поскольку внешнеполитическое положение страны длительное время оставалось сложным, а значительную роль в сфере государственного управления играли вопросы обороны. Никакого разделения функций полицейских и судебных не было. Должностные лица государства, расследующие преступления, постепенно стали выполнять функции следователя, прокурора и вершителя самого процесса в одном лице.

Одной из мер по усилению контроля за системой приказов было создание при царе Алексее Михайловиче Тишайшем Тайного приказа, который полностью подчинялся царю и состоял только из дьяков и подьячих, бояре в него не входили. Тайный приказ был призван объединить в руках царя все нити контроля за государственным управлением. Однако вскоре после смерти царя Алексея Тайный приказ был закрыт.

Распространение взяточничества и казнокрадства подрывало доверие к властям, принципам государственного управления, вызывало социальные потрясения, недаром XVII в. вошел в российскую историю как «бунташный». Высокопоставленных должностных лиц, замеченных в лихоимстве, жестоко казнили, что являлось хорошим уроком для других коррупционеров, хотя взяточничество и не прекратилось.

Взяточничество серьезно осуждалось и в Соборном уложении 1649 г., которое действовало более двух веков. Коррупционное поведение лиц, состоявших на государевой службе, в российских правовых документах получило официальное наименование — «лихоимство». Соборное уложение 1649 г. предписывало чинить жестокие наказания для бояр и воевод, берущих «посулы»; также устанавливалась защита от ложных доносов во взяточничестве и уголовная ответственность за оговор должностных лиц. Особое внимание в Соборном уложении уделялось предупреждению и искоренению взяточничества в судах. Так, определенные меры принимались для предупреждения заинтересованности служащего или судьи и обеспечения объективности рассмотрения дел. Стороны в судебном процессе получили право требовать отвода судьи, если имели место дружба, вражда или родственные связи с одной из сторон. Соборное уложение предусматривало и многочисленные наказания за коррупционные преступления: подлог при переписке судебного дела, утайка пошлин при регистрации дел, притеснение населения. Впрочем, и преувеличивать значение Соборного уложения 1649 г. как законодательного акта, оказавшего серьезное влияние на изменение криминогенной ситуации в стране, не стоит. Профессор Ришельевского лицея В. А. Линовский отмечал, что Уложение «не составляет эпохи в истории русского уголовного судопроизводства» [3, с. 15].

Принимаемые законодательные меры не привели к существенному ограничению коррупции. В Русском государстве по-прежнему бытовало мнение о том, что легче служащего накормить за счет народа, чем за счет государственной казны [4, с. 21].

Заключение

К концу XVII в. в России сложилась ситуация, которая крайне негативно

сказывалась на проявлениях коррупции в государственном аппарате. Традиции

кормления искоренить так и не удалось, а с ростом управленческого аппарата коррупционные действия приобрели всеобъемлющий характер вследствие несовершенства системы управления, боязни обновления, поверхностности реформ, традиционализма феодальной системы общественных отношений.

Период с середины XVI в. до конца XVII в. можно определить как время первоначального формирования анти-

коррупционного законодательства; тогда власть относительно серьезно осознает негативность коррупционных деяний.

После этого, с XVIII в. по настоящее время, коррупция воспринимается в российском обществе и закрепляется в законодательстве как однозначно негативное явление, препятствующее эффективному функционированию государственного аппарата [5, с. 41].

Библиографический список

1. Косарев С. Ю., Суслин Э. В. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2016. 188 с.

2. Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). Санкт-Петербург: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1884. 248 с.

3. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса: тип. Л. Нитче, 1849. 262 с.

4. Правовое регулирование противодействия коррупции. Антикоррупционное просвещение / С. Ю. Косарев, Д. А. Мохоров, А. А. Медведева [и др.]. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 350 с.

5. Сергеев К. О. Предпосылки формирования антикоррупционной политики и законодательства в Киевской Руси и Московском государстве (IX–XVII вв.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 3 (16). С. 41–45.

References

1. Kosarev S. Yu., Suslin E. V. *Legal Foundations of Anti-corruption: a textbook*. St. Petersburg: NEI SUA, 2016. 188 p. (In Russ.)

2. Lange N. I. *Ancient Russian Criminal Proceedings*. St. Petersburg: Printing and chromolithography A. Tranchel, 1884. 248 p. (In Russ.)

3. Linovsky V. *Experience of Historical Searches on Investigative Criminal Proceedings in Russia*. Odessa: Printing house L. Nitsche, 1849. 262 p. (In Russ.)

4. Kosarev S. Yu., Mokhorov D. A., Medvedeva A. A., Tretyakov I. L., Chelysheva O. V. *Legal Regu-*

lation of Anti-corruption. Anti-corruption Education (monograph). Institute for Advanced Research and Expertise. Ed. 2nd, revised. and add. St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions, 2024. 350 p. (In Russ.)

5. Sergeev K. O. Prerequisites for the Formation of Anti-corruption Policy and Legislation in Kievan Rus and the Moscow State (IX–XVII Centuries). *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2015, no. 3 (16), pp. 41–45. (In Russ.)

Актуальные вопросы правового регулирования добровольческих формирований территориальной обороны в странах СНГ

Хоршева Ю. О.¹

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Actual Issues of Legal Regulation of Voluntary Territorial Defense Forms in the CIS Countries

Khorsheva Yu. O.¹

¹ North-West Branch of the Russian State University of Justice Named After V. M. Lebedev, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. В статье кратко анализируются актуальные вопросы, связанные с включением в состав сил территориальной обороны добровольческих формирований (в контексте подготовки проекта модельного закона «О территориальной обороне»). Рассматриваются проблемы, затронутые участниками семинара по вопросам подготовки проекта модельного закона «О территориальной обороне», проведенного 13 марта 2025 г., а именно: использование терминов «добровольческие формирования», «территориальные формирования самообороны»; вооруженный характер таких формирований; возможность включения в состав формирований иностранных граждан; закрепление добровольцев по месту работы или постоянного проживания; определение статуса, прав и обязанностей добровольцев в составе сил территориальной обороны; разграничение территориальной самообороны и иных добровольческих формирований и др. Проводится краткий сравнительный анализ существующих норм, регулирующих вопросы формирования территориальной обороны и возможности включения в ее состав добровольческих формирований, на примере некоторых государств СНГ (Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан). Делаются промежуточные выводы о вариативности регулирования вопроса включения добровольческих формирований в состав сил территориальной обороны. Предлагаются пути совершенствования подготовленной редакции проекта модельного закона «О территориальной обороне».

Ключевые слова: территориальная оборона, проект модельного закона, добровольческие формирования, территориальные формирования самообороны, добровольцы.

Abstract. The article provides a brief analysis of current issues related to the inclusion of volunteer formations in the territorial defense forces (in the context of the preparation of the draft model law "On territorial defense"). The article considers the problems raised by the participants of the seminar on the preparation of the draft model law "On territorial defense", held on March 13, 2025, namely: the use of the terms "volunteer formations", "territorial self-defense formations"; the armed nature of such formations; the possibility of including foreign citizens in the formations; assigning volunteers to their place of work or permanent residence; determining the status, rights and responsibilities of volunteers in the territorial defense forces; distinguishing territorial self-defense from other volunteer formations, etc. The author provides a brief comparative analysis of the existing rules governing

the formation of territorial defense and the possibility of including volunteer formations in it, using the example of some CIS member states (the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan). Interim conclusions are made on the variability of regulation of the issue of inclusion of volunteer formations in the territorial defense forces. Ways of improving the existing version of the draft model law "On territorial defense" are proposed.

Keywords: territorial defense, draft model law, volunteer formations, territorial self-defense formations, volunteers.

Об авторе:

Хоршева Юлия Олеговна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, uhorseva@mail.szfrgup.ru

About the author:

Khorsheva Yuliia Olegovna — PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice Named After V. M. Lebedev, uhorseva@mail.szfrgup.ru

Материал поступил в редакцию 17.11.2025, принят к публикации 17.12.2025
Article received by the editorial office on 17.11.2025, accepted for publication on 17.12.2025

Статья подготовлена с использованием результатов исследований, проведенных рабочей группой кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Э. Х. Грипп, Е. Ю. Липская, Ю. Х. Яхина, Р. В. Терентьев, Ю. О. Хоршева, А. А. Фомин) по заданию Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств.

Введение

Вопросы правового регулирования территориальной обороны в целом, а также отдельные аспекты данного регулирования являются актуальными для обеспечения режима военного положения. На сегодняшний день существует ряд заблуждений, связанных с бытовым пониманием термина «территориальная оборона» [1, с. 917], а также с характеристикой статуса добровольческих формирований, которые могут входить в состав сил территориальной обороны. Необходимо отметить, что на пространстве СНГ только в Республике Казахстан принят закон, посвященный правовому регулированию территориальной обороны. Данные обстоятельства обуславливают необходимость законодательного

укрепления четких разграничений таких понятий, как «территориальные формирования самообороны», «добровольческие формирования» и др.

Шагом на пути появления системы норм может стать модельный закон «О территориальной обороне», разработка проекта которого осуществлена Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева в соответствии с Перспективным планом модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2023–2025 годы. Важным аспектом разработки проекта модельного закона стало определение статуса и места в системе сил территориальной обороны добровольческих

формирований. Рассматриваемая проблематика была затронута в рамках состоявшегося 13 марта 2025 г. научного семинара, организованного Секретариатом Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ и посвященного перспективам правового регулирования территориальной обороны. Проведенное нами исследование учитывает предложения и замечания к проекту модельного закона «О территориальной

обороне», поступившие из парламентов государств — участников Межпарламентской Ассамблеи и обсуждавшиеся на заседаниях Постоянной комиссии МПА СНГ по вопросам обороны и безопасности. Постановлением указанной комиссии от 9 октября 2025 г. одобренный в целом проект модельного закона «О территориальной обороне» был направлен в Совет МПА СНГ для вынесения на пленарное заседание¹.

При разработке проекта модельного закона «О территориальной обороне» следовало учитывать, что модельное законодательство в основе своей имеет целью сближение и совершенствование национального законодательства государств — участников СНГ. Именно поэтому разработанные проекты должны учитывать исторические факты, этноконфессиональные традиции, обычаи, явления и соответствующие им особенности функционирования институтов и учреждений [2, с. 92]. Следует также принимать во внимание имеющуюся систему правового регулирования моделируемых отношений в государствах-участниках.

Кроме того, модельный закон должен учитывать правоприменительную практику, в том числе в Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации в 2022 г. на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей было введено военное положение и фактически установлено ведение территориальной обороны с созданием соответствующих штабов. В то же время на территориях Белгородской, Брянской, Курской областей осуществляются полномочия по проведению отдельных мероприятий территориальной обороны [3, с. 307].

Не вызывает сомнения тот факт, что добровольческие формирования самообороны могут стать составляющей частью сил территориальной обороны. Так, на-

пример, в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (пункт 23 части 1 статьи 14) к вопросам местного значения городских и сельских поселений относятся организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне.

Специфика организации территориальной обороны состоит в том, что в мероприятиях территориальной обороны задействованы органы и военного, и гражданского управления, а также представители организаций и учреждений. Законом Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 287-3 «О народном ополчении» предусматривается добровольное участие лиц в обеспечении военного положения на территории республики, которое призвано стать неким резервом для территориальной обороны. При этом вопрос о разграничении полномочий сил гражданской обороны, территориальной обороны и народного ополчения остается открытым [4]. Наличие в Республике Беларусь отдельного законодательного акта, направленного на регулирование формирования народного ополчения, ставит вопрос о необходимости соотношения норм, регламентирующих территориальную оборону и устанавливающих статус территориальных войск, с нормами, регламентирующими деятельность народного ополчения, функции которого

¹ Модельный закон «О территориальной обороне» был принят на пятьдесят девятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств постановлением № 59-14 от 14 ноября 2025 г.

во многом связаны с реализацией задач территориальной обороны. Аналогичную проблему можно выявить и в правовом регулировании статуса добровольческих формирований, предусмотренных статьей 22.1 Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [5].

Таким образом, рассматривая вопрос территориальных формирований самообороны (в составе территориальной обороны), необходимо максимально четко разграничить добровольцев территориальной обороны и иные добровольческие формирования.

В проекте модельного закона «О территориальной обороне» территориальные формирования самообороны — это вооруженные формирования, создаваемые из числа физических лиц, изъявивших желание принять участие в обеспечении военного положения на территории административно-территориальной единицы, на которой они постоянно или преимущественно проживают либо работают (добровольцы), отобранные в качестве кандидатов в добровольцы и зачисленные в состав территориальных формирований самообороны в порядке и на условиях, установленных данным законом и иными правовыми актами.

При этом в качестве основных признаков таких формирований можно выделить следующие:

- вооруженный характер формирований;
- добровольный характер участия;
- участниками являются физические лица (в том числе ими могут быть иностранные граждане, постоянно проживающие на территории государства, если иное не предусмотрено национальным законодательством);
- прикрепление по месту постоянного проживания либо работы.

Территориальные формирования самообороны действуют в период военного положения, что отличает их, например, от нештатных формирований гражданской обороны, которые могут действовать в период чрезвычайной ситуации природ-

ного или техногенного характера. Однако остаются вопросы, связанные с порядком формирования самообороны в составе территориальной обороны, а также со статусом таких участников.

Формирование самообороны основывается на принципе добровольности. Данный подход сходен с принципом формирования народного ополчения в Республике Беларусь [6], однако отличается тем, что входящие в состав территориальных формирований лица приравниваются по своему статусу к лицам, проходящим военную службу по мобилизации, а потому призыв на них распространяться не будет, в отличие от формирований народного ополчения. Лица, зачисленные в состав территориальных формирований самообороны, располагаются по месту своего постоянного или преимущественного проживания либо по месту работы. Добровольцы народного ополчения Республики Беларусь имеют закрепление по месту жительства.

Возникает немало споров и относительно формулировки «территориальные формирования самообороны». Во-первых, термин «самооборона» активно используется в международном праве (например, статья 51 Устава ООН закрепляет индивидуальное и коллективное право на самооборону государств-участников [7]). Во-вторых, национальное законодательство использует термин «необходимая оборона» (например, статья 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь [8], статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [9]), которая в быту очень часто называется самообороной. С этой точки зрения одной из формулировок может быть «добровольческие формирования территориальной обороны». Тем не менее «формирования самообороны» уже известный термин в рамках национального законодательства стран СНГ.

Следует также отметить дискуссионный характер положения о возможности участия в добровольческих формированиях территориальной обороны иностранных граждан, постоянно проживающих на территории государства.

Данный пункт однозначно должен иметь вариативность. Так, например, Закон Республики Беларусь «О народном ополчении» определяет основы реализации гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно проживающими на территории республики, права на добровольное участие в обеспечении военного положения на территории Республики Беларусь. В то же время национальным законодательством может быть ограничена возможность участия иностранцев и лиц без гражданства в добровольческих формированиях территориальной обороны. Например, Законом Республики Казахстан «О территориальной обороне Республики Казахстан» от 30 июня 2025 г. № 201-VIII ЗРК в статье 1 определено, что «доброволец — гражданин Республики Казахстан, зачисленный на добровольной основе в формирование самообороны, за исключением случаев, установленных законами Республики Казахстан» [10]. В связи с этим важным является указание на возможность участия постоянно проживающих на территории государства иностранных граждан и лиц без гражданства в территориальной обороне, если иное не предусмотрено национальным законодательством, что позволяет объединить в одной норме проекта модельного закона существу-

ющее регулирование данного вопроса в разных государствах.

В проекте предложено определение добровольческих формирований территориальной обороны как вооруженных формирований, что также вызывает дискуссию относительно пределов использования вооружения. С одной стороны, если проводить аналогию добровольческих формирований территориальной обороны с народным ополчением в Республике Беларусь, то в статье 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 287-3 прямо указано, что отряды народного ополчения являются вооруженными формированиями. С другой стороны, не все задачи территориальных формирований самообороны могут быть связаны с защитой (как, например, осуществление содействия в эвакуации населения). Однако любые мероприятия, осуществляемые добровольцами территориальной обороны, могут быть сопряжены с необходимостью применения оружия, даже в процессе эвакуации населения для его защиты. В то же время, учитывая рамочный характер проекта модельного закона, нецелесообразно предусматривать в нем конкретные правила, связанные с вооружением добровольческих формирований, данный вопрос должен регламентироваться специальными нормативными правовыми актами.

Заключение

В результате проведенного анализа можно предложить следующий подход к правовому регулированию добровольческих формирований в составе территориальной обороны.

Во-первых, характер участия этих формирований должен быть добровольным. Такой подход роднит добровольческие формирования территориальной обороны с народным ополчением Республики Беларусь. Тем не менее в рамках нашего предложения зачисление добровольцем в состав территориальной обороны может являться основанием для

освобождения от призыва на военную службу по мобилизации. В данном случае такой подход разграничивает статус добровольца территориальной обороны и участников нештатных формирований гражданской обороны, например.

Во-вторых, закрепление добровольцев по территориальному принципу может происходить не только по месту их постоянного или преимущественного проживания, но и по месту работы, что может быть более логичным, если доброволец, например, работает на предприятии ОПК. Данный подход тоже разграничивает до-

бровольцев территориальной обороны и участников нештатных формирований гражданской обороны (которые осуществляют деятельность по месту своего трудоустройства), а также и народное ополчение, где закрепление происходит по месту постоянного проживания.

В-третьих, у добровольцев территориальной обороны — подведомственность территориальной обороне, в то время как нештатные формирования гражданской обороны относятся к силам гражданской обороны, а общее руководство народным ополчением осуществляется местным советом обороны.

В-четвертых, для возможного регулирования пересечений статусов и полномочий различных добровольческих формирований рациональным

представляется сформулировать условия о возможности включения в состав сил территориальной обороны иных добровольцев (например, при необходимости в состав территориальной обороны могут быть включены подразделения народного ополчения).

Итак, положения о добровольческих формированиях территориальной обороны должны учитывать как национальное законодательство (в том числе существующие нормы, регулирующие деятельность и устанавливающие статус добровольцев в составе сил территориальной обороны), так и терминологию международного права, а кроме того, фактические обстоятельства. Эти факторы должны быть максимально «сближены» в проекте модельного закона.

Библиографический список

1. Терентьев Р. В. Перспективы правового регулирования территориальной обороны // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 21 марта 2025 г.). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 916–920. EDN EBZZHT.

2. Подкорытова О. В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3 (49). С. 91–102. DOI 10.22394/2073-2929-2024-03-91-102. EDN WKWYCI.

3. Корниленко А. В. Территориальная оборона Российской Федерации: современное состояние и отдельные аспекты участия в ней органов внутренних дел // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: Сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции (Иркутск, 17–18 октября 2024 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. С. 306–310. EDN HVUZPI.

4. Терентьев Р. В., Хоршева Ю. О. Особенности правового регулирования территориальной обороны в Республике Беларусь // Образование и право. 2024. № 6. С. 155–159. DOI 10.24412/2076-1503-2024-6-155-159. EDN GEKGNС.

5. Об обороне: Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 22.07.2025).

6. О народном ополчении: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 287-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300287> (дата обращения: 21.07.2025).

7. Устав ООН // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 28.07.2025).

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 28.07.2025).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Справочно-

правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/77b14e07f04f185ae49db939c7d69b30b92f7715/ (дата обращения: 28.07.2025).

10. О территориальной обороне Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от

30 июня 2025 г. № 201-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000201#z341> (дата обращения: 29.07.2025).

References

1. Terentyev R. V. Prospects for the Legal Regulation of Territorial Defense. *Actual Problems of Administrative and Administrative Procedure Law (Sorokin Readings): Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference* (St. Petersburg, March 21, 2025). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. Pp. 916–920. EDN EBZZHT. (In Russ.)

2. Podkorytova O. V. The Phenomenon of Model Legislative Acts of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in the Judicial Decisions of the Russian Federation. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2024, vol. 18, no. 3 (49), pp. 91–102. DOI 10.22394/2073-2929-2024-03-91-102. EDN WKWYCI. (In Russ.)

3. Kornilenko A. V. Territorial Defense of the Russian Federation: Current State and Certain Aspects of the Internal Affairs Bodies' Participation. *Improving the Professional and Physical Training of Cadets, Students of Educational Organizations, and Employees of Law Enforcement Agencies: Collection of Materials from the XXVI International Scientific and Practical Conference* (Irkutsk, October 17–18, 2024). Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. Pp. 306–310. EDN HVUZPI. (In Russ.)

4. Terentyev R. V. Features of Legal Regulation of Territorial Defense in the Republic of Belarus. *Education and Law*, 2024, no. 6, pp. 155–159. DOI 10.24412/2076-1503-2024-6-155-159. EDN GEKGN. (In Russ.)

5. Federal Law «On Defense», May 31, 1996, no. 61-FZ. SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (Accessed: 22.07.2025). (In Russ.)

6. The Law of the Republic of Belarus «On the People's Militia», July 17, 2023, no. 287-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300287> (Accessed: 07.21.2025). (In Russ.)

7. The UN Charter. *UN website*. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (Accessed: 07.28.2025). (In Russ.)

8. Criminal Code of the Republic of Belarus, September 07, 1999, no. 275-Z. *National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus*. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (Accessed: 07.28.2025). (In Russ.)

9. Criminal Code of the Russian Federation, June 13, 1996, no. 63-FZ. SPS *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/77b14e07f04f185ae49db-939c7d69b30b92f7715/ (Accessed: 28.07.2025). (In Russ.)

10. Law of the Republic of Kazakhstan «On the Territorial Defense of the Republic of Kazakhstan», June 30, 2025, no. 201-VIII ZRK. *Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan website*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000201#z341> (Accessed: 29.07.2025). (In Russ.)

Лингвистический и алгоритмический империализм. Судьба русского языка в эпоху искусственного интеллекта

Агарков М. В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Linguistic and Algorithmic Imperialism. The Fate of the Russian Language in the Era of Artificial Intelligence

Agarkov M. V.¹

¹ Saint Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматривается развитие научного направления «Экономика языка», его эволюция от идей В. фон Гумбольдта и гипотезы Сепира—Уорфа до современных исследований в области лингвистической экономики. Особое внимание уделяется взаимосвязи между языком, культурой и экономическими процессами в контексте глобализации и цифровой трансформации. Показано, что после установления Pax Americana английский язык приобрел статус гиперцентрального, выполняя не только коммуникативную, но и идеологическую функцию, что позволило говорить о феномене «лингвистического империализма». В XXI в. распространение искусственного интеллекта формирует новую форму «алгоритмического империализма», при котором национальные модели ИИ становятся носителями культурных и языковых кодов. На основе эконометрического анализа данных за 2014–2025 гг. показано, что уровень цифровизации (доля интернет-пользователей) положительно влияет на распространенность русского языка в Интернете, тогда как рост числа публикаций по ИИ в англоязычных журналах коррелирует с его снижением. Сделан вывод, что искусственный интеллект становится новым измерением мягкой силы, где культурная идентичность и язык играют не меньшую роль, чем технологическое превосходство.

Ключевые слова: экономика языка, мягкая сила, лингвистический империализм, искусственный интеллект, цифровизация, русский язык.

Abstract. The article explores the development of the scientific field known as the “Economics of Language” and its evolution from the ideas of Alexander von Humboldt and the Sapir–Whorf hypothesis to modern research in linguistic economics. Special attention is paid to the interconnection between language, culture, and economic processes in the context of globalization and digital transformation. It is shown that after the establishment of Pax Americana, the English language acquired a hypercentral status, performing not only a communicative but also an ideological function, thus giving rise to the phenomenon of “linguistic imperialism”. In the 21st century, the spread of artificial intelligence is forming a new type of “algorithmic imperialism”, in which national AI models become carriers of cultural and linguistic codes. Based on an econometric analysis of data from 2014–2025, it is demonstrated that the level of digitalization (the share of internet users) positively affects the presence

of the Russian language on the internet, whereas the increase in the number of AI-related publications in English-language journals correlates with its decline. The study concludes that artificial intelligence represents a new dimension of soft power, where cultural identity and language play a role as significant as technological superiority.

Keywords: economics of language, soft power, linguistic imperialism, artificial intelligence, digitalization, Russian language.

Об авторе:

Агарков Марк Валерьевич — студент, 3 курс, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, markagarkov@mail.ru

About the author:

Agarkov Mark Valeryevich — student, 3rd year, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation, markagarkov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30.10.2025, принят к публикации 18.12.2025.

Article received by the editorial office on 30.10.2025, accepted for publication on 18.12.2025.

Первопроходцем и одним из родоначальников научного направления «Экономика языка» принято считать американского экономиста Дж. Маршака, автора работы «Economics of Language» [1, с. 135–140]. Тем не менее эмбриональные зачатки данного направления можно найти еще в работах немецкого философа и лингвиста В. фон Гумбольдта [2], апологета коммунизма К. Маркса и британского экономиста Дж. С. Милля [3]. Идеи Гумбольдта в итоге эволюционировали в гипотезу Сепира — Уорфа: язык и культура связаны, язык определяет стиль нашего поведения и манеру принятия решений [4]. Оппонирующей же идеей стали размышления Н. Хомски о том, что различия между языками поверхностны, а фундаментальные структуры мышления едины для всех людей, независимо от их культуры. Антагонизм между двумя течениями сохраняется до сих пор [5].

На сегодняшний день создан научный фундамент лингвистической экономики. Среди основных направлений исследования экономики языка выделяют три: язык и его влияние на социально-экономический статус человека; экономический анализ развития языка; экономический подход в языковой политике [6, с. 63–64]. Определенную

известность в данной сфере получили такие ученые, как Ф. Грин, Ф. Вайанкур, А. Бретон, Дж. Гринберг и другие. Популярны работы ученых из смежных областей, в частности Т. Скутнабб-Кангас и Ф. ван Парейса. Среди русскоязычных специалистов углубленно данной проблематикой занимаются Ш. Вебер, Д. Давыдов и В. Гинзбург.

После крушения СССР в мире был окончательно сформирован новый однополярный геополитический порядок — *Rex Americana*, «мир по-американски». По Ф. Фукуяме, «наступил конец истории» [7]. Английский язык как доминирующий язык в США занял роль гиперцентрального языка. Остальные языки были низведены до более скромных ролей: суперцентральные языки (русский, испанский, французский), центральные языки (финский, венгерский, чешский) и периферийные языки (квебекский, провансальский, татарский) [8].

Согласно плану разведывательной сети «Эшелон», созданному англоговорящими странами в 1947 г. [9, с. 34], английский язык должен был стать доминирующим во всех сферах жизни, выполняя коннотативные, денотативные, идеологические, политические и другие функции. В секретном отчете англо-американской конференции по преподаванию англий-

ского языка 1961 г. отражена стратегия распространения английского языка: «Английский должен стать доминирующим языком, заменяющим все другие и их видение мира» [9, с. 34]. Российский экономист и философ В. П. Пугачев называет эту стратегию панлингвальной агрессией и лингвистическим манипулированием [10, с. 92–93].

Английский язык занимает абсолютно доминирующее положение в большинстве расчетов. Нидерландский социолог А. де Сваан вывел формулу коммуникационного потенциала [11, с. 56–76], или возможность встретить в констелляции или субконстелляции S человека, говорящего на языке i :

$$Q_i = p_i \times c_i = \left(\frac{P_i}{N^S} \right) \times \left(\frac{C_i}{M^S} \right),$$

где p_i , или распространенность (prevalence) языка, вычисляется делением количества говорящих на языке i (p_i) на всех людей в констелляции S (N^S); центральность (centrality) языка c_i вычисляется делением количества мультилингвальных людей, говорящих на языке i (C_i), на общее количество мультилингвальных людей в констелляции S (M^S). Результаты вычисленных [12] Q -значений показали, что хотя некоторые языки, например немецкий, чаще встречались как родные у людей в Европе, английский язык занимал первые места с большим отрывом из-за большого количества мультилингвальных людей, то есть людей, выучивших этот язык или являющихся мультилингвами с рождения.

Английский язык доминирует и в субнаучном мире. Википедия, которую называют главной энциклопедией мира, представляет собой зеркало развития языков. На ее примере А. Б. Рахманов с помощью эмпирического исследования лингвистического империализма показывает абсолютный отрыв английского языка во всех трех категориях: количестве статей, качестве средней статьи и среднесуточном приросте информации в статьях. Например, по качеству статей в Википедии английский язык превос-

ходил своего ближайшего соперника испанский язык почти в четыре раза [13, с. 191–192].

Еще более наглядным стало превосходство английского языка в области книгоиздания. ЮНЕСКО ведет статистику количества названий книг, издаваемых ежегодно в разных странах. Так, Великобритания лидирует в списке стран, представляющих наибольшее число наименований книг [9, с. 33].

Отношение ученых к такому повальному распространению английского языка разнится. Так, один из родоначальников теории «лингвистического империализма» Р. Филлипсон глубоко и разносторонне критикует политику распространения английского языка в постколониальных государствах, а также в качестве международного языка в других странах мира [14, с. 52–53]. Т. Скотнабб-Кангас называет английский язык «убийцей языков» (language killer) [15]. Швейцарский экономист Ф. Грин отмечает, что, по его расчетам, выбор искусственно созданного эсперанто в качестве языка межнационального общения в ЕС вместо английского сэкономил бы около 25 млрд евро ежегодно [16]. Кроме того, нельзя забывать и о «конфликтотенной» природе английского языка: пытаясь аннигилировать все возможные каналы распространения других языков и их идеологических постсмыслов и метанарративов, он также постепенно вытесняет и нивелирует использование русского языка в постсоветских республиках.

Есть и противоположное мнение. Например, бельгийский политический экономист и философ Ф. ван Парейс считает, что за счет своей «иллокутивности» английский язык облегчает межнациональное общение, а неравенство между носителями и неносителями языка может быть экономически компенсировано с помощью различных дотаций, субсидий на изучение английского языка, и, как итог, распространение английского может быть инкорпорировано в теорию «лингвистической справедливости» [17].

В экономическом и политическом плане XXI в. характеризуется в первую очередь форсированной глобализацией. Тем не менее, говоря о глобализации, мы должны упомянуть, что «настоящая волна глобализации лучше всего воспринимается как развитие внутри уже проходящей глобализации» [18, с. 366–367]. Глобализация как социологический феномен в числе прочего ассоциируется с постепенной пенетрацией языков и последующим появлением международного языка.

Lingua franca существовал всегда, в разное время такую роль выполняли греческий и латынь в античном мире; арабский; снова латынь как научный язык в Средние века и эпоху Возрождения в Европе; французский язык как дипломатический; немецкий как язык для науки [3]. Нужно отметить, что в предшествующее время они служили как узкоспециализированные инструменты коммуникации или использовались в основном элитой этих стран.

Новым параметром процесса глобализации является то, что знание более чем одного языка или их использование для общения с разными партнерами и в разных функциях стало повседневной практикой большинства членов языковых сообществ внутри их собственных стран [19]. Роль главного международного языка, конечно, сейчас выполняет английский язык.

Появление искусственного интеллекта ознаменовало новую главу в развитии человечества. Он изменяет все сферы нашей жизни: от бытовой до государственной. Интеллектуальные, языковые, даже физические барьеры между людьми стираются. Созданная корпорацией Apple функция «Live Translation» (также основанная на искусственном интеллекте) позволяет переводить живую речь в реальном времени [20]. Перефразируя слова Х. Маккиндера, можно сделать вывод: кто управляет искусственным интеллектом, тот управляет миром.

Китай — мировой лидер по количеству научных публикаций в области ИИ: 23,2% всех публикаций и 22,6%

цитирований в 2023 г. (для сравнения: США — 9,2%, Европа — 15,2%). По числу высокоцитируемых работ Китай стабильно занимает второе место после США [21]. Не менее впечатляющим является лидерство Китая в сфере патентования технологий искусственного интеллекта. По данным CSET, на долю КНР приходится около 70% всех мировых ИИ-патентов, что значительно превышает показатели США, Японии и Европейского союза. Если в 2010 г. китайские исследователи и компании подали менее четырех тысяч заявок, то к 2023 г. их число превысило 120 тысяч. Крупнейшими держателями патентов выступают технологические гиганты Baidu, Tencent, Huawei, Alibaba и Ping An, а также университеты и государственные научные центры. Китай выстраивает собственную цивилизационную модель искусственного интеллекта, в которой ИИ рассматривается не только как технологический инструмент, но и как элемент государственного суверенитета и глобальной мягкой силы [22].

Медиаконтагиозность искусственного интеллекта — способность распространять встроенные в него культурные коды — ведет к постепенному формированию новых цифровых и языковых иерархий. Если в XX в. «языковой империализм» проявлялся через экспансию английского языка и медиа, то в XXI в. он приобретает форму «алгоритмического империализма», когда национальные ИИ-модели начинают определять, какие смыслы, слова и языки становятся «по умолчанию» глобальными. «Языковое замещение» может привести к китаеязычному лингвистическому порядку.

В связи с этим вопрос о месте русского языка и российской культурной модели в эпоху искусственного интеллекта становится особенно актуальным. Для эмпирической проверки взаимосвязи между развитием искусственного интеллекта и динамикой языковой мягкой силы России была построена эконометрическая модель на основе метода наименьших квадратов (OLS). В качестве зависимой переменной выступает доля

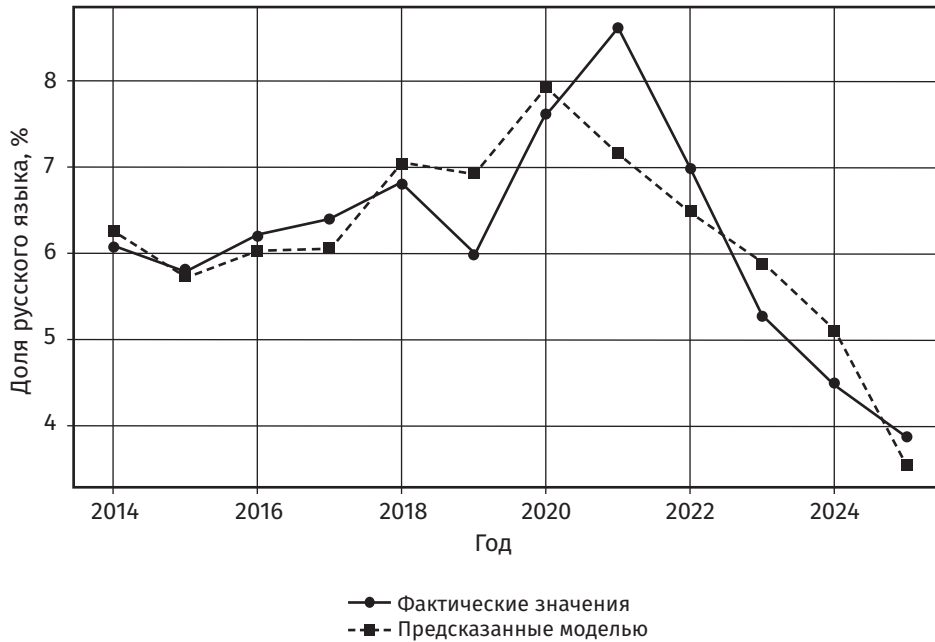

Рис. 1. График фактических и предсказанных значений доли русского языка в Интернете*

сайтов, использующих русский язык (*usage*) — индикатор языковой мягкой силы, на основе базы данных научно-популярного портала W3Techs [23]. Независимыми переменными выбраны: количество публикаций российских авторов по искусственному интеллекту в англоязычных научных журналах (*publications*) [24]; количество патентов, связанных с ИИ, зарегистрированных в России или с российским приоритетом (*patents*) [25, 26]; доля пользователей Интернета в общей численности населения (*Internet*) [27]; валовой внутренний продукт на душу населения в долларах США (*GDP*) [28]. Анализ охватывает период 2014–2025 гг., что позволяет отследить динамику цифровой и научной активности России после начала активного развития национальной программы по искусственному интеллекту (2019 г.), государственной программы модернизации науки и проекта 5–100 в контексте глобальных изменений в структуре интернет-контента:

$$Usage = \beta_0 + \beta_1 Publications_t + \beta_2 Patents_t + \beta_3 Internet_t + \beta_4 GDP_t + \varepsilon_t,$$

где t — год; ε_t — случайная ошибка.

Полученные результаты свидетельствуют, что доля русского языка в Интернете в значительной степени определяется уровнем цифровизации и интенсивностью научно-технологического развития страны. Коэффициент детерминации модели ($R^2 = 0,758$) показывает, что модель в целом достаточно точно воспроизводит реальную траекторию изменения показателя, почти 76% изменений в показателе использования русского языка на веб-сайтах объясняются включенными переменными. Пик наблюдается в 2020 г., когда доля русского языка достигла максимальных значений (около 7,6%), после чего начался устойчивый спад до уровня ниже 4% к 2025 г. (см. рис. 1). Расхождения между фактическими и расчетными значениями незначительны и носят синхронный характер, что

* Расчеты автора.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа влияния показателей развития искусственного интеллекта на долю русского языка в Интернете (OLS-модель, 2014–2025 гг.)*

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Константа	-21,26	9,01	-2,36	0,05
Публикации по ИИ	-0,0044	0,001	-3,14	0,016
Патенты по ИИ	-0,0513	0,038	-1,37	0,214
Пользователи Интернета	0,4528	0,138	3,29	0,013
ВВП на душу населения	-0,00007	0,000	-0,5	0,632

* Расчеты автора.

говорит о корректной идентификации влияющих факторов. Модель подтверждает общий тренд сокращения русскоязычного сегмента Сети при сохранении высокой предсказательной способности.

Наиболее значимыми переменными оказались уровень интернет-пользования и число научных публикаций по ИИ (см. табл. 1). Коэффициент при переменной *Internet* положителен ($\beta = 0,4528$, $p = 0,013$), что означает: рост доли пользователей Сети на 1% сопровождается увеличением доли русского языка в Интернете примерно на 0,45 процентного пункта. Данный результат подтверждает гипотезу о том, что расширение цифровой инфраструктуры и вовлечение населения в интернет-среду усиливают культурное и языковое присутствие России в глобальном медиапространстве.

Напротив, коэффициент при переменной *publications* имеет отрицательное значение ($\beta = -0,0044$, $p = 0,016$), что может указывать на временной лаг между ростом академической активности и ее влиянием на языковое пространство. Иными словами, увеличение числа научных исследований по ИИ пока не приводит напрямую к росту русскоязычного контента, а возможно, даже сопровождается «утечкой смыслов» в англоязычные каналы научной коммуникации. Это отражает структурную асимметрию глобального знания, где

язык науки по-прежнему определяется англосаксонскими стандартами.

Влияние таких переменных, как патенты по ИИ ($\beta = -0,0513$, $p = 0,214$) и ВВП на душу населения ($\beta = -0,00007$, $p = 0,632$), оказалось статистически незначимым. Это позволяет предположить, что экономический рост и формальное закрепление технологических разработок в виде патентов пока не сказываются напрямую на культурном присутствии России в Интернете.

Таким образом, ключевым фактором укрепления языковой мягкой силы выступает не столько объем научно-технического производства, сколько способность интегрировать результаты ИИ-разработок в массовую цифровую среду и систему повседневной коммуникации. С учетом этих результатов можно утверждать, что, с одной стороны, ИИ ускоряет глобализацию смыслов и способствует распространению английского или китайского языков как доминирующих носителей технологическо-культурных кодов, а с другой — при целенаправленной национальной политике в области цифровизации и искусственного интеллекта Россия способна превратить собственные ИИ-разработки, платформы и языковые модели в инструмент культурного присутствия, укрепляя русскоязычное пространство как часть глобальной Сети. Иными словами, искус-

ственный интеллект становится новым измерением мягкой силы, в котором решающую роль играет не только техно-

логическое лидерство, но и способность наделять технологии смыслом, языком и культурной идентичностью.

Библиографический список

1. *Marschak J.* Economics of Language // Behavioral Science. 1965, no. 2, pp. 135–140.
2. *Von Humboldt W.* On Language: The Diversity of Human Language—Structure and Its Influence on the Mental Development of Mankind. Cambridge: Cambridge University Press, 1988 [1836].
3. *Ginsburgh V., Weber S.* The Economics of Language // Journal of Economic Literature, 2020, vol. 58, no. 2.
4. *Whorf B. L.* Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.
5. *Chomsky N.* The Logical Structure of Linguistic Theory. New York: Plenum Press, 1975.
6. *Замуруева Н. А., Лепешкина Г. Г.* Экономика языка: история и направления исследований // Форпост науки. 2023. № 1 (63) С. 62–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.36683/2076-5347-2023-1-63-62-66>.
7. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.
8. *De Swaan A.* Words of the World: The Global Language System. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity / Blackwell, 2001.
9. *Марусенко М. А.* Внешний языковой империализм США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 6. С. 31–44.
10. *Пугачев В. П.* Язык как инструмент глобальной лингвистической агрессии и мирового господства // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). 2018. № 2. С. 90–112.
11. *De Swaan A.* Language Systems // The Handbook of Language and Globalization. Willey-Blackwell, 2010. P. 56–76.
12. *De Swaan A.* The Language Predicament of the EU since the Enlargements // Sociolinguistica: International Yearbook of European Sociolinguistics. 2007. Vol. 21. Pp. 1–21.
13. *Рахманов А. Б.* Лингвистический империализм, лингвистический субимпериализм и их необходимость: Россия и Испания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 188–207.
14. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.
15. *Skutnabb-Kangas T.* Linguistic Genocide in Education or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2000.
16. *Grin F.* L'enseignement des langues étrangères comme politique publique. Rapport établi à la demande du Haut Conseil de l'Évaluation de l'École, № 19. Paris: Haut Conseil de l'Évaluation de l'École, 2005.
17. *Van Parijs P.* Linguistic Justice for Europe and for the World. Oxford: Oxford University Press, 2011.
18. *Blommaert J., Dong J.* Language and Movement in Space // The Handbook of Language and Globalization. Willey-Blackwell, 2010. Pp. 366–385.
19. *Bastardas A.* World Language Policy in the Era of Globalization: Diversity and Intercommunication from the Perspective of «Complexity». Text of the plenary speech given at the World Congress on Language Policies (Barcelona, 16–20 April 2002). URL: https://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm02estiu/metodologia/a_bastardas.pdf
20. Apple's New Headphones Can Translate Foreign Languages in Real Time — With Fans Comparing It to Star Trek's Communicator // Daily Mail. 2025. September 11. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-15087695/Apple-headphones-translate-languages-Star-Trek.html> (дата обращения: 28.10.2025).
21. Artificial Intelligence Index Report 2025. Stanford University: Human-Centered Artificial Intelligence, 2025. URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report>.
22. *Murdick D., Thomas P.* Patents and Artificial Intelligence: A Primer. CSET Data Brief, September 2020. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/patents-and-artificial-intelligence/>.
23. Historical Yearly Trends in the Usage Statistics of Content Languages for Websites // W3Techs. Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/history_overview/

content_language/ms/y (дата обращения: 28.10.2025).

24. Konaev M., Dunham J. Russian AI Research 2010 to 2018. CSET Issue Brief, October 2020. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/russian-ai-research-2010-2018/>.

25. Zemtsov S. P. Geography of Artificial Intelligence Technologies in Russia // Regional Research of Russia, 2024, vol. 14, no. 4, pp. 525–536. DOI: 10.1134/S2079970524600525.

26. The Rise of Artificial Intelligence: Patent Activity in Europe & Around the World // IamI P.

2023. May 4. URL: <https://iamip.com/the-rise-of-artificial-intelligence-patent-activity-in-europe-around-the-world/> (дата обращения: 28.10.2025).

27. Individuals Using the Internet (% of Population) // The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (дата обращения: 28.10.2025).

28. GDP (Current US\$) // The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 28.10.2025).

References

1. Marschak J. Economics of Language. *Behavioral Science*, 1965, no. 2, pp. 135–140.

2. Von Humboldt W. *On Language: The Diversity of Human Language-Structure and Its Influence on the Mental Development of Mankind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988 [1836].

3. Ginsburgh V., Weber S. The Economics of Language. *Journal of Economic Literature*, 2020, vol. 58, no. 2.

4. Whorf B. L. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.

5. Chomsky N. *The Logical Structure of Linguistic Theory*. New York: Plenum Press, 1975.

6. Zamurueva N. A., Lepeshkina G. G. The Economics of Language: History and Research Directions. *Forpost Nauki*, 2023, no. 1 (63), pp. 62–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.36683/2076-5347-2023-1-63-62-66>. (In Russ.)

7. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

8. De Swaan A. *Words of the World: The Global Language System*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity / Blackwell, 2001.

9. Marusenko M. A. External Linguistic Imperialism of the USA. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, 2014, no. 6, pp. 31–44. (In Russ.)

10. Pugachev V. P. Language as an Instrument of Global Linguistic Aggression and World Domination. *Moscow University Bulletin. Public Administration (State and Society)*, 2018, no. 2, pp. 90–112. (In Russ.)

11. De Swaan A. *Language Systems. The Handbook of Language and Globalization*. Willey-Blackwell, 2010. Pp. 56–76.

12. De Swaan A. The Language Predicament of the EU since the Enlargements. *Sociolinguistica: International Yearbook of European Sociolinguistics*. 2007. Vol. 21. Pp. 1–21.

13. Rakhmanov A. B. Linguistic Imperialism, Linguistic Subimperialism, and Their Necessity: Russia and Spain. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2020, no. 54, pp. 188–207. (In Russ.)

14. Phillipson R. *Linguistic Imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

15. Skutnabb-Kangas T. *Linguistic Genocide in Education or Worldwide Diversity and Human Rights?* Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2000.

16. Grin F. L'enseignement des langues étrangères comme politique publique. *Rapport établi à la demande du Haut Conseil de l'Évaluation de l'École*, № 19. Paris: Haut Conseil de l'Évaluation de l'École, 2005.

17. Van Parijs P. *Linguistic Justice for Europe and for the World*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

18. Blommaert J., Dong J. *Language and Movement in Space*. The Handbook of Language and Globalization. Willey-Blackwell, 2010. Pp. 366–385.

19. Bastardas A. World Language Policy in the Era of Globalization: Diversity and Intercommunication from the Perspective of «Complexity». *Text of the plenary speech given at the World Congress on Language Policies* (Barcelona, 2002, 16–20 April). URL: https://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm02estiu/metodologia/a_bastardas.pdf.

20. Apple's New Headphones Can Translate Foreign Languages in Real Time — With Fans Comparing It to Star Trek's Communicator. *Daily Mail*. 2025. September 11. URL: <https://www.dailymail.com>.

co.uk/sciencetech/article-15087695/Apple-headphones-translate-languages-Star-Trek.html (Accessed: 28.10.2025).

21. *Artificial Intelligence Index Report 2025*. Stanford University: Human-Centered Artificial Intelligence, 2025. URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report>.

22. Murdick D., Thomas P. Patents and Artificial Intelligence: A Primer. *CSET Data Brief*, September 2020. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/patents-and-artificial-intelligence/>.

23. Historical Yearly Trends in the Usage Statistics of Content Languages for Websites. *W3Techs. Web Technology Surveys*. 2025. URL: https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language/ms/y (Accessed: 28.10.2025).

24. Konaev M., Dunham J. Russian AI Research 2010 to 2018. *CSET Issue Brief*, October 2020. URL:

<https://cset.georgetown.edu/publication/russian-ai-research-2010-2018/>.

25. Zemtsov, S. P. Geography of Artificial Intelligence Technologies in Russia. *Regional Research of Russia*, 2024, vol. 14, no. 4, pp. 525–53. DOI: 10.1134/S2079970524600525.

26. The Rise of Artificial Intelligence: Patent Activity in Europe & Around the World. *IAMI P*. 2023. May 4. URL: <https://iamip.com/the-rise-of-artificial-intelligence-patent-activity-in-europe-around-the-world/> (Accessed: 28.10.2025).

27. Individuals Using the Internet (% of Population). *The World Bank Data*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (Accessed: 28.10.2025).

28. GDP (Current US\$). *The World Bank Data*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (Accessed: 28.10.2025).

Об опыте работы центров открытого образования Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета

Кузнецов А. И.¹
Анфалова Л. В.¹

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Российская Федерация

About the Experience of Open Education Centers of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Kuznetsov A. I.¹
Anfalova L. V.¹

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, the Russian Federation

Аннотация. В работе представлены сведения о работе центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку на Африканском континенте Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Данные образовательные структуры направлены в первую очередь на устранение барьеров для обучения иностранных граждан, предоставляют доступные знания и ресурсы всем желающим, а также способствуют межкультурному общению различных народов.

Ключевые слова: центр открытого образования, иностранные обучающиеся, межкультурная образовательная среда, межкультурное общение.

Abstract. The paper presents materials on the work of the Open Education Centers in Russian and the teaching of Russian on the African continent at the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. These educational structures are primarily aimed at eliminating barriers to education for foreign citizens, providing accessible knowledge and resources for everyone, and promoting intercultural communication between different peoples.

Keywords: open education center, foreign students, intercultural educational environment, intercultural communication.

Об авторах:

Кузнецов Александр Игоревич — доцент, кандидат педагогических наук, ректор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Российская Федерация, kuznetsovai@cspu.ru

Анфалова Любовь Владимировна — начальник управления по международной деятельности Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Российская Федерация, anfalovalv@cspu.ru

About the authors:

Kuznetsov Aleksandr Igorevich — Associate Professor, PhD, Rector, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, the Russian Federation, kuznetsovai@cspu.ru

Anfalova Liubov Vladimirovna — Head of the International Affairs Department, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, the Russian Federation, anfalovalv@cspu.ru

Материал поступил в редакцию 23.12.2025, принят к публикации 30.01.2026
Article received by the editorial office on 23.12.2025, accepted for publication on 30.01.2026

Изменившаяся за последние десятилетия геополитическая ситуация, переход к многополярному миру трансформируют межгосударственные контакты не только в политической и экономической, но и в социальной сфере. Претерпевают изменения и национальные системы образования, выстраиваются новые (или реанимируются старые) взаимосвязи с зарубежными партнерами. Одним из важнейших инструментов усиления позиций Российской Федерации на международной арене является поддержка и популяризация русского языка, который признается конкурентоспособным в современном международном сообществе. Для достижения поставленных правительством нашей страны задач необходима консолидация как органов государственной власти, так и образовательных, общественных и неправительственных организаций, фондов, локальных центров и иных организаций. С 2023 г. Министерство просвещения Российской Федерации, наряду с другими инициативами (например, «Российский учитель за рубежом» — строительство русскоязычных школ в дружественных странах), реализует проект по созданию центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку за пределами нашей Родины.

Центры открытого образования на русском языке и обучения русскому языку — это проект Министерства просвещения Российской Федерации и Фонда поддержки гуманитарных наук «Моя история», направленный на популяризацию русского языка и культуры России за рубежом. Работа этих центров призвана способствовать распространению

знаний о русском языке и культуре, в целом о Российской Федерации в широких кругах зарубежной общественности, особенно среди учащейся молодежи. Первоначальное знакомство с нашей страной и ее государственным языком способствует увеличению количества носителей русского языка в мире, облегчает доступ иностранных граждан к российской системе образования, укрепляет международное сотрудничество и взаимопонимание.

Открытие центров осуществляется в соответствии с приказами Министерства просвещения Российской Федерации «Об организации в Министерстве просвещения Российской Федерации работы по продвижению российского образования за рубежом» (приказы № 198 от 24 марта 2023 г., № 545 от 19 июля 2023 г., № 7 от 12 января 2024 г. и № 316 от 17 апреля 2025 г.) подведомственными ему педагогическими вузами при содействии Фонда поддержки гуманитарных наук «Моя история». Каждый педагогический университет разрабатывает программу деятельности центра с учетом специфики страны пребывания, выстраивает контакты с посольствами Российской Федерации в этих странах, министерствами образования разных уровней, определяет преподавателей, непосредственно ведущих в дальнейшем просветительскую и/или образовательную деятельность на базе центров, оснащает их необходимым оборудованием, учебниками, методической литературой и др.

Очная работа российских педагогов на базе центров осуществляется преимущественно вахтовым методом и длится 2–5 недель в зависимости от количест-

венных и качественных особенностей контингента слушателей. Периодически очная работа может сопровождаться онлайн-обучением, но лишь как дополнительной мерой, позволяющей улучшить результат. Обучающиеся, успешно освоившие предлагаемую программу, получают сертификат слушателя курсов российского педагогического университета.

В ходе курсовой подготовки иностранные граждане не только получают базовые знания о русском языке и российской культуре, но и могут узнать о перспективах более углубленного изучения русского языка на подготовительных факультетах/отделениях российских высших учебных заведений с последующим обучением на основных образовательных программах в России на возмездной основе или по квоте Россотрудничества.

Благодаря усилиям сотрудников международных служб университетов и преподавателям русского языка как иностранного в странах, где реализуются подобные проекты, успешно формируется межкультурная образовательная среда, что способствует пониманию общечеловеческих, национальных и индивидуальных культурных ценностей, а также развитию межкультурной компетенции

у обучающихся. Ведь межкультурная образовательная среда — это такая образовательная среда, которая предполагает взаимодействие между людьми разных культур, способствует их взаимопониманию и адаптации. Она включает в себя социальные, культурные и психолого-педагогические условия, необходимые для формирования личности в условиях многообразия культур.

К примеру, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЮУрГГПУ) активно развивает международное сотрудничество, в том числе на Африканском континенте. Благодаря выполнению нашим университетом государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, а также научно-исследовательских работ в Республике Мали и Республике Сенегал в 2023, 2024 и 2025 гг. ЮУрГГПУ подписал договоры о сотрудничестве с государственными и негосударственными организациями. Данные соглашения позволили нам создать в 2023–2024 гг. центры открытого образования в республиках Мали и Сенегал. За три года преподаватели университета на базе работающих в Западной Африке центров смогли обучить почти 2000 слушателей (см. рис. 1), организовали ряд международных конференций, молодежный фо-

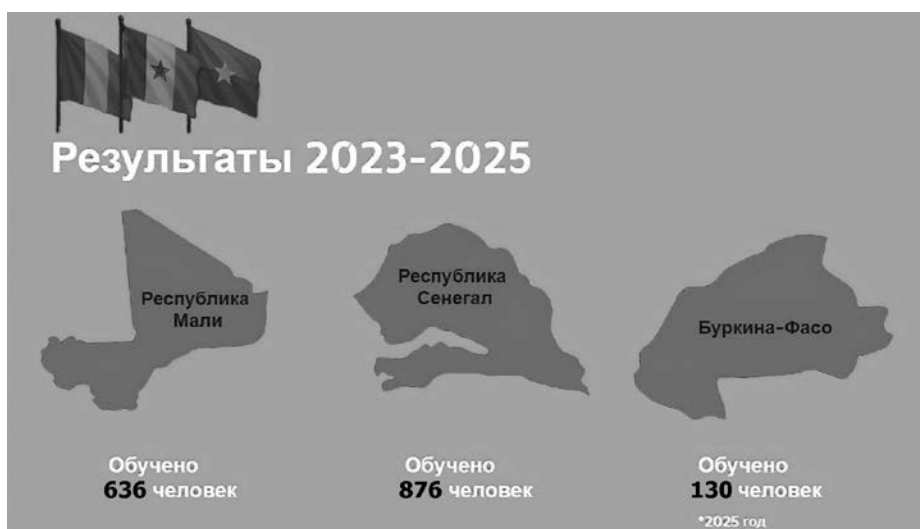

Рис. 1. Распределение численности обученных иностранных слушателей в центрах открытого образования ЮУрГГПУ за 2023–2025 гг.

рум и Конгресс молодых ученых, курсы повышения квалификации для учителей русского языка.

Формирование сети центров открытого образования на русском языке и их эффективное функционирование помогает погружению в языковую среду, культивирует ощущение величия культуры России и ее духовного единства, способствует укреплению культурных позиций страны за ее пределами и стимуляции интереса к ее культуре в мировом сообществе, а также популяризации многообразия русского языка и его выразительных возможностей. Продвижение русского языка, материальной и духовной культуры нашей страны, коммуникативных и когнитивных практик многонационального и поликонфессионального российского общества рассматриваются как средства мягкой силы, последовательно формирующие положительный образ России, влияющие на сознание иностранных граждан, изучающих русский язык.

В 2025 г. ЮУрГГПУ был открыт новый центр в Буркина-Фасо, в планах на 2026 г. — открытие центров в Государстве Эритрея и китайской провинции Цинхай. Аналогичную деятельность по всему миру — более чем в 60 странах Азии, Африки и Латинской Америки — ведут и другие педагогические

университеты Российской Федерации. В ближайшие год-два число таких стран будет удвоено, учитывая тот факт, что в настоящее время задача сохранения позиций русского языка за рубежом, приумножения интереса к изучению русского языка и российской культуры в странах ближнего и дальнего зарубежья как никогда сохраняет актуальность. Повышение интереса к русскому миру имеет стратегическое геополитическое значение для нашего государства.

Центры открытого образования ориентированы на всех желающих получить российское образование. Они могут создаваться на площадках вузов, школ, партнерских площадках зарубежных стран. В рамках реализации данных проектов запускается процесс межкультурного общения, что способствует формированию межкультурной компетентности у иностранных обучающихся, включающей в себя уважительное отношение к различиям культур, навыки конструктивного диалога и взаимопонимания, а также преодолению культурного барьера. Кроме того, формируется целостное представление о межкультурных коммуникациях и их принципах, что является основой для успешного взаимодействия в глобальном мире в сфере бизнеса, личных отношений и профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Капезина Т. Т. Проблемы обучения иностранных студентов в Российском вузе // Наука. Общество. Государство. 2014. № 1 (5). С. 129–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22842132> (дата обращения: 07.02.2022).

2. Булыгина М. В. Учебно-познавательный клуб как модель центра открытого образования для обучения русскому языку иностранных студентов / М. В. Булыгина, Е. И. Елизова // Глобальный научный потенциал. 2021. № 1 (118). С. 77–80.

3. Иващенко В. А. Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // Проблемы высшего образования. 2018. № 1. С. 256–259. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35255055/>.

4. Шестакова Л. И. Функционирование партнёрской сети центров открытого образова-

ния на русском языке на территории РФ: задачи и перспективы / Л. И. Шестакова, Я. Л. Березовская, Е. М. Зайко // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). С. 174–181.

5. Кудинова Г. Ф. Международный Центр продвижения русского языка и литературы им. М. Карима как модель открытого образования / Г. Ф. Кудинова, Н. А. Ахметова // Педагогический журнал Башкортостана. 2022. № 3 (97). С. 125–134.

References

1. Kapezina T. T. Problems of teaching foreign students in a Russian university. *Science. Society. State*, 2014, no. 1 (5), pp. 129–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22842132> (Accessed: 02.07.2022). (In Russ.)
2. Bulygina M. V. Educational and cognitive club as a model of the center of open education for teaching Russian to foreign students / M. V. Bulygina, E. I. Elizova. *Global scientific potential*. 2021, no. 1 (118), pp. 77–80. (In Russ.)
3. Ivashchenko V. A. Problems of adaptation of foreign students in Russian universities. *Problems of higher education*. 2018, no. 1, pp. 256–259. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35255055/>. (In Russ.)
4. Shestakova L. I. Functioning of the partner network of open education centers in Russian in the territory of the Russian Federation: tasks and prospects / L. I. Shestakova, Ya. L. Berezovskaya, E. M. Zaiko. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2022, no. 1 (459), pp. 174–181. (In Russ.)
5. Kudinova G. F. The International Center for the Promotion of the Russian Language and Literature named after M. Karim as a model of open education / G. F. Kudinova, N. A. Akhmetova. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2022, no. 3 (97), pp. 125–134. (In Russ.)

Теоретические и концептуальные подходы к политической активности женщин

Каттаханова Д. С.¹

¹ Академия государственной политики и управления
при Президенте Республики Узбекистан, Агентство (министерство)
по делам молодежи Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан

Theoretical and Conceptual Approaches to Women's Political Participation

Kattakhanova D. S.¹

¹ Academy of Public Policy and Administration Under the President of the Republic
of Uzbekistan, Agency (Ministry) for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, the Republic of Uzbekistan

Аннотация. В статье анализируются теоретические основы и практические направления повышения политической активности женщин. В сравнительном аспекте рассматриваются либеральные, марксистские и институциональные теории, посвященные обеспечению гендерного равенства. Также анализируются государственная политика Республики Узбекистан, нормативно-правовая база и национальные программы, направленные на стимулирование политической активности женщин и обеспечение гендерного равенства. В частности, раскрывается системное воздействие реформ, ориентированных на развитие политических знаний и лидерских навыков у женщин. По результатам исследования отмечается, что обеспечение политической активности женщин, наряду с правовыми гарантиями, в значительной степени зависит от развития образования, политической культуры и совершенствования общественного сознания.

Ключевые слова: гендерное равенство, политическая активность женщин, политические институты, феминистские теории, институциональные реформы, культурная трансформация, гендерная культура в образовании, гражданское общество.

Abstract. The article analyses the theoretical foundations and practical directions for enhancing women's political participation. Liberal, Marxist, and institutional approaches to gender equality are examined through a comparative analytical framework. The study also explores the state policy of the Republic of Uzbekistan, its legal and regulatory framework, and national programs aimed at promoting women's political engagement and ensuring gender equality. Particular attention is paid to the systemic impact of reforms designed to strengthen women's political knowledge and leadership skills. The findings demonstrate that women's political participation depends not only on legal guarantees but also on the development of education, political culture, and the advancement of public consciousness.

Keywords: gender equality, women's political participation, political institutions, feminist theories, institutional reforms, cultural transformation, gender culture in education, civil society.

Об авторе:

Каттаханова Дилнозахон Собир кизи — доктор философии по политическим наукам (PhD), первый заместитель директора (министра) Агентства (министерства) по делам молодежи Республики

Узбекистан, независимый исследователь Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан, dskattakhanova@gmail.com

About the author:

Kattakhanova Dilnozakhon Sobir kizi — Doctor of Philosophy (PhD) in Political Science, First Deputy Director (Minister-level) of the Agency (Ministry) for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, and an Independent Researcher at the Academy of Public Policy and Administration Under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, the Republic of Uzbekistan, dskattakhanova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 29.01.2026, принят к публикации 09.02.2026
Article received by the editorial office on 29.01.2026, accepted for publication on 09.02.2026

Введение

В современных условиях глобальных политических процессов, демократических реформ и усилий по обеспечению прав человека реализация гендерного равенства на мировом уровне была определена в качестве одной из стратегических задач. Гендерное равенство рассматривается как важнейшее условие устойчивого развития общества, проведения инклюзивной политики в системе государственного управления и обеспечения равного участия каждого гражданина в процессах принятия политических решений.

Политическая активность женщин, их участие в политических институтах, органах государственного управления и структурах гражданского общества признаются одним из ключевых показателей демократического развития. Такая активность способствует учету различных точек зрения в процессе принятия политических решений, обеспечению гендерного баланса и повышению эффективности государственного управления. Понятие политической активности не ограничивается лишь участием в избирательных процессах, но охватывает и активное вовлечение в деятельность политических партий, парламента и местных представительных органов, а также влияние на политические процессы посредством гражданских инициатив и механизмов общественного контроля. В этом контексте политическая активность женщин выступает как практическое проявление

их равноправной гражданской позиции в обществе.

Проблематика политической активности женщин получила широкое освещение в мировой научной мысли в рамках различных теоретических школ. Либеральный, марксистский, радикально-феминистский, институциональный и постмодернистский подходы по-разному интерпретируют данное явление. Либеральная теория акцентирует внимание на обеспечении гендерного равенства посредством правовых гарантий, тогда как марксистское направление рассматривает неравенство в системе экономических отношений как основную причину политической пассивности женщин. Радикальный феминизм, в свою очередь, оценивает саму политическую систему как проявление патриархального порядка и предполагает создание условий для политического участия женщин через ее структурную трансформацию.

Мировой опыт свидетельствует о том, что развитие политической активности женщин не может ограничиваться исключительно правовыми мерами. Данный процесс находится в тесной взаимосвязи с уровнем экономических возможностей, образования, культурной среды и общественного сознания.

19 сентября 2023 г. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, выступая на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных

Наций в Нью-Йорке, выдвинул инициативы о создании при ООН рабочей группы по содействию развитию молодежи Центральной Азии и по дальнейшему расширению сотрудничества со структурой «ООН-женщины». Эти инициативы являются логическим продолжением масштабных реформ, реализуемых в стране в сфере молодежной политики и гендерного равенства, и направлены на содержательное обогащение и повышение эффективности процессов образования и воспитания.

С этой точки зрения изучение проблемы политической активности женщин предполагает не только раскрытие сущности гендерной политики, но и научное обоснование педагогических, культурных и институциональных факторов, обеспечивающих активное участие женщин в национальной политической системе.

В последние годы в Республике Узбекистан реализуется широкий спектр реформ, направленных на обеспечение гендерного равенства и повышение политической активности женщин. Существенными шагами в этом направлении стали меры по обеспечению гендерного баланса в системе государственного управления, увеличению представительства женщин в парламенте и местных кенгашах, а также реализации программ по развитию политического образования и лидерского потенциала. В связи с этим углубленный анализ теорий и концепций политической активности женщин, их соотнесение с национальной политической практикой, научное исследование социальных и культурных факторов, влияющих на участие женщин в политической жизни, определяют актуальность настоящего исследования.

Методы

С целью всестороннего анализа теоретических подходов к политической активности женщин, выявления их проявлений в национальной и международной практике, а также определения научно-теоретических оснований исследования был использован комплекс взаимодополняющих научных методов. Методологическую основу составили системный анализ, сравнительный анализ, исторический подход, концептуальное моделирование и контент-анализ.

Метод системного анализа позволил рассмотреть гендерную политику во взаимосвязи ее политических, правовых, социальных и культурных компонентов. Применение данного метода способствовало выявлению системы факторов, обеспечивающих политическую активность женщин, а именно механизмов взаимодействия между политическими институтами, гражданским обществом, правовой базой, образовательной политикой и общественным сознанием.

На основе сравнительного анализа были определены общие и отличитель-

ные черты зарубежного и национального опыта. В частности, проанализированы отчеты таких международных организаций, как ООН, ЮНЕСКО, «ООН-женщины» (UN Women) и Межпарламентский союз (Inter-Parliamentary Union), а также практические результаты в сфере политического участия женщин в странах Европейского союза, Скандинавии, Японии, Канаде и государствах Центральной Азии. На этой основе с научной точки зрения были оценены возможности внедрения институциональных моделей, адаптированных к условиям Республики Узбекистан.

Исторический подход сыграл важную роль в выявлении эволюции политической активности женщин. С его помощью были проанализированы этапы развития данного явления, начиная с периода суфражистского движения и заканчивая формированием и развитием гендерной политики в независимом Узбекистане. Данный подход позволил раскрыть динамику изменений политической активности женщин в контексте национального развития.

С применением метода концептуального моделирования были системно проанализированы существующие теоретические парадигмы — либеральная, марксистская, радикально-феминистская, институциональная и постмодернистская, а также выявлены их общие и специфические характеристики. На этой основе разработаны теоретические предпосылки создания научной модели, адаптированной к условиям национальной политической системы.

Метод контент-анализа использовался для изучения эмпирических и нормативных источников исследования. В его рамках были проанализированы научные публикации, отчеты международных организаций, а также национальные нормативные правовые акты, в том числе Конституция Республики Узбекистан, Закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин», национальная гендерная стратегия и государственные программы. В результате контент-анализа были систематизированы ключевые идеи, факторы влияния и тенденции развития, обеспечивающие политическую активность женщин.

Полученные в ходе научного анализа результаты были обобщены с использованием дедуктивных и индуктивных методов, что позволило сформулировать не только теоретические выводы, но и научно обоснованные рекомендации, ориентированные на практическое применение.

Результаты исследования показали, что теории, объясняющие политическую активность женщин, обладают различающимися, но взаимодополняющими характеристиками.

Либеральная теория обосновывает правовые и политические гарантии гендерного равенства. Согласно данному подходу ключевым условием повышения политической активности женщин является обеспечение для них равных прав, доступа к образованию и политическим возможностям. Научные основы либерального подхода нашли отражение

в трудах Мэри Уолстонкрафт, Джона Стюарта Милля и Сьюзен Моллер Окин.

Марксистская теория подчеркивает взаимосвязь политической активности женщин с неравенством в системе экономических отношений и общественно-го разделения труда. В рамках данного подхода утверждается, что без экономической независимости женщины не способны к полноценному политическому участию. Основы марксистского подхода были заложены в трудах Фридриха Энгельса.

Теория радикального феминизма рассматривает саму политическую систему как патриархальную структуру и выдвигает требование усиления политического влияния женщин посредством ее глубокого реформирования. Основоположниками данного направления являются Кейт Миллет и Суламифь Файерстоун, которые утверждали, что подлинное политическое равенство возможно лишь в условиях коренной трансформации социальных отношений. В работах К. Миллет патриархат интерпретируется как форма политического угнетения в обществе, тогда как С. Файерстоун рассматривала биологические и репродуктивные механизмы в качестве ключевого источника гендерного неравенства.

Институциональная теория предполагает создание условий для политического участия женщин посредством государственных институтов и законодательной системы. В рамках данного подхода политическая активность женщин рассматривается как важная составная часть государственной политики. Институциональный подход широко представлен в аналитических отчетах международных организаций, включая UN Women, Межпарламентский союз и Программу развития ООН (UNDP).

Постмодернистский подход акцентирует внимание на относительности гендерных ролей в культурном и ценностно-нормативном контексте. Согласно этой теории политическая активность женщин тесно связана с куль-

Система факторов, влияющих на политическую активность женщин

турной идентичностью общества, его историческим опытом и духовными ценностями. Данный подход получил научное обоснование в работах Джудит Батлер.

В ходе исследования была разработана система факторов, влияющих на политическую активность женщин (схема). Данная система демонстрирует, что участие женщин в политических процессах носит многофакторный и комплексный характер. В частности, факторы, определяющие уровень политической активности женщин, были условно сгруппированы в четыре категории: политико-правовые, социально-экономические, культурно-духовные и личностно-психологические факторы.

Социально-экономические факторы связаны с уровнем экономической стабильности в обществе, равенством возможностей на рынке труда и уровнем образования, что в совокупности определяет возможности женщин быть активными участниками политической жизни. Политико-правовые факторы выражаются через государственную политику, законодательную базу, гендерные стратегии и деятельность поли-

тических институтов, ориентированных на обеспечение гендерного равенства. Культурно-духовные факторы тесно связаны с традиционными гендерными ролями, системой ценностей и социальными стереотипами, формирующимися в общественном сознании, в том числе под воздействием средств массовой информации. Личностно-психологические факторы включают индивидуальные характеристики женщин, такие как личная мотивация, лидерские качества, уровень политических знаний и уверенность в собственных силах.

Все компоненты данной системы находятся во взаимосвязи и оказывают комплексное воздействие. Поэтому эффективность развития политической активности женщин зависит от согласованности указанных факторов, то есть от одновременного совершенствования социальной и культурной среды наряду с укреплением правовых основ. В этом контексте схема «Система факторов, влияющих на политическую активность женщин» выступает в качестве теоретической модели исследования, наглядно отражающей структурные и практические основы данного процесса.

Обсуждение

Обеспечение политической активности женщин прежде всего тесно связано с трансформацией системы гендерных отношений в обществе. Несмотря на важность создания правовых гарантий, их действенность во многом определяется совокупным воздействием социально-психологических и культурных факторов, таких как политическая культура, общественное сознание, уровень образования и развитие лидерского потенциала.

Международные исследования показывают, что гендерные вопросы в политических институтах, сетях и механизмах политического участия формируются не только в рамках «формальных» процедур, но и посредством «неформальных» культурных норм, гендерных стереотипов и традиционных ролей [1]. В частности, согласно теории «феминистского институционализма» (feminist institutionalism) политические и управленческие институты включают в себя гендерно обусловленные механизмы, которые одновременно могут как ограничивать, так и поддерживать политическое участие женщин [2].

В последние годы в Узбекистане был реализован ряд институциональных реформ, направленных на усиление политической активности женщин [3]. В частности, были введены квоты и программы по увеличению числа женщин в парламенте и местных кенгашах, а также утверждены стратегические документы государственного уровня в сфере гендерного равенства [4]. Эти меры расширили возможности выхода

женщин на политическую арену. Однако результаты исследования показывают, что при сохранении культурных традиций, коллективных установок, гендерных стереотипов и внутренних институциональных барьеров институциональные возможности не обеспечивают полной эффективности.

В связи с этим в дальнейшем представляется необходимым рассматривать гендерную проблематику не только с правовой и институциональной точек зрения, но и в социально-психологическом и культурном измерении. Приоритетными направлениями в данной сфере должны стать:

- формирование гендерной культуры через систему образования;
- развитие политического образования, менторства и лидерского потенциала;
- продвижение темы гендерного равенства в общественном пространстве посредством средств массовой информации и общественных организаций;
- выявление неформальных гендерных ограничений в политических институтах и разработка стратегий их преодоления.

Развитие политической активности женщин представляет собой процесс, сочетающий институциональные реформы с культурной и духовной трансформацией общества. Для его успешной реализации необходимо эффективное взаимодействие государства, институтов гражданского общества и образовательных учреждений.

Заключение

Политическая активность женщин является важным показателем утверждения демократических ценностей, обеспечения прав человека и гендерного равенства в обществе. Результаты проведенного исследования подтверждают, что участие женщин в политической жизни возможно не только посредством созда-

ния правовых основ, но и при условии гармоничного сочетания социальных, культурных и образовательных факторов. Если правовые гарантии формируют формальные условия политической активности женщин, то политическая культура, общественное сознание, система образования и информационная

среда обеспечивают ее содержательное и устойчивое развитие.

Анализ показывает, что реформы, реализуемые в Узбекистане в сфере обеспечения гендерного равенства и повышения политической активности женщин, в целом соответствуют международному опыту. В частности, внедряются программы, направленные на увеличение представительства женщин в парламенте и местных органах власти, а также на развитие их политического образования и лидерских навыков. Вместе с тем ключевой задачей остается преодоление традиционных установок, гендерных стереотипов и культурных ограничений, поскольку институциональные возможности дают практический результат лишь в сочетании с изменениями в общественном сознании и политической культуре.

Международный опыт свидетельствует, что в обеспечении политической активности женщин особое значение имеют следующие направления:

— интеграция гендерной культуры в систему образования, обогащение гражданских и политических знаний с учетом гендерного подхода;

— разработка научно-практических программ по развитию политического лидерства, менторства и управленческого потенциала;

— продвижение идей гендерного равенства в средствах массовой информации и формирование позитивного гендерного образа;

— расширение участия женщин в процессах принятия политических ре-

шений через механизмы общественного контроля и гражданские инициативы.

Кроме того, при интеграции гендерной проблематики в национальную политическую систему большое значение имеет использование научных выводов из теории феминистского институционализма, ориентированной на выявление и устранение неформальных барьеров во внутренних механизмах политических институтов.

Таким образом, развитие политической активности женщин представляет собой комплексный процесс, объединяющий институциональные реформы, правовые гарантии, культурные ценности и изменения в образовании. Его успешность напрямую зависит от тесного взаимодействия государства, институтов гражданского общества, негосударственных организаций и образовательных учреждений.

В завершение следует отметить, что политическая активность женщин измеряется не только числом или формальным участием женщин в политической жизни, но и прежде всего их способностью влиять на процессы принятия решений, проявлять активную гражданскую позицию и выступать равноправными субъектами общественного развития. В связи с этим разработка научно обоснованной, устойчивой и культурно адаптированной стратегии расширения участия женщин в национальной политической системе является актуальной и стратегически значимой задачей.

Библиографический список

1. Kittilson M. C., Schwindt-Bayer L. A. The Gendered Effects of Electoral Institutions: Political Engagement and Participation. Oxford: Oxford University Press, 2012.

2. Mackay F., Waylen G. Feminist Institutionalism // *Politics & Gender*. 2009. № 5 (2). Pp. 237–238. DOI: 10.1017/S1743923X09000178.

3. Khushnazarova L. The Social Significance of Ensuring Gender Equality and Women's Rights in New Uzbekistan // *Educational Research in Universal Sciences*. 2022. № 1 (5). Pp. 86–94.

4. Urazalieva G. Ensuring Gender Equality as a Priority Area of the New Uzbekistan Strategy // *Actual Problems of Humanities and Social Sciences*. 2024. № 52.

References

1. Kittilson M. C., Schwindt-Bayer L. A. *The Gendered Effects of Electoral Institutions: Political Engagement and Participation*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
2. Mackay F., Waylen G. Feminist Institutionalism. *Politics & Gender*, no. 5 (2), pp. 237–238. DOI: 10.1017/S1743923X09000178.
3. Khushnazarova L. The Social Significance of Ensuring Gender Equality and Women's Rights in New Uzbekistan. *Educational Research in Universal Sciences*, 2022, no. 1 (5), pp. 86–94.
4. Urazalieva G. Ensuring Gender Equality as a Priority Area of the New Uzbekistan Strategy. *Actual Problems of Humanities and Social Sciences*, 2024, no. 52.

Социальный анализ политической социализации студенческой молодежи (на примере Узбекистана)

Нуркулов Б.¹

¹ Национальный университет Республики Узбекистан имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан

Social Analysis of Student-Youth Political Socialization (Using the Example of Uzbekistan)

Nurkulov B.¹

¹ National University of the Republic of Uzbekistan Named After Mirzo Ulugbek, Tashkent, the Republic of Uzbekistan

Аннотация. В данной статье подробно рассмотрены роль студенческой молодежи в жизни общества и важность процесса ее политической социализации, а кроме того, изложены результаты сравнительного анализа того, как этот процесс осуществляется в развитых странах, изучены внимание, уделяемое студенческой молодежи Узбекистана, проводимые реформы. Исследование, проведенное автором, позволило выявить степень отражения этих реформ на студенческой молодежи. Выявлены основные факторы, влияющие на политическую социализацию молодежи; дана оценка влияния со стороны высших учебных заведений, средств массовой информации и круга сверстников.

Ключевые слова: общество, студенческая молодежь, политическая социализация, социальная активность, политическая культура, высшие учебные заведения.

Abstract. The role of student-youth in the life of society and the extent to which their political-socialization process is significant is considered in detail. In addition, the process is comparable to the way developed countries are implemented, and the attention paid to students and young people in Uzbekistan, the reforms carried out are also studied. To what extent these reforms are reflected in the student-youth, they were studied in more depth with the help of a study by the author. The main factors affecting the political socialization of young people have been identified, and the influence of higher education institutions, the media, and peer groups has been assessed.

Keywords: society, student-youth, political-socialization, social activism, political culture, institutions of Higher Education.

Об авторе:

Нуркулов Бунёд — докторант кафедры социологии факультета социальных исследований Национального университета Республики Узбекистан имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан, nurkulovbunyod383@gmail.com

About the author:

Nurkulov Bunyod — basic doctoral student, Department of Sociology, Faculty of Social Research, National University of the Republic of Uzbekistan Named After Mirzo Ulugbek, Tashkent, the Republic of Uzbekistan, nurkulovbunyod383@gmail.com

Материал поступил в редакцию 11.11.2025, принят к публикации 14.01.2026
Article received by the editorial on 11.11.2025, accepted for publication on 14.01.2026

Введение

Сегодня в результате процесса глобализации во всем мире наблюдается стремительное развитие цифровых информационных технологий, неограниченная открытость информационного пространства. Это, с одной стороны, приводит к различным положительным результатам, а с другой — негативно влияет на мировоззрение, систему ценностей и социальное функционирование людей. Учитывая, что современные разработки ориентированы преимущественно на молодежь, закономерно, что такая тенденция сказывается в основном на этой социальной группе. Студенты всегда считались важной частью молодежи. Их участие в жизни общества, их активность, безусловно, напрямую связаны с политической социализацией. Студенческая молодежь — будущее общества и залог политической стабильности государства, ее роль в формировании гражданской культуры неопределима.

Политическая социализация — процесс усвоения индивидом политических ценностей, норм, убеждений, посредством которого граждане становятся активными субъектами политической системы.

Вопрос о политической социализации студенческой молодежи является актуальным объектом исследования для социологии и политологии. Это обусловлено тем, что именно высшие учебные заведения выступают в качестве важного социального института, формирующего политическое сознание и политическую культуру личности. Образовательные учреждения, семья, средства массовой информации, социальные сети, политиче-

ские партии — все это основные субъекты процесса политической социализации. В настоящее время изменения в глобальном информационном пространстве, оцифрованные средства политической коммуникации оказывают существенное влияние на политические взгляды студентов и молодежи.

Актуальность данной темы заключается в том, что молодежная политика в Узбекистане считается одним из приоритетных направлений политики страны. По состоянию на 1 января 2025 г. 25,7% населения составляют люди в возрасте от 14 до 30 лет. Это большой показатель, если рассматривать его в мировом масштабе. В последние годы проводятся различные реформы, направленные на превращение студенческой молодежи в активных граждан, повышение политической культуры молодых людей и вовлечение их в политические процессы. Изучение опыта зарубежных стран, сравнение их механизмов политической социализации позволит создать научную основу для разработки эффективной модели, подходящей для Узбекистана.

Вопрос о политической социализации молодежи поднят на уровень государственной политики в Республике Узбекистан, что подтверждается положениями закона «О государственной молодежной политике», лозунгом «Новый Узбекистан — молодежная страна». Кроме того, в результате изменений в системе высшего образования проводится большая работа по повышению политической социализации студентов путем акти-

визации и стимулирования их участия в политических процессах. Тем не менее, согласно современным исследованиям, процесс их политической социализации осложняется рядом факторов. Среди них такие факторы, как манипулятивный характер политической информации, виртуальная политическая активность, происходящая в социальных сетях, случаи политического безразличия (индифферентности).

Политическая социализация — это процесс вовлечения личности в политическую систему, усвоения норм, политических ценностей, убеждений и форм поведения. Посредством этого процесса человек становится активным субъектом политической системы. Представитель структурно-функционального подхода Т. Парсонс отмечал, что политическая социализация является одним из основных механизмов, поддерживающих стабильность социальных систем общества, а социальные институты, такие как семья, религия, образование и политические организации, прививают человеку ценности и роли, тем самым обеспечивая социальный баланс [1].

Г. Алмонд и С. Верба также продвигают концепцию политической культуры в своей работе «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах» (*The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*). Они считают, что не только экономические, политические институты играют важную роль в непрерывном функционировании демократической системы, но и политическая ориентация людей — баланс элементов доминирования, участия и безразличия [2]. По их мнению, в формировании политической культуры существуют пассивный (парохиальный) и активный (гражданский) типы политической социализации. Основным типом, определяющим демократическое развитие общества, является гражданский тип, развитие которого приобретает все большее значение среди студенческой молодежи.

Цель данной статьи — выявление социальных форм политической социализации студенческой молодежи и выработка на основе выводов об опыте зарубежных стран рекомендаций с учетом ситуации, сложившейся в Республике Узбекистан. Процессы политической социализации студенческой молодежи рассматривались через призму теоретических источников и зарубежного опыта с применением социологического подхода.

П. Бергер и Т. Лукман в трактате «Социальное конструирование реальности» (*The Social Construction of Reality*) определяют социализацию как процесс, посредством которого человек реализует (интернализует) социальную реальность и воспроизводит ее [3]. Исследователи выделяли в этом процессе два этапа:

«первичную социализацию» — этап усвоения человеком языка, убеждений и социальных ролей через семью и окружающую среду с момента его рождения; «вторичную социализацию» — период взросления, начинающийся в подростковом возрасте и заканчивающийся освоением новых ролей и ценностей через профессию, политические институты, партии, учебу или работу. Исследователи утверждали, что посредством этого процесса общество обновляет социальный порядок, каждое поколение воспроизводит социальную реальность.

Политическая социализация — это политическое проявление процесса, при котором человек формирует свое политическое «я» через социальную среду. Дж. Г. Мид также обосновал в своей работе «Разум, Я и общество», что личность социализируется в процессе общения. При этом политическая социализация молодежи происходит через друзей, учебные заведения и средства массовой информации [4].

К XXI в. социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни и в то же время мощным инструментом политической социализации. Обмен идеями с помощью современных средств коммуникации дал возможность осуществ-

лять неформальную активность даже на расстоянии. Некоторые исследователи [5] называют этот процесс, в основном характерный для молодежи, «цифровой политической социализацией».

Процесс политической социализации можно разделить на несколько этапов. В социологической литературе его часто изучают, разделяя на два этапа, описанных выше (первичная и вторичная социализация). Кроме того, существует несколько механизмов политической социализации, в том числе:

1) нормативный (воспитательный) механизм — привитие политических ценностей;

2) стимулирующий механизм — повышение политической активности за счет социальных вознаграждений;

3) коммуникативный механизм — формирование политических знаний посредством обмена информацией;

4) рефлексивный механизм — формирование индивидом собственной политической идентичности.

Понятие «политическая социализация» трактуется в социологии по-разному с помощью различных теоретических подходов. Ж. Мид и Х. Блумер [6] придерживаются интеракционистского подхода, утверждая, что политическая идентичность формируется в межличностном общении.

Представители структурно-функционального подхода Т. Парсонс и Д. Истон [7] интерпретирует политическую социализацию как необходимый механизм стабильности системы.

Приверженцы критического подхода рассматривают политическую социализацию как процесс, воспроизводящий господствующую идеологию, подчеркивая необходимость ее изменения посредством сознательной критики.

Для познавательного подхода характерна идея о том, что формирование политического сознания зависит от этапов развития человеческого мышления.

Студенческий период является наиболее активным, социально и интеллектуально формирующим этапом жизни мо-

лодых людей. С социологической точки зрения это период, когда мировоззрение личности приобретает решающее значение в формировании системы ценностей, ее участии в жизни государства и общества. В своей теории ролей Т. Парсонс утверждает, что ученичество — это роль в социальной системе, посредством которой человек постепенно вступает в стадию гражданской ответственности [1].

В качестве примера зарубежного опыта можно привести политическую социализацию в университетах США, которая в основном осуществляется через культуру кампуса и студенческий активизм. Существует система «Student Government», с помощью которой студенты на практике знакомятся с деятельностью политических клубов, участвуют в дебатах, формируют в студенческих организациях независимое мышление и гражданскую позицию [9].

В Великобритании есть такие программы, как «Civic Education» и «Political Literacy», которые способствуют развитию демократических ценностей у студентов. Кроме того, университетские программы дают студентам возможность напрямую взаимодействовать с институтами гражданского общества и политическими партиями.

В Южной Корее также уделяется серьезное внимание политической социализации студенческой молодежи. Этот процесс осуществляется через образование и цифровую культуру. Обеспечивается участие студентов в политических процессах государства посредством онлайн-петиций, гражданских кампаний в социальных сетях. Такие платформы, как «Student Politics Network» и «Youth Policy Forum», позволяют студентам выражать свое мнение в процессе принятия политических решений [10].

В Германии студенческая молодежь вовлекается в процесс политической социализации через систему гражданского образования «Bürgerkunde». Во всех вузах политическое образование включено в программу обучения в качестве обязательного предмета. Кроме того,

молодежные крылья политических партий — «Jusos» (Социал-демократическая партия) и «Junge Union» (Христианско-демократический союз) — поощряют участие студенческой молодежи в политике.

В Узбекистане студенчество также представляет собой период формирования политического сознания и социальной активности, а не только профессиональной подготовки. Система образования в вузах нацелена на формирование у студенческой молодежи государственных политических ценностей, национальной идеи, правосознания и гражданского долга в течение установленного срока обучения. Таким образом, можно сказать, что в Узбекистане, как и за рубежом, система высшего образования является одним из необходимых институтов политической социализации.

В первые годы независимости была поставлена задача создания в Узбекистане государства, основанного на демократических принципах. Приоритетным направлением государственной политики стало воспитание молодежи на основе новых политических ценностей.

Политическая социализация студенческой молодежи в Узбекистане сегодня происходит благодаря следующим факторам.

Средства массовой информации и социальные сети приобретают все большее значение в повышении политической осведомленности молодежи. При этом влияние СМИ двойственно: с одной стороны, они дают возможность достоверно получать сообщения через официальные источники, а с другой стороны, возрастает негативное влияние неформальной информации на политическое сознание людей.

Студенческие советы высших учебных заведений Узбекистана, являющиеся органами студенческого и молодежного самоуправления, играют важную роль в политической социализации, так как дают возможность участвовать в деятельности «Союза молодежи Узбекистана» и Молодежного парламента.

Политической социализации молодежи республики способствует государственная политика. Такие инициативы, как закон «О государственной молодежной политике» [11] и программа «Новая молодежь Узбекистана» [12], имеют большое значение для повышения политического сознания молодых людей.

Политическая социализация студенческой молодежи в Узбекистане также является актуальным объектом исследований. С целью выявления наиболее эффективных направлений повышения политической активности молодежи Узбекистана в 2024 г. мы провели исследование, обратившись к респондентам с вопросом «Как Вы думаете, насколько эффективными могут быть следующие меры по повышению политической осведомленности и активности студенческой молодежи?». Полученные ответы распределились следующим образом:

— 24,9% респондентов сочли наиболее эффективной мерой создание качественного политического контента в социальных сетях. Это обстоятельство говорит о том, что современные информационные и коммуникационные технологии играют решающую роль в политической социализации молодежи. Поскольку молодые люди получают больше политической информации через социальные сети, качественный контент оказывает значительное влияние на формирование их политического сознания;

— курс на увеличение политико-просветительской работы в системе образования поддержали 19,4% респондентов. Это показывает важность системы высшего образования в процессе политической социализации;

— на третьем месте по количеству ответов находятся тренинги и семинары по повышению политической культуры — 13,8%. Это означает, что практические занятия, семинары и тренинги являются эффективным инструментом повышения политической грамотности молодежи.

Такие варианты, как распространение открытых политических дебатов и форумов (11%) и расширение возмож-

ностей студентов выражать независимое политическое мнение (9,3%) также получили достаточное признание респондентов. А это значит, что молодежь нуждается в активном участии в политических процессах, в свободном выражении мнений, в развитии дискуссионной культуры. Также в качестве значимых были оценены меры, связанные с более широким выражением интересов молодежи в государственной политике (8,7%) и вовлечением молодежи в деятельность политических партий (8,1%), что свидетельствует о стремлении молодежи непосредственно интегрироваться в политическую систему. Наименьшую поддержку респондентов получили следующие меры: укрепление системы поддержки студенческих лидеров (3,3%) и формирование политической культуры

туры в семье и ее окружении (1,6%). Следовательно, влияние традиционных социальных институтов на процесс политической социализации ниже, чем влияние формального образования и средств массовой информации.

Анализ показывает, что роль современных коммуникационных платформ, системы образования и открытого политического диалога в усилении политической социализации студенческой молодежи растет. В то же время, для того чтобы процесс политической социализации был последовательным и устойчивым, необходимо уделять больше внимания развитию политической культуры в системе традиционных институтов — семьи и ее окружения (рис. 1).

В век глобализации и цифровой информации процесс политической

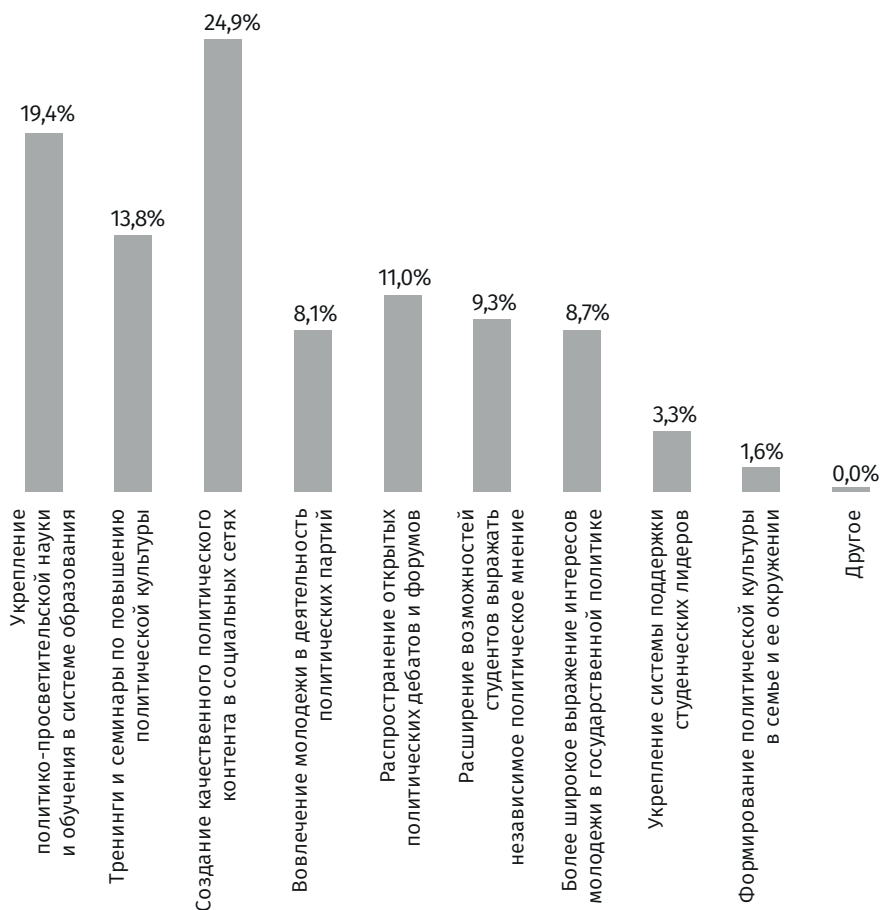

Рис. 1. Как Вы думаете, какие меры по повышению осведомленности и активности студенческой молодежи могут быть эффективными? Результаты опроса

социализации студенческой молодежи проходит в новых формах и направлениях. Факторы, способствующие формированию политического сознания, гражданской позиции и социальной активности, больше не ограничиваются традиционными ресурсами. Выявление факторов, оказывающих наибольшее влияние на политическую социализацию студенческой молодежи, определение их доли в процентах имеет важное значение для глубокого понимания социально-политических процессов. Связи с этим мы обратились к респондентам с вопросом «Какие из следующих факторов, по вашему мнению, оказывают наибольшее влияние на политическую социализацию студенческой молодежи?».

Полученные ответы свидетельствуют о том, что наиболее важным фактором респонденты считают Интернет и социальные сети (25,4%). Следовательно, Интернет играет ведущую роль в качестве источника политической информации в современных условиях глобализации. Молодежь часто наблюдает за политическими процессами через онлайн-платформы и проявляет на них активность.

На втором месте оказалась система образования (лицеи, колледжи, вузы), выбранная 19,4% респондентов. Это обстоятельство подтверждает, что образовательные учреждения являются одним из основных социальных институтов в процессе политической социализации. Политико-просветительские мероприятия, лекции и встречи, особенно проводимые в сфере высшего образования, оказывают большое влияние на политическое мировоззрение молодежи.

Семейная среда также указана в значительной доле ответов: 16,8% респондентов считают родителей, родственников и семейные ценности важным фактором политической социализации.

Далее следуют государственная политика и официальные инициативы — 8,1%, влияние соседей и сообщества — 7,6% и личные интересы, жизненная позиция — 6,5%. Это означает, что

формальные инициативы и личная мотивация также важны для политической социализации, но в меньшей степени, чем Интернет и система образования.

Относительно низкий показатель у таких факторов, как средства массовой информации (5,4%), политические партии и движения (3,7%), общественные организации, негосударственные некоммерческие организации (3%), друзья и сверстники (3,0%). Это указывает на ограниченное влияние традиционных инструментов и организаций на политическую социализацию молодежи. Самый недооцененный фактор — международные политические процессы и глобальная информация (1,2%), из чего можно сделать вывод, что большинство молодых людей уделяют больше внимания внутренним источникам информации в процессе политической социализации.

Итоговый анализ показывает, что Интернет и система образования являются наиболее важными факторами политической социализации студенческой молодежи в Узбекистане. Однако выявленное значительное влияние семейной среды доказывает, что традиционные социальные институты по-прежнему актуальны. При этом очевидна необходимость налаживания более эффективной деятельности политических партий, негосударственных некоммерческих организаций и СМИ в сфере политической социализации молодежи (рис. 2). Политическая социализация в условиях глобализации активно проходит в среде классических институтов — семьи, школы, образования и средств цифровой коммуникации, помимо СМИ. Ценности и политические взгляды студентов в настоящее время формируются через информационные потоки, социальные сети и интернет-дискурсы.

Факторы, способствующие процессу политической социализации, можно сгруппировать следующим образом.

Цифровые факторы. Такие платформы, как Telegram, Instagram, YouTube, стали ареной для обмена политическими идеями, неформального распространения информации, дискуссий. С одной

Рис. 2. Какие из следующих факторов, по Вашему мнению, оказывают наибольшее влияние на политическую социализацию студенческой молодежи? Результаты опроса

стороны, таким образом увеличивается скорость политической социализации, а с другой — растет риск информационных манипуляций.

Популярная культура и транснациональный диалог сказываются на формировании политических ценностей студентов, обучающихся за границей или участвующих в виртуальном общении. Это порождает феномен транснационального политического сознания.

Цифровая политическая коммуникация государства. В последние годы открытость правительственных агентств в Интернете, система электронных петиций и платформа «Диалог с молодежью» увеличивают участие молодежи в политике.

Институты гражданского общества. Платформы Молодежный парламент,

Школа демократических реформ, Клуб молодых аналитиков содействуют системной политической социализации молодежи.

Как уже отмечалось, в настоящее время информационная культура и медиаграмотность играют важную роль в политической социализации. Способность молодежи разобраться в политических манипуляциях в информационном поле, критически воспринимать информацию и сравнивать источники — основа демократического гражданства.

В условиях Узбекистана актуальны следующие меры:

1) введение предмета «Основы медиакультуры и политического мышления» в систему высшего образования;

2) обучение молодежи критическому мышлению в цифровом информационном пространстве;

3) формирование политической культуры государственными и негосударственными средствами массовой информации.

Процесс политической социализации студенческой молодежи Узбекистана целесообразно совершенствовать в следующих направлениях:

1) расширение пространства политического диалога, включая создание различных форумов для студенческой молодежи, политических клубов и платформ в онлайн-формате;

2) разработка модели политически интегрированного образования — единой программы политической социализации, сочетающей цифровые, академические и гражданские аспекты;

3) расширение политического сознания молодежи и формирование международного мышления с помощью онлайн-симпозиумов, международных волонтерских проектов с использованием

современных средств коммуникации в сотрудничестве с зарубежными образовательными учреждениями;

4) повышение доверия к политической системе за счет повышения открытости государственных организаций и агентств, усиления механизмов обратной связи для молодежи.

Сегодня политическая социализация молодежи представляет собой процесс со сложной динамикой под влиянием глобальных, цифровых и институциональных факторов. Для нашей страны стратегическое значение приобретает систематизация этого процесса, гармонизация мирового опыта с национальными ценностями и укрепление политического сознания молодежи. В результате молодежь становится политически компетентной, способной чувствовать социальную ответственность, медиаграмотной, что имеет важное значение для развития общества.

Заключение

Процесс политической социализации в Республике Узбекистан проходил поэтапно с первых лет независимости. В настоящее время этот процесс стал одним из приоритетов государственной политики. Принятие Стратегии развития нового Узбекистана, закона «О государственной молодежной политике», а также деятельность Агентства по делам молодежи способствовали закреплению нормативно-правовых, организационных основ политической социализации, повышению социальной активности, политического участия и формированию активной гражданской позиции молодых людей.

Из опыта зарубежных стран известно, что эффективность политической социализации зависит от уровня общения государства с молодежью, качества гражданского образования, участия студенческой молодежи в различных социальных проектах. Социологический анализ позволил определить основные

факторы, влияющие на политическую социализацию молодежи.

Однако случаи дезинформации, политической апатии или «чисто формального участия» в социальных сетях упоминаются как факторы, замедляющие политическую социализацию некоторых студентов. В сложившихся условиях политической социализации студенческой молодежи в Узбекистане могут способствовать:

1) обогащение дисциплин, связанных с политической социализацией, практическими компонентами в рамках системы образования, например создание студенческого парламента, межвузовских клубов политических дебатов;

2) внедрение совместно с Агентством по делам молодежи и образовательными учреждениями «индекса молодежной политической активности» с целью стимулирования политической социализации активных студентов вузов;

3) повышение информационной культуры путем организации курсов медиаграмотности, обучающих студентов навыкам критического анализа политической информации;

4) воспроизведение молодежного политически нейтрального образовательного контента в СМИ и социальных сетях;

5) внедрение международного опыта (адаптация зарубежных моделей студен-

ческого самоуправления в университетах, лабораторий «Молодежная политика» или «Политическое моделирование» к системе высшего образования Узбекистана);

6) расширение научных исследований (изучение уровня, факторов и региональных различий политической социализации студенческой молодежи посредством социологических опросов), реализация государственной молодежной политики на основе полученных результатов.

Библиографический список

1. Parsons T. *The Social System*. New York: Free Press, 1951. 430 p.

2. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963.

3. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books, 1966.

4. Mead G. H. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

5. Norris P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

6. Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. New Jersey: Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1969.

7. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley & Sons, 1965.

8. Niemi R. G., & Hepburn M. A. The rebirth of political socialization // *Perspectives on Political Science*. 1995, no. 24, pp. 7–16.

9. Закон Республики Узбекистан «О государственной молодежной политике» // *Собрание законодательства Республики Узбекистан*. 2016. № 37. Ст. 454.

10. Наша решительные молодые — строители Нового Узбекистана [Электронный ресурс] // *Виртуальная приемная Президента Республики Узбекистан Мирзиёева Шавката Миромоновича*. 2022. 1 июля. URL: <https://pm.gov.uz/ru/lists/view/1555> (дата обращения: 31.10.2025).

References

1. Parsons T. *The Social System*. New York: Free Press, 1951. 430 p.

2. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963.

3. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books, 1966.

4. Mead G. H. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

5. Norris P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

6. Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. New Jersey: Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1969.

7. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley & Sons, 1965.

8. Niemi R. G., & Hepburn M. A. The rebirth of political socialization. *Perspectives on Political Science*. 1995, no. 24, pp. 7–16.

9. Law of the Republic of Uzbekistan «On the State Youth Policy». *Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan*, 2016, no. 37. Art. 454. (In Uzb.)

10. Our determined youth are the builders of New Uzbekistan. *Official Website of the President of the Republic of Uzbekistan*. 2025. URL: <https://pm.gov.uz/ru/lists/view/1555> (Accessed: 31.10.2025). (In Uzb.)

Сохранение биоразнообразия горных регионов в условиях климатических изменений: опыт разработки стратегии адаптации природоохранного сектора для Алтае-Саянского экорегиона

Яшина Т. В.¹

¹ ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник “Катунский”»,
с. Усть-Кокса, Республика Алтай, Российская Федерация

Biodiversity Conservation in the Mountain Regions under Climate Change: Development of the Conservation Adaptation Strategy for the Altai-Sayan Ecoregion

Yashina T. V.¹

¹ FSBI “State Nature Biosphere Reserve ‘Katunskiy’”,
Ust-Koksa, the Republic of Altai, the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматривается опыт разработки и основные положения стратегии адаптации к климатическим изменениям для природоохранного сектора, разработанной в 2012 г. для российской части Алтае-Саянского экорегиона (АСЭ). Приводится краткая информация о специфике региона, наблюдаемых изменениях климата и их воздействии на биоразнообразие на видовом и экосистемном уровнях. Рассматривается целевая основа стратегии адаптации и приводятся сведения о ее реализации.

Ключевые слова: изменение климата, биоразнообразие, горные регионы, Алтае-Саянский экорегион, стратегия адаптации.

Abstract. The paper describes development of the Climate change adaptation strategy for conservation of the biodiversity in the Russian portion of the Altai-Sayan Ecoregion (ASE), which has been developed in 2012. Brief information about the region, observed climate change and its effects for the biodiversity at species and ecosystem levels is presented. Target scope of the adaptation strategy is described and some information about its implementation is provided.

Keywords: climate change, biodiversity, mountain regions, Altai-Sayan Ecoregion, adaptation strategy.

Об авторе:

Яшина Татьяна Валерьевна — заместитель директора по научной работе ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник “Катунский”», altai-yashina@yandex.ru

About the author:

Yashina Tatjana Valeryevna — Deputy Director for Science at the FSBI “State Nature Biosphere Reserve ‘Katunskiy’”, altai-yashina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 29.09.2025, принят к публикации 14.01.2026
 Article received by the editorial office on 29.09.2025, accepted for publication on 14.01.2026

Не вызывает споров, что климатические изменения играют значимую роль в динамике и эволюции природных ландшафтов и социально-экологических систем в горных регионах. Особая уязвимость этих территорий неоднократно подчеркивалась и в научных работах [1], и в некоторых документах стратегического планирования. Алтае-Саянский экорегион (рис. 1) является глобально значимым для сохранения биоразнообразия. Это обусловлено тем, что в регионе распространены географически крайне различные биомы — горная тайга, горная тундра, мозаика лесов, пустынь, полупустынь, степей и водно-болотных угодий со свойственными этим биомам флорой и фауной. Флора региона ха-

рактеризуется высоким уровнем эндемизма и значимой долей реликтовых видов (около 300 видов из более чем 4200). Фауна также разнообразна: здесь представлены фаунистические комплексы, характерные для бореальной тайги, центральноазиатских аридных зон, а также тундровых районов. В Алтае-Саянах расположены территории высокой природоохранной ценности (в том числе три объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, 17 федеральных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), местообитания растений и животных, включенных в Красные книги разных уровней). Особенностью региона является его трансграничный характер, и зачастую распространение отдельных

Рис. 1. Алтае-Саянский экорегион в структуре административно-территориального деления [2]

видов и сообществ не ограничивается территорией одного государства, местообитания и пути миграции животных пересекают государственные границы России, Казахстана, Монголии и Китая. К ним относятся в том числе и глобально угрожаемые виды — снежный барс (*Uncia uncia*), алтайский горный баран, или аргали (*Ovis ammon ammon*), кабарга (*Moschus moschiferus*) и многие другие. Все вышесказанное обуславливает и специфику подходов к планированию природоохранных мероприятий.

Не менее уникально и историческое и культурное разнообразие региона.

Алтае-Саяны издавна являются территорией, на которой осуществляется взаимопроникновение европейской и азиатской цивилизаций, а историко-культурное наследие этой земли настолько значительно, что регион зачастую называют колыбелью цивилизаций. В контексте рассматриваемой тематики нельзя не упомянуть о памятниках скифской культуры и феномене сохранения остатков этой культуры в мерзлотных захоронениях. Именно они дали миру уникальные органические предметы быта, коллекцию древнего текстиля (одну из немногих в мире, столь богато представленных),

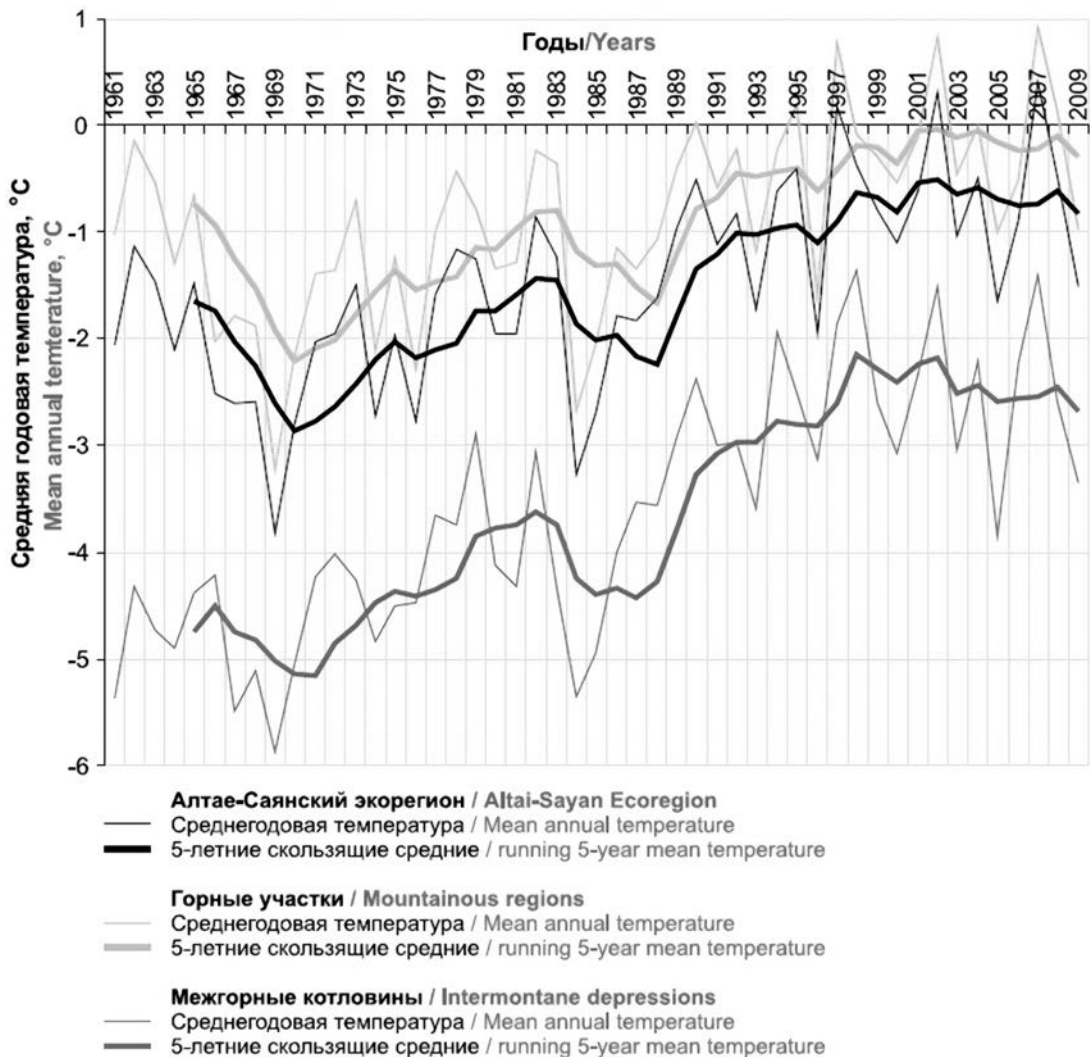

Рис. 2. Динамика годовой температуры воздуха в российской части Алтае-Саянского экорегиона [2]

а также мумифицированные остатки человеческих тел 2,5-тысячелетней давности. Это позволило детально реконструировать пазырыкскую культуру, а наиболее значимые места локализации археологических находок сейчас включены в Предварительный список объектов Всемирного культурного наследия как «Сокровища Пазырыкской культуры».

Изменение климата проявляется по территории российской части экорегиона неоднородно: рост температуры отмечается повсеместно, но с разной интенсивностью (см. рис. 2), а изменение количества осадков имеет менее выраженные и разнонаправленные тенденции [2]. И хотя данный анализ проводился на период до 2010 г., более современные исследования подтверждают эти тенденции [3].

В 2010 г. в рамках проекта ПРООН «Расширение сети ООПТ для сохранения Алтае-Саянского экорегиона» была инициирована разработка стратегии адаптации к климатическим изменениям в целях совершенствования подходов к планированию и реализации природоохранной деятельности в регионе. Разработке этого документа предшествовали обсуждения вопросов изменения климата в регионе и возможностей адаптации к ним на трех научно-практических конференциях с участием более чем сотни представителей научного и природоохранного сообщества России и зарубежных стран (в том числе из стран Алтае-Саянского экорегиона). В период стратегического планирования подготовлено два сборника материалов конференций и две научные монографии, посвященные вопросам изменения климата в регионе [4, 5, 6, 7]. Эти междисциплинарные публикации имели большую ценность как анализ изученности вопроса и актуальный на тот момент «компендиум» данных по проблеме изменения климата и биоразнообразия в регионе, в том числе в палеогеографическом контексте. Они же послужили и научным обоснованием разрабатываемой стратегии адаптации. Итоговый документ — стратегия адаптации [2] — содержит следующие

разделы: «Алтае-Саянский экорегион: краткие сведения», «Изменения климата в российской части АСЭ», «Угрозы для биоразнообразия и экосистем, связанные с изменением климата», «Принципы адаптации», «Стратегии адаптации», «Механизмы реализации стратегии».

С целью планирования природоохранных мероприятий были выявлены явные угрозы для биоразнообразия и экосистем, которые связаны с климатическими изменениями. В числе таковых, подтвержденных наблюдаемой динамикой, эксперты назвали лесные и степные пожары. Отмечено, что в регионе наблюдается устойчивая тенденция роста числа и площадей пожаров [8], а одним из опасных последствий климата в случае его дальнейшей аридизации станет усиление и распространение на больших площадях лесных пожаров.

Результаты моделирования ландшафтной структуры территории при различных климатических сценариях свидетельствуют о том, что при продолжении существующих климатических тенденций в регионе будут происходить процессы, связанные с изменением конфигурации и продвижением вверх по склонам гор основных высотных поясов. Это подтверждается и наблюдаемыми процессами смещения вверх по склонам экотона верхней границы распространения древесной растительности, и рядом палеогеографических реконструкций [7, 9]. По мнению ряда исследователей, изменение климата может вызвать смещение ареалов основных лесообразующих пород: произойдет сокращение площадей темнохвойных лесов и рост доли сложных по составу лесов за счет увеличения доли светлохвойных и лиственных пород. Рост аридности, вероятно, спровоцирует трансформацию степей Юго-Восточного Алтая, Хакасии и Тувы в более аридные экосистемы. Процесс трансформации может усиливаться за счет антропогенной нагрузки, связанной с использованием таких экосистем в качестве пастбищ.

Климатогенная динамика экосистем определяет и условия обитания видов ра-

Таблица. Климатически уязвимые виды высших сосудистых растений
Алтае-Саянского экорегиона (по [2])

Горная система	Климатически уязвимые виды	Примечания
Кузнецкий Алатау	<i>Avenula hookeri</i> (Scribner) Holub subsp. <i>schelliana</i> (Hackel) Lomonosova, <i>Cardamine bellidifolia</i> L., <i>Draba fladnizensis</i> Wulfen, <i>Saxifraga terekensis</i> Bunge, <i>Potentilla gelida</i> C. A. Mey, <i>Thermopsis alpina</i> (Pall.) Ledeb., <i>Sajanella monstrosa</i> (Willd. ex Spreng.) Sojak, <i>Dasystephana algida</i> (Pall.) Borkh, <i>Pedicularis oederi</i> Vahl, <i>Erigeron uniflorus</i> L. subsp. <i>ericalyx</i> (Ledeb.) A. et D. Löve, <i>Saussurea schanginiana</i> (Wydl.) Fisch. ex Herd	Сократят свой ареал
	<i>Adenophora golubinzeviana</i> Reverd	Узколокальный эндемик, потенциально будет утрачен
Западный и Северный Алтай	<i>Viola fischeri</i> W. Becker и <i>Ranunculus schischkinii</i> Revushkin	Узколокальные эндемики, потенциально будут утрачены
Центральный и Юго-Восточный Алтай, Юго-Западная Тува	<i>Ranunculus revushkinii</i> A. I. Pjak et Schegoleva, <i>R. akkemensis</i> Polozhij et Revyak, <i>Cancrinia krasnoborovii</i> V. Chan, <i>Draba sapozhnikovii</i> A. L. Ebel растут в субнивальном и альпийском поясах. Виды <i>Saussurea revjakinae</i> S. Smirnov, <i>Mesostemma martjanovii</i> (Kryl.) Ikonn, <i>Delphinium reverdattoanum</i> Poloshij et Revyak, <i>Ranunculus schmakovii</i> A. Erst, <i>Astragalus aksaicus</i> Schischk	Потенциально исчезнут из района, но могут сохраниться в других регионах
	<i>Cancrinia krasnoborovii</i>	Узколокальный эндемик, будет утрачен
Западный Саян	<i>Aconitum sajanense</i> Kumin и <i>Veronica sajanensis</i> Printz, <i>Aconitum bujbense</i> Stepanov и <i>A. tanzylbeicum</i> Stepanov	Узколокальные эндемики, будут утрачены
Восточный Саян	<i>Aconitum popovii</i> Steinb et Schischk. ex Sipliv и <i>Saussurea squarrosa</i> Turcz	Узколокальные эндемики, будут утрачены
Танну-Ола	<i>Aconitum krasnoboroffii</i> Kadota	Узколокальный эндемик, будет утрачен
Нагорье Сенгилен	<i>Stevenia sergievskajae</i> (Krasnob.) R. Kam. et Gubanov и <i>Taraxacum tuvense</i> Krasnob. et Krasnikov	Узколокальные эндемики, будут утрачены

стений и животных. Так, смещение вверх по склонам высотных поясов создает угрозы для высокогорных видов растений, произрастающих выше верхней границы леса. В условиях вертикальной миграции видов (что отмечается исследователями в разных регионах мира, и в том числе на Алтае [10, 11]) вершины гор становятся своеобразными локальными

рефугиумами, и сохранение на них видов, более адаптированных к холодным условиям, ставится под угрозу за счет конкуренции с более теплолюбивыми видами и вследствие изменения абиотических факторов. Будучи лишены возможности миграции, виды растений, произрастающие в субнивальном поясе гор, будут вытеснены видами из

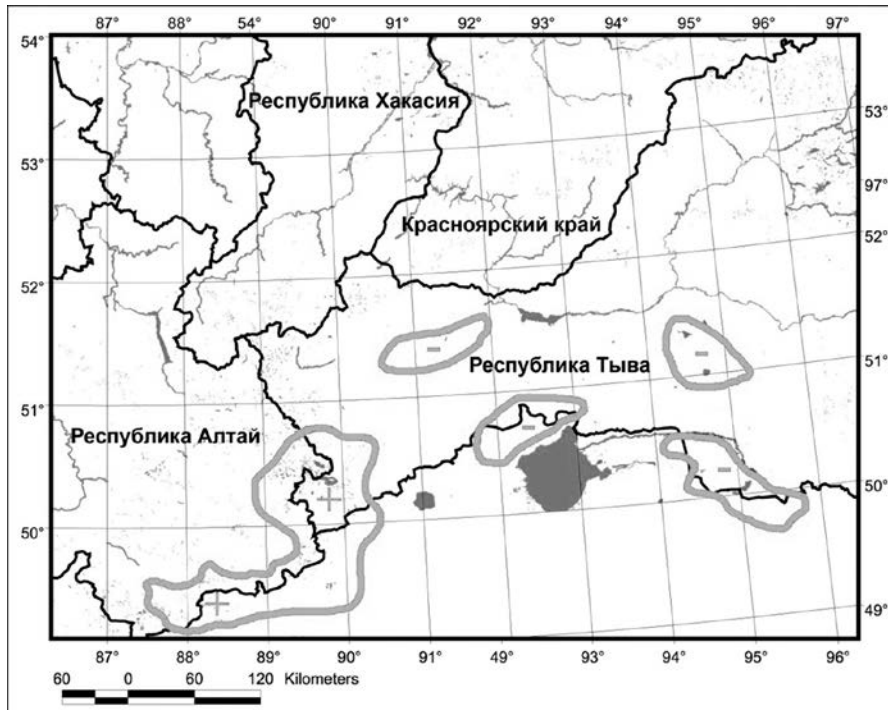

Рис. 3. Прогноз сохранения рефугиумов обитания балобана в АСЭ при жестком сценарии аридизации климата за 100 лет: (+) — численность при аридизации климата будет расти, (-) — численность при аридизации климата будет снижаться [12]

нижележащих поясов растительности. В данном случае серьезной угрозе исчезновения подвергаются узколокальные эндемики, представленные малым числом популяций. В таблице представлен список климатически уязвимых видов высших сосудистых растений для основных горных систем Алтае-Саянского экорегиона.

Климатические угрозы для животных, обладающих значительно большей способностью к миграции и в целом более высоким адаптивным потенциалом, на данном этапе не могут быть выделены столь явно. Пожалуй, беспозвоночные могут являться наиболее репрезентативными индикаторами климатических изменений, однако степень изученности распространения и экологии этой группы в регионе не позволяет делать каких-либо однозначных выводов.

Птицы менее зависимы от погодных условий, но для них большую значимость имеет изменение фенологических условий. В ходе разработки стратегии был

проведен анализ возможного воздействия климатических изменений на популяции сокола-балобана (*Falco cherrug*) — редкого вида, находящегося под охраной. Примерно 70% от численности вида в России обитает в Алтае-Саянском экорегионе [12]. При этом основные угрозы исходят от хозяйственной деятельности человека (отлов, гибель на ЛЭП, отравление, уничтожение гнезд и т.п.). Климатические изменения воздействуют на вид опосредованно, через виды-жертвы (даурская и монгольская пищухи (*Ochotona daurica*, *Ochotona pallasi*), монгольская песчанка (*Meriones unguiculatus*) и длиннохвостый суслик (*Spermophilus undulatus*). Размножение балобана четко синхронизировано с пиками численности видов-жертв, что делает трофически специализированные гнездовые группировки крайне уязвимыми. На рис. 3 приведен прогноз сохранения рефугиумов сокола-балобана при жестком климатическом сценарии. С учетом других факторов динамики популяции балобана в регионе опреде-

лены первоочередные меры для сохранения вида: устранение первоочередных причин, снижающих численность соколов, минимизация негативного воздействия факторов, ведущих к сокращению и разрушению пригодных мест обитания, а также целевые мероприятия по увеличению численности вида в природе (выпуск разведенных в неволе соколов, создание искусственных гнездовий и т.п.).

Для крупных млекопитающих основным фактором регулирования численности является хозяйственная деятельность. В регионе не отмечены примеры воздействия устойчивого климатического тренда на популяции охотничье-промысловых видов животных. Однако более подвержены такому воздействию популяции копытных: так, известны случаи массовой гибели копытных в зимний период из-за колебаний температуры. Образующаяся на снегу во время зимних оттепелей ледяная корка не позволяет

животным добывать корм. В этом случае критическую важность приобретают условия для миграции.

В рамках разработки стратегии было изучено возможное влияние климатических изменений на популяцию алтайского горного барана — аргали (*Ovis ammon ammon*) — редкого вида, включенного в Красные книги всех уровней, ареал которого в России ограничен Алтае-Саянским экорегионом [13]. Среди природных факторов, влияющих на распространение и численность аргали в регионе, одним из самых значимых является снег. Высота снежного покрова более 40 см практически полностью блокирует доступность кормов и значительно затрудняет передвижение животных. Снижение количества осадков и засухи также оказывают негативное воздействие на группировки аргали, резко уменьшая продуктивность пастбищ. В этом случае действие фактора усиливается и антропо-

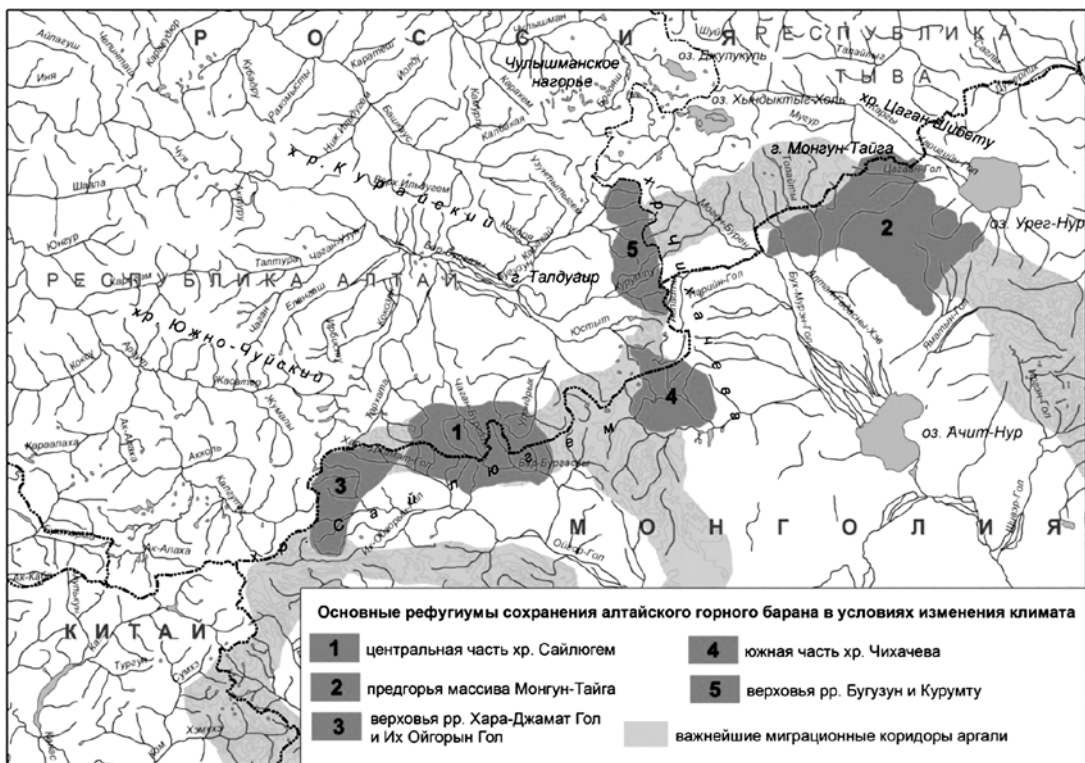

Рис. 4. Основные рефугиумы сохранения алтайского горного барана и важнейшие миграционные коридоры между ними в трансграничной зоне России и Монголии в условиях изменения климата [13]

генной составляющей — конкуренцией с домашним скотом. В долгосрочной перспективе значимую роль в динамике популяции могут играть изменения местообитаний за счет увеличения площади лесов и ерников. Моделирование возможного распределения пригодных местообитаний аргали при различных климатических сценариях показало, что в трансграничной зоне России и Монголии выделяется пять основных рефугиумов, а выживание вида в регионе возможно при сохранении миграционных коридоров между ними (рис. 4). При этом снижение «неклиматических» угроз для вида является залогом успеха сохранения группировки аргали в регионе.

На основе этих данных, а также более детального анализа воздействия климатических изменений на ландшафты и население региона [6] разработана стратегия адаптации. Ее основной целью является реализация комплекса адаптационных мер, позволяющих минимизировать потери биоразнообразия в Алтае-Саянском экорегионе в условиях изменения климата. И хотя воздействие климатических изменений на биоразнообразие на видовом и ландшафтном уровнях имеет долгосрочный характер, стратегия нацелена на горизонт планирования в 10–15 лет, причем запланированные мероприятия помогут снизить уровень неопределенности в прогнозах, а также повысить естественную устойчивость экосистем и видов к климатическим изменениям.

В качестве основного принципа стратегического планирования использовано представление о том, что поддержание естественного характера функционирования природных экосистем является ключевым подходом в адаптации природопользования к климатическим изменениям. При осуществлении этого положения на практике необходимо определить, какой из подходов к реагированию на изменения климата и в каких случаях использовать, — способствовать увеличению сопротивляемости экосистем опробованными на практике методами или

пересмотреть методы природоохранной деятельности с целью их приспособления к новым, меняющимся условиям. Пересмотр подходов к природопользованию основывается на идее, что вместо сохранения местообитаний прошлого лучше сосредоточить усилия на сохранении природных объектов (видов, экосистем, водосборов и т.д.), которые функционируют в современных и будут существовать в будущих климатических условиях. Виды и их сообщества реагируют на климатические изменения по-разному, и стратегии адаптации будут уточняться по мере появления новых результатов мониторинга и научных исследований. В этих условиях важно, чтобы управление процессом адаптации к изменениям климата своевременно и четко устанавливало приоритетные виды и экосистемы для реализации краткосрочных адаптационных проектов, представляющих собой меры своевременного реагирования на изменяющиеся условия.

Поскольку адаптация к климатическим изменениям предполагает некоторые изменения в поведении людей, важным аспектом успешности всех мер является формирование общественной поддержки и просвещение населения региона в вопросах изменения климата и его последствий для биоразнообразия, экосистем, населения и хозяйства. В процессе адаптации природных систем в регионе большую роль должны сыграть общины коренных народов, их традиции и культура природопользования, тем более что изменения климата непосредственно воздействуют на земли, виды, экосистемы и ресурсы экосистем, которые напрямую определяют их благосостояние. Примером этого может быть тесная взаимосвязь между степными экосистемами на юге российской части региона (Алтай, Тува) и на сопредельной территории Монголии, климатом и способом использования их кормовых ресурсов [14]. Аридизация климата в сочетании с неадекватными изменениями в использовании пастбищных ресурсов не только усиливает угрозу и увеличи-

вает масштабы реальных потерь биоразнообразия, но и ставит население этих районов на грань утраты источников жизнеобеспечения.

Уникальной чертой Алтае-Саянского экорегиона является его трансграничность — положение на стыке границ России, Казахстана, Китая и Монголии. В этих условиях эффективное сохранение биоразнообразия возможно лишь при хорошей координации между государствами. Особую важность это приобретает в условиях изменяющегося климата, когда меняются условия миграции и даже ареалы видов и их сообществ. С учетом вышесказанного международное сотрудничество в регионе необходимо и должно охватывать следующие направления:

— сотрудничество с природоохранными организациями стран — соседей по региону в сфере сохранения биоразнообразия в условиях меняющегося климата, организации трансграничных ООПТ и экологических коридоров;

— сотрудничество с исследовательскими, координационными центрами и международными организациями, деятельность которых связана с проблемами сохранения биоразнообразия и адап-

тации к климатическим изменениям в горных районах.

Кроме того, международное сотрудничество помогает использовать на практике другие подходы для анализа и поиска решений, разработанные в сходных географических регионах — Гиндукуш-Гималаях и др.

С учетом региональной специфики и современного уровня знаний о климатических изменениях и их воздействии на природные экосистемы и биоразнообразие этой территории для достижения поставленной стратегической цели предложен набор целевых программ, охватывающих различные сферы деятельности — от научно-исследовательских работ до действий по планированию природопользования, просвещению населения и международного сотрудничества (рис. 5). Для каждой целевой программы предложен набор конкретных мероприятий (всего их 119), реализация которых могла бы преодолеть барьер неопределенности в ожидаемых изменениях климата и усилить способность природных экосистем и видов адаптироваться к их последствиям с наименьшими потерями.

Рис. 5. Целевая основа стратегии адаптации для сохранения биоразнообразия Алтае-Саянского экорегиона [2]

В качестве одного из механизмов реализации стратегии предложено создание регионального информационного центра по биоразнообразию и климатическим изменениям, выполняющего следующие задачи:

- координация разработки и обоснования подходов к формированию сети ООПТ и миграционных коридоров, способных обеспечить максимальный уровень сохранения биоразнообразия при изменениях климата;

- методическая поддержка деятельности природоохранных отделов администраций различных уровней в ходе выполнения ими программ и проектов;

- выполнение проектов или участие в проектах по адаптации биоразнообразия и экосистем к климатическим изменениям;

- экспертиза соответствия проектов хозяйственной деятельности, связанных с использованием земельных и других природных ресурсов, требованиям по выполнению необходимых мероприятий по адаптации биоразнообразия и экосистем к климатическим изменениям;

- инициирование, выполнение научных исследований, связанных с проблемами климатических изменений в Алтае-Саянском регионе и способами приспособления к ним, а также участие в таких исследованиях;

- анализ последних научных достижений и данных для обоснования правил, приоритетов и действий при выборе наиболее эффективных адаптивных стратегий природопользования и сохранения биоразнообразия;

- формирование научных программ мониторинга флаговых и фокусных видов, эндемиков, исчезающих видов, видов специального интереса, влияния абиотических экосистемных процессов на способность адаптации видов и возможности их перемещения между территориями ООПТ и неохраняемыми землями;

- подготовка периодических аналитических докладов и ежегодных бюллетеней по вопросам изменения климата и его последствий для биоразнообразия и экосистем АСЭ;

- разработка и ведение централизованной базы данных об изменении климата, биоразнообразия и экосистем АСЭ;

- проведение научно-практических конференций, совещаний, семинаров, лекций и т.д., посвященных вопросам изменения климата в регионе и его влияния на биоразнообразие и экосистемы региона.

Стоит отметить, что данная стратегия разрабатывалась в 2010–2012 гг., когда в целом в России такие работы были на начальных этапах. И до, и после в стране не было разработано ни одной стратегии адаптации к климатическим изменениям для природоохранного сектора. Поэтому этот опыт можно по праву считать пионерным.

Тем не менее по прошествии десятилетия можно констатировать, что стратегия реализована далеко не в полной мере. В связи с окончанием крупных международных проектов, которые играли значимую роль в координации природоохранной деятельности и научных исследований на уровне экорегиона, сбор и анализ данных по биоразнообразию на региональном уровне не скоординирован, отсутствуют какие-либо оценки и обобщения. Это, в свою очередь, не позволяет судить о современном состоянии биоразнообразия и степени воздействия климатических изменений на виды, их сообщества и экосистемы, а следовательно, и об эффективности данной стратегии. Вне всякого сомнения, одним из приоритетов на ближайшее время должна стать оценка современного состояния биоразнообразия и климатических изменений, а также анализ реализации стратегии адаптации в данном контексте.

По вышеуказанной причине в регионе не был создан региональный информационный центр по биоразнообразию и климатическим изменениям, что не позволило обеспечить координацию внутри региона и преодолеть межведомственную разобщенность. В том числе и поэтому положения данной стратегии адаптации и конкретные адаптационные мероприятия не были включены в планы

адаптации субъектов, входящих в состав Алтае-Саянского экорегиона.

Между тем в российской части Алтае-Саянского экорегиона реализуется немало конкретных мероприятий, запланированных стратегией, в части исследований и мониторинга. Отработаны механизмы реализации пилотных практик адаптаций в природоохранной работе, в частности создан трансграничный биосферный резерват «Алтай» на стыке границ России и Казахстана для обеспечения беспрепятственной миграции животных и совместного мониторинга климатически уязвимых видов и ландшафтов, расположенных в трансграничной зоне [15]. Осуществляется международное сотрудничество в сфере мониторинга распространения и численности глобально угрожаемых

видов, в том числе алтайского горного барана, или аргали (результаты которого, кстати, свидетельствуют о росте численности трансграничной группировки [16, 17]). Отработана методика и успешно реализуются проекты по установке искусственных гнездовых и выпуску в природу выращенных в неволе соколов-балобанов, что повышает устойчивость уязвимых группировок этого вида в регионе.

Несмотря на то что стратегия в силу разных обстоятельств не реализована в полной мере, опыт ее разработки как в методологическом, так и в организационном плане представляет несомненный интерес для других горных регионов, в которых сохранение биоразнообразия является одной из приоритетных задач.

Библиографический список

1. Adler C., Wester P., Bhatt I., Huggel C., Insarov G. E., Morecroft M. D., Muccione V., Prakash A. Cross-Chapter Paper 5: Mountains // Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Н.-О. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor, E. S. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegría, M. Craig, S. Langsdorf, S. Löschke, V. Möller, A. Okem, B. Rama (eds.)]. Cambridge University Press, Cambridge; New York. 2022. Pp. 2273–2318. DOI: 10.1017/9781009325844.022.
2. Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона в условиях изменения климата. Стратегия адаптации. Красноярск, 2012. 62 с. ISBN 978-5-904314-58-3.
3. Сухова М. Г., Харламова Н. Ф. Региональные проявления изменения климата на Алтае // Вопросы географии. Сб. 158. Горные регионы России на рубеже веков. Исследования и развитие / отв. ред. В. М. Котляков, Ю. П. Баденков. Москва: Медиа-ПРЕСС, 2024. С. 369–379.
4. Изменение климата и непрерывное сохранение биоразнообразия в Алтае-Саянском экорегионе. Материалы международного совещания (Усть-Кокса — Барнаул, 23–27 июля 2010 г.) / отв. ред. Яшина Т. В. Барнаул: Пять плюс, 2010. 236 с.
5. Возможности адаптации к климатическим изменениям в Алтае-Саянском экорегионе: материалы научно-практического семинара (Барнаул, 31 мая — 3 июня 2011 г.) / отв. ред. Т. В. Яшина. Барнаул: Пять плюс, 2011. 143 с.
6. Изменение климата и его воздействие на экосистемы, население и хозяйство российской части Алтае-Саянского экорегиона: оценочный доклад / под ред. А. О. Кокорина. Москва: Всемирный фонд дикой природы, 2011. 168 с.
7. Изменение климата и биоразнообразие российской части Алтае-Саянского экорегиона / И. А. Артемов, Т. А. Бляхарчук, Н. И. Быков [и др.]. Красноярск: Город, 2013. 327 с. ISBN 978-5-904314-69-9. EDN: TJQGPT.
8. Стратегия по снижению пожарной опасности на ООПТ Алтае-Саянского экорегиона / [А. С. Шишкин и др.]; отв. ред. А. А. Онучин; Сибирское отделение Российской академии наук, Институт леса им. В. Н. Сукачева. Новосибирск: СО РАН, 2013. 264 с.
9. Патрушева Т. В. Дендроиндикационный анализ изменения климата высокогорий Алтая // Изменение климата и непрерывное сохранение биоразнообразия в Алтае-Саянском экорегионе. Материалы международного совещания 23–27 июля 2010 г. / отв. ред. Т. В. Яшина. Усть-Кокса — Барнаул, 2010. С. 102–106.

10. Pauli H., Gottfried M., Dirnböck T., Dullinger S., Grabherr G. Assessing the Long-term Dynamics of Endemic Plants at Summit Habitats // *Ecological Studies* 167, 2003, pp. 195–207.

11. Артемов И. А. Изменение высотного распределения высокогорных растений по результатам многолетнего мониторинга в Катунском биосферном заповеднике (Центральный Алтай) / И. А. Артемов // *Сибирский экологический журнал*. 2018. Т. 25, № 1. С. 3–16. DOI: 10.15372/SEJ20180101. EDN: YPKVVJ.

12. Карякин И. В. Материалы для стратегии сохранения балобана в Алтае-Саянском экорегионе в условиях изменения климата // *Возможности адаптации к климатическим изменениям в Алтае-Саянском экорегионе: материалы научно-практического семинара (Барнаул, 31 мая — 3 июня 2011 г.)* / отв. ред. Т. В. Яшина. Барнаул: Пять плюс, 2011. С. 57–72.

13. Пальцын М. Ю. Материалы к стратегии сохранения алтайского горного барана аргали в Алтае-Саянском экорегионе в условиях изменения климата // *Возможности адаптации к климатическим изменениям в Алтае-Саянском экорегионе: материалы научно-практического семинара (Барнаул, 31 мая — 3 июня 2011 г.)* / отв. ред. Т. В. Яшина. Барнаул: Пять плюс, 2011. С. 73–84.

14. Мандыч А. Ф. Состояние, факторы и тренды изменения пастбищных экосистем За-

падной Монголии // *Проблемы региональной экологии*. 2005. № 4. С. 51–64.

15. Яшина Т. В. Трансграничный биосферный резерват «Большой Алтай» как инструмент развития евразийского партнерства / Т. В. Яшина, Р. Н. Крыкбаева // *Труды Катон-Карагайского государственного национального природного парка: сборник статей*. Т. 2. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2022. С. 30–49. DOI 10.55435/0903202222. EDN ADQPWF.

16. Спицын С. В., Куксин А. Н., Кужлеков А. О., Гуляев Д. И., Мунхтогтох О., Сэргэлэн Э. Результаты осеннего учета алтайского горного барана (аргали) в трансграничной зоне России и Монголии в 2021 г. Проблемы и перспективы сохранения популяции // *Полевые исследования в Алтайском биосферном заповеднике*. 2022. № 4. С. 77–97.

17. Гуляев Д. И. Численность и распространение трансграничной группировки алтайского горного барана на хребте Сайлюгем в 2020 году // *Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий: сборник статей VIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Сочи, 7–9 октября 2021 г.* Т. 8. Сочи: ГКУ КК «Природный орнитологический парк в Имеретинской низменности», 2021. С. 110–114. EDN: WPQXDB.

References

1. Adler C., Wester P., Bhatt I., Huggel C., Inarov G. E., Morecroft M. D., Muccione V., Prakash A. Cross-Chapter Paper 5: Mountains. *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* [H.-O. Pörtner, D. C. Roberts, M. Tignor, E. S. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegría, M. Craig, S. Langsdorf, S. Löschke, V. Möller, A. Okem, B. Rama (eds.)]. Cambridge University Press, Cambridge; New York. 2022. Pp. 2273–2318. DOI: 10.1017/9781009325844.022.

2. *Conservation of Biodiversity in the Russian Part of the Altai-Sayan Ecoregion in the Context of Climate Change. Adaptation Strategy*. Krasnoyarsk, 2012. 62 p. ISBN 978-5-904314-58-3. (In Russ.)

3. Sukhova M. G., Kharlamova N. F. Regional Manifestations of Climate Change in Altai. *Questions of Geography. Collection 158. Mountainous Regions of Russia at the Turn of the Century. Re-*

search and Development. Ed. by V. M. Kotlyakov, Yu. P. Badenkov. Moscow: Media-PRESS, 2024. Pp. 369–379. (In Russ.)

4. *Climate Change and Continuous Conservation of Biodiversity in the Altai-Sayan Ecoregion*. Materials of the international meeting (Ust-Koksa — Barnaul, July 23–27, 2010). Ed. Yashina T. V. Barnaul: Pyat' plyus, 2010. 236 p. (In Russ.)

5. *Possibilities of Adaptation to Climate Change in the Altai-Sayan Ecoregion: materials of a scientific and practical seminar (Barnaul, May 31 — June 3, 2011)*. Ed. by T. V. Yashina. Barnaul: Pyat' plyus, 2011. 143 p. (In Russ.)

6. *Climate Change and its Impact on Ecosystems, Population and Economy of the Russian Part of the Altai-Sayan Ecoregion: an assessment report*. Ed. by A. O. Kokorin. Moscow: World Wildlife Fund, 2011. 168 p. (In Russ.)

7. *Climate Change and Biodiversity of the Russian Part of the Altai-Sayan Ecoregion*. I. A. Artemov, T. A. Blyakharchuk, N. I. Bykov [et al.]. Krasnoyarsk: Gorod, 2013. 327 p. ISBN 978-5-904314-69-9. EDN: TJQGPT. (In Russ.)
8. *Strategy for Reducing fire Danger in Protected Areas of the Altai-Sayan Ecoregion*. A. S. Shishikin et al. Ed. by A. A. Onuchin; Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, V. N. Sukachev Forest Institute. Novosibirsk: SB RAS, 2013. 264 p. (In Russ.)
9. Patrusheva T. V. Dendroindicational Analysis of Climate Change in the Altai Highlands. *Climate Change and Continuous Conservation of Biodiversity in the Altai-Sayan Ecoregion*. Materials of the international meeting (Barnaul, July 23–27, 2010). Ed. Yashina T. V. Ust-Koksa — Barnaul, 2010. Pp. 102–106. (In Russ.)
10. Pauli H., Gottfried M., Dirnböck T., Dullinger S., Grabherr G. Assessing the Long-term Dynamics of Endemic Plants at Summit Habitats. *Ecological Studies* 167, 2003, pp. 195–207.
11. Artyomov I. A. Changes in the Altitude Distribution of High-altitude Plants Based on the Results of Long-term Monitoring in the Katun Biosphere Reserve (Central Altai). *Siberian Ecological Journal*, 2018, vol. 25, no. 1, pp. 3–16. DOI: 10.15372/SEJ20180101. EDN: YPKVVJ. (In Russ.)
12. Karyakin I. V. Materials for the Conservation Strategy of the Saker Falcon in the Altai-Sayan Ecoregion in the Context of Climate Change. *Possibilities of Adaptation to Climate Change in the Altai-Sayan Ecoregion: materials of a scientific and practical seminar* (Barnaul, May 31 — June 3, 2011). Ed. by T. V. Yashina. Barnaul: Pyat' plyus, 2011. Pp. 57–72. (In Russ.)
13. Paltsyn M. Y. Materials for the Conservation Strategy of the Altai Argali Mountain Sheep in the Altai-Sayan Ecoregion in the Context of Climate Change. *Possibilities of Adaptation to Climate Change in the Altai-Sayan Ecoregion: Materials of a scientific and practical seminar* (Barnaul, May 31 — June 3, 2011). Ed. by T. V. Yashina. Barnaul: Pyat' plyus, 2011. Pp. 73–84. (In Russ.)
14. Mandych A. F. The State, Factors and Trends of Change in Pasture Ecosystems of Western Mongolia. *Problems of Regional Ecology*, 2005, no. 4, pp. 561–654. (In Russ.)
15. Yashina T. V., Krykbaeva R. N. The Transboundary Biosphere Reserve «Bolshoy Altai» as a Tool for the Development of the Eurasian Partnership. *Proceedings of the Katon-Karagai State National Natural Park: collection of articles*. Vol. 2. Ust-Kamenogorsk: Media Alliance, 2022. Pp. 30–49. DOI: 10.55435/0903202222. EDN: ADQPWF. (In Russ.)
16. Spitsyn S. V., Kuksin A. N., Kuzhlekov A. O., Gulyaev D. I., Munkhtokh O., Sergalan E. The Results of the Autumn Accounting of the Altai Mountain Sheep (Argali) in the Transboundary Zone of Russia and Mongolia in 2021. Problems and Prospects of Population Conservation. *Field Research in the Altai Biosphere Reserve*, 2022, no. 4, pp. 77–97. (In Russ.)
17. Gulyaev D. I. The Number and Distribution of the Transboundary Grouping of Altai Mountain Sheep on the Sailugem Ridge in 2020. *Sustainable Development of Specially Protected Natural Territories: collection of articles of the VIII All-Russian (national) scientific and practical conference*, Sochi, October 7–9, 2021. Vol. 8. Sochi: GKU CC «Natural Ornithological park in the Imereti lowland», 2021. Pp. 110–114. EDN: WPOXDB. (In Russ.)